

88.56
Г 678

**ВЫСШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ**

Е. В. Горбуля

Психология семьи

Семейные кризисы

 Юрайт
Издательство
biblio-online.ru

88,56
Г 676

Е. В. Горбуля

ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ СЕМЕЙНЫЕ КРИЗИСЫ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ВУЗОВ

4

Nizomiy nomli

T D P U

kutubxonasi

931538

Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва • Юрайт • 2022

УДК 159.9(075.8)

ББК 88я73

Г67

Автор:

Горбуля Евгений Валерьевич — кандидат психологических наук, член-корреспондент Международной Академии психологических наук.

Рецензенты:

Козлов В. В. — президент Международной академии психологических наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;

Мазилев В. А. — академик Международной академии психологических наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского.

Горбуля, Е. В.

Г67

Психология семьи: семейные кризисы: учебное пособие для вузов / Е. В. Горбуля. — Москва : Издательство Юрайт, 2022. — 280 с. — (Высшее образование). — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-534-10036-5

Книга представляет собой обзор семейных отношений в ведущих странах мира, дана социальная и психологическая характеристика семьи. Рассмотрены семейные кризисы, их виды, различия, особенности. На основе собственных эмпирических и теоретических исследований дается обоснование наличия еще нескольких видов семейных кризисов, которые не менее важны, но не отражены в достаточной мере в психологической литературе и до настоящего времени не были раскрыты полностью. Дается их характеристика, отличительные признаки, особенности развития, структурирование и классификация.

Тезисно представлен диагностический инструментарий.

Для специалистов в области психологии, социологии, педагогики и студентов, обучающихся по этим специальностям, а также всем желающим самостоятельно разобраться в своих семейных проблемах и найти способы их решения.

УДК 159.9(075.8)

ББК 88я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-534-10036-5

© Горбуля Е. В., 2019

© ООО «Издательство Юрайт», 2022

Содержание

Предисловие	4
Введение.....	6
1. Особенности развития и эволюции семейных отношений	8
1.1. Семья и семейные отношения	8
1.2. Семейно-брачные отношения в Центральной и Западной Европе.....	23
1.3. Развитие американской семьи.....	62
1.4. Развитие семьи и брака в России.....	82
2. Социально-психологические аспекты семьи, нормативные и ненормативные семейные кризисы	101
2.1. Социальная и психологическая характеристика семьи.....	101
2.2. Понятие кризиса	113
2.3. Структура нормативных семейных кризисов	121
2.4. Составляющие ненормативных семейных кризисов.....	155
3. Психология общих и частных семейных кризисов.....	197
3.1. Общие и частные семейные кризисы	197
3.2. К вопросам о совместимости и несовместимости	212
3.3. Внешние факторы в супружеских отношениях.....	242
Заключение.....	268
Список литературы	271
Интернет-издания	278
Новые издания по дисциплине	279

Предисловие

Среди множества различных проблем, с которыми сегодня приходится сталкиваться психологам в процессе работы, одной из самых распространенных является проблема семейных отношений. С этим вопросом к специалистам обращаются и молодые пары, и пары среднего возраста, а не редко и те, чей брак длится уже по нескольку десятков лет, и те, кто находится в довольно зрелом возрасте.

Затруднения в супружеских отношениях очень часто приводят семью в состояние кризиса. Семейный кризис — это один из самых сложных периодов в жизни семьи, и от того, насколько успешно семья справляется с трудностями этого периода, зависит не только качество семейной жизни в будущем, но нередко и сама возможность сохранения брака. Многие супруги, чьи взгляды и убеждения отличаются зрелостью и искушенностью, в отношениях которых царит любовь, понимание и готовность к компромиссам, довольно часто сами неплохо справляются со многими сложностями семейной жизни. Однако даже у них нередко случаются затруднения, решить которые самостоятельно они не в силах, в результате чего даже в таких семьях происходят семейные кризисы. Кроме того, нельзя не отметить, что таких семей встречается очень мало и в большинстве случаев они представляют собой пары с большим стажем семейных отношений. В остальных случаях супруги, в особенности молодые и неопытные, преодолевают любые сложности в отношениях с большим трудом, и каждый семейный кризис может стать для их отношений последним.

Избежать семейных кризисов на данном этапе развития общества не может ни одна семья. Они являются тем рубежом, после которого семейные отношения либо переходят на другой уровень, либо при неспособности справиться с ними ведут брак к распаду. Понимая важность и значительность этой стороны супружеских отношений, было проведено тщательное изучение этого вопроса. В результате эмпирических и теорети-

ческих исследований было выявлено, что современная модель семейных кризисов (нормативные, ненормативные) не отражает в полной мере все аспекты проблем в супружеских отношениях. Существует еще несколько видов семейных кризисов, которые в неменьшей степени влияют на развитие семейно-брачных отношений, но не нашли достаточного отражения в психологической литературе и не раскрыты полностью. Проведя детальный анализ различных источников и опираясь на результаты, полученные в процессе практической деятельности, были выделены новые виды кризисов в семейных отношениях. Дана их характеристика и отличительные признаки, особенности развития, структурирование и классификация. Тезисно представлен диагностический инструментарий.

Результаты исследований, представленные в данной работе, позволят специалистам в области семейных отношений иметь более полную и точную картину семейных кризисов, что значительно повысит эффективность диагностирования проблемы и оказания психологической помощи.

Введение

На данном этапе развития общества семейно-брачные отношения находятся в состоянии глубочайшего кризиса. Уменьшается количество браков, увеличивается количество разводов, падает качество семейных отношений и удовлетворенность супругов браком. Наряду с этим увеличивается количество детей, воспитывающихся в неполных семьях, и детей, рожденных вне брака, — все это происходит с одновременным падением общей рождаемости, что, в свою очередь, порождает новые проблемы.

Сегодня как никогда остро стоят такие семейные проблемы, с какими несколько десятков лет назад нашим гражданам практически не приходилось сталкиваться. Кроме того, в несколько раз повысилось количество супругов, вступающих в брак неоднократно, а продолжительность брака в семьях, расторгающих отношения, значительно упала, также во многих регионах возникло совершенно новое явление, которого не было еще несколько лет назад, — превышение количества разводов над количеством заключенных браков.

Помимо этого, современному обществу навязывается такое понятие, как толерантность. Толерантность (от лат. *tolerantia* — терпение) — терпимость к абсолютно чуждому мнению, поведению и образу жизни, принятие их даже тогда, когда они полностью противоречат собственным взглядам и принципам. Параллельно с толерантностью в некоторых странах были приняты законы, позволяющие гомосексуалистам и лесбиянкам официально вступать в брак и усыновлять детей, что, конечно же, отразится на традиционной семье далеко не лучшим образом.

О семье и браке написано немало трудов и проведено множество исследований, но количество проблем, связанных с семьей, не уменьшается. Это связано с тем, что, помимо прочего, семья является еще и динамической системой, находящейся в постоянном развитии. Кроме того, большое влияние

на семью оказывают внешние факторы, под воздействием которых семье приходится трансформироваться. Не всегда эти процессы происходят легко и гладко, в связи с чем возникает множество проблем, осложнений и кризисов.

Ввиду этого проблема кризисов в супружеских отношениях относится к числу наиболее важных и актуальных. В современном обществе избежать кризисов во взаимоотношениях не может ни одна семья. Они являются тем рубежом, после которого семейные отношения либо переходят на другой уровень, либо при неспособности справиться с ними ведут брак к распаду. Семейный кризис — это своего рода тонкий мостик в супружеских отношениях между прошлым и будущим.

В отечественной и зарубежной литературе тема семейных кризисов ввиду их масштабности и значимости затрагивается очень часто и охватывает большой спектр вопросов, однако некоторые аспекты этой проблемы до настоящего времени не были изучены в полном объеме. Попыткой восполнить этот пробел и является данная работа.

1. Особенности развития и эволюции семейных отношений

1.1. Семья и семейные отношения

Для того чтобы перейти к изучению семейно-брачных отношений, необходимо ознакомиться с самими понятиями «семья» и «брак», их признаками, различиями и основными характеристиками.

Семья — это сложное, важное и многогранное явление в жизни человека, оно охватывает такое значительное количество аспектов и сторон его жизни, что однозначного универсального определения просто не существует. Изучением семьи занимаются представители разных социальных наук, и каждый из них дает свою формулировку данному понятию. Кроме того, в зависимости от акцентов, которые делают исследователи при изучении семьи, даже внутри одной науки эти определения могут значительно различаться.

В социологии определение семьи происходит на основе анализа социологических особенностей. В *Энциклопедическом социологическом словаре* понятие семьи формулируется так: «Семья — общественный механизм воспроизводства человека, отношения между мужем и женой, родителями и детьми, основанная на этих отношениях малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [104].

Также популярно в советской социологии определение семьи А. Харчева: «Семья — это исторически-конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми; это малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родительскими отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью в которой обусловлена потребностью

общества в физическом и духовном воспроизводстве населения.» [95].

Английский социолог Энтони Гидденс дает определение семье как ячейке общества, состоящей из людей, которые поддерживают друг друга одним или несколькими способами, например социально, экономически или психологически (любовь, забота, привязанность), либо чьи члены отождествляются друг с другом как поддерживающая ячейка [103].

Как социальный институт семья представляет собой совокупность исторически сложившихся устойчивых социальных норм, санкций и образцов поведения, регламентирующих отношения между супругами, родителями и детьми, другими родственниками [97].

Обобщая определения этих, а также других известных социологов можно сделать вывод, что в социологии под семьей понимается общность людей, основанная на единой общесемейной деятельности, связанных между собой узами супружества-родительства-родства, осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи.

Юридическая наука в действующем законодательстве не содержит правового определения семьи. В юридической литературе по вопросу о его необходимости существует две противоположные позиции.

Приверженцы первой из них считают нужным дать законодательное определение семьи. Но поскольку различные отрасли права регулируют разные по содержанию отношения с участием членов семьи, возникают трудности в выработке универсального понятия семьи, приемлемого для всех отраслей права. По их мнению, нужно выработать и закрепить в законе определение семьи для каждой правовой отрасли, субъектами которой являются члены семьи.

Существует также мнение, согласно которому не стоит на законодательном уровне давать определение семьи. Обосновывается оно тем, что критерии, характеризующие семью, очень многообразны и слишком разнятся условия существования семей. К тому же авторы этого мнения полагают, что семья как таковая субъектом права не является, субъектами являются конкретные члены семьи, более того, семья — это явление не правовое, а социологическое [62].

Вряд ли можно однозначно согласиться с подобными выводами и предложениями. Прежде всего сложность и многогранность явления не влечет вывода о том, что в его определении должны быть указаны все признаки, присущие ему, достаточно просто ограничиться основными и относительно постоянными. Ссылка на социальный характер семьи верна, но это не отрицает возможности ее правового определения. Попав в сферу правового регулирования, семья становится социально-правовым явлением, что дает возможность включить в ее определение как социальные, так и правовые признаки.

По меньшей мере два из них отражены в действующем семейном законодательстве:

1) наличие взаимных прав и обязанностей членов семьи (этот признак является обязательным);

2) совместное проживание членов семьи, хотя носителями семейных прав и обязанностей могут быть члены разных семей.

Вызывает сомнение и утверждение о том, что семья субъектом права не является. Анализ действующего законодательства доказывает обратное. Как самостоятельное понятие «семья» встречается в тексте ряда статей СК РФ (ст.ст. 1, 2, 22, 27, 31, 54, 57 и др.) [86].

Имеется достаточно оснований, чтобы рассматривать семью в качестве самостоятельного субъекта права. А это приводит к выводу о необходимости правового определения семьи и его отражения в законе.

Правовая взаимосвязь членов семьи является не переменным условием ее существования. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в семейном праве семья выступает как единый коллективный субъект, члены которого также являются самостоятельными субъектами семейных правоотношений.

Исходя из вышеизложенного можно дать следующее юридическое определение семьи. Семья — группа лиц, имеющая между собой предусмотренные законом права и обязанности. Отношения между членами семьи регулируются нормами семейного права, поэтому они называются семейно-правовыми и базируются на конституционных нормах.

В психологии ученые дают следующее определение: «Семья — это важнейшая форма организации личной жизни, вид социальной общности, малая группа, основанная на супружеском союзе, родственных связях или усыновлении, то есть на многосторонних отношениях между мужем и женой, роди-

телями и детьми, братьями, сестрами, другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство» [72].

Оксфордский толковый словарь по психологии формулирует понятие семьи таким образом.

1. В самом строгом значении термин «семья» относится к фундаментальной единице родства. В своей минимальной или ядерной форме семья состоит из матери, отца и потомства. В более широком использовании это может относиться к расширенной семье, которая может включать дедушку и бабушку, двоюродных братьев и сестер, приемных детей и т. д., которые все вместе действуют как отдельная социальная единица. У социологов и антропологов имеется множество других специальных классификаций для различных видов семей, согласно тому, как они представляются в различных культурах и обществах.

2. Более широкое значение — группа людей с близкими социальными или личными связями, даже если между ними нет никаких кровных связей.

3. Еще более широкое значение — термин, применимый к любой совокупности близко или формально связанных предметов или событий; в математике это относится к семье кривых, в социальной психологии — к семье черт или отношений, в лингвистике — к семье языков и т. д.

4. В биологии — уровень классификации связанных видов (или иногда отдельного вида), которые сгруппированы в определенном порядке [69].

В словаре конфликтолога А. Я. Анцупова, А. И. Шипилова семья понимается как основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью. Как устойчивое объединение возникает с разложением родового строя. Основные исторические формы семьи: парная (при неустойчивых связях между мужем и женой и раздельном имуществе), большая (включающая несколько поколений родственников), полигамная, моногамная. Большинство современных семей состоит из супругов и их детей (нуклеарная семья). Сфера возникновения и развития семейных конфликтов [12].

Олифирович Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. описывают семью как малую социальную группу, состоящую из людей, связанных узлами родства и (или) супружеством. Се-

мья здесь представляет собой динамическую систему, функционирование которой определяется действием двух законов: закона гомеостаза и закона гетеростаза. Согласно закону гомеостаза, каждая семья стремится сохранить свое положение, остаться в данной точке развития. Согласно закону гетеростаза, каждая семейная система должна пройти свой жизненный цикл: некую последовательность смены стадий. Кроме того, семья выполняет ряд функций, наиболее важными из которых являются: функция духовного (культурного) общения, эмоциональная, сексуально-эротическая, функция первичного социального контроля, репродуктивная, воспитательная, хозяйственно-бытовая [71].

Таким образом в психологии семья — это устойчивое объединение, основанное на браке или кровном родстве людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью. Представляет собой динамическую систему, которая выполняет ряд функций, таких как функция духовного (культурного) общения, эмоциональная, сексуально-эротическая, функция первичного социального контроля, репродуктивная, воспитательная, хозяйственно-бытовая.

Педагогика дает следующее определение понятию семьи: «Семья — это социально-педагогическая группа людей, предназначенная для оптимального удовлетворения потребностей в самосохранении (продолжении рода) и самоутверждении (самоуважении) каждого ее члена» [91].

По мнению О. Л. Зверевой, А. Н. Ганичевой и других исследователей, семья — уникальный и специфический социальный институт — посредник между индивидуумом и государством, транслятор функциональных ценностей от поколения к поколению, психологическое убежище человека от столкновения его с внешней средой, место восстановления его духовных сил и эмоционального равновесия. Семья удовлетворяет потребности общества в физическом и духовном воспроизводстве населения, в организации общественного потребления, передачи культурного наследия. Ядром семьи считают супружескую пару [35].

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод.

Семья — это малая, устойчивая, динамичная социально-психологическая группа, связанная брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответ-

ственностью, которая является *основной структурной единицей (ячейкой) современного общества. Выполняет ряд важных социальных, психологических, педагогических и иных функций, обладает набором своих специфических признаков, качеств и норм. Охватывает все стороны жизни человека. Находится под влиянием общества и сама влияет на него.*

Очень важно не путать два таких понятия, как «семья» и «брак». И хотя термины «брак» и «семья» как в обыденной речи, так и в научных публикациях находятся обычно рядом, что действительно правомерно, поскольку реальности, обозначаемые этими терминами, тесно взаимосвязаны, однако брак и семья — не одно и то же, это не тождественные, а скорее пересекающиеся понятия, ведь семья может существовать без брака, а брак — без семьи.

Слово «брак» происходит от греческого слова *уаро*, производного от глагола «брать» (например, «он берет ее в жены») [105]. Брак — это общественное установление, учреждение или, как говорят юристы и социологи, особый общественный институт, особая форма общественного устройства, наряду, например, с государством как особым институтом для регулирования отношений между его гражданами, наряду с институтом собственности и т. д. Брак — это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между полами, между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям, своему потомству. Иными словами брак — это традиционное средство формирования семьи и общественного контроля за ней, одно из орудий, путей, способов самосохранения и развития общества. Брачная форма регулирования отношений между представителями различных половых групп появилась не сразу. В глубочайшей древности при формировании человека, на первых стадиях процесса превращения обезьяньего стада в человеческое общество, отношения между людьми, в том числе и между полами, регулировались только биологическими импульсами, потребностями. В это время в половое общение могли вступать друг с другом все члены общества, данного рода, то есть кровные родственники: братья с сестрами, родители со своими детьми и т. д. Такая форма отношений между полами, беспорядочная связь между ними

называется промискуитетом (от лат. *promiscuis* — смешанный, всеобщий).

Каждая женщина данного стада могла принадлежать каждому мужчине этого же стада и наоборот, каждый мужчина — каждой женщине. Такое явление обычно называют эндогамией, то есть браком внутри данной общности, «внутренним» браком. Но, строго говоря, это не совсем точно, потому что брака в современном понимании как общественного регулирования отношений между полами в то время фактически еще не существовало. Это была просто биогенная добрачная форма сожительствия между мужчинами и женщинами.

Впоследствии в связи с тем, что возникавшие довольно часто осложнения, конфликты в отношениях между людьми на сексуальной основе стали угрожать самому существованию данного рода, общество было вынуждено ввести искусственное регулирование сексуальных отношений. Было введено половое табу, полный и безусловный запрет на сексуальные связи между людьми внутри данного рода в определенные периоды. Нарушители этих запретов карались жесточайшим образом, и впервые в человеческом обществе зародилось проходящее через человеческую психику жестокое противоречие между социальным и биологическим, между «хочется» и «нельзя». Постепенно это породило новые, экзогамные связи между людьми: лишённые возможности вступления в связь с женщинами своего рода, мужчины стали вступать в поистине случайные связи с женщинами другого рода, другой общности. Как видим, экзогамия, этот «первобытный адюльтер», была, по существу, первым бунтом человеческой природы, человеческого организма против попыток установления диктата социальности над ним.

Экзогамные отношения, по-видимому, сразу же обнаружили свои биологические преимущества: от связей подобного рода рождались более жизнеспособные, жизнестойкие дети. Поэтому постепенно эндогамные связи были совершенно запрещены (оставаясь, правда, еще длительное время на правах исключения из правил — только в дни праздничных оргий, когда разрешалось все то, что запрещалось в обычные, будничные дни). Стабилизировались, закрепились обычаями связи экзогамные, и возникла первая форма подлинно человеческого, социального регулирования отношений между полами — то, что мы называем ныне браком. Таким образом первой фор-

мой брака фактически был групповой дуально-родовой брак. При нем все мужчины одного рода «имели право» на супружеские отношения со всеми женщинами другого рода. Иными словами, любая женщина одного рода была женой любого мужчины другого рода. Групповой брак существовал еще в конце каменного века.

Но уже в рамках этого группового брака, естественно, могли складываться предпочтительные, избирательные отношения между той или иной женщиной данного рода и мужчиной из другого рода (иными словами, кто-то из «мужей» был особенно милым). Впоследствии преимущественные связи именно с наиболее предпочитаемыми партнерами получали все более широкое распространение, закреплялись обычаями, и таким образом общество постепенно перешло к новой форме брака — парному браку. В нем объединялась уже только одна супружеская пара. Правда, любой из этих «напарников» мог при этом составлять такие пары одновременно, а тем более — последовательно, «по расписанию» или по мере исчезновения привязанности к данному партнеру, с другими людьми, партнерами или партнершами. В это время все хозяйство, производство вещей, продуктов питания, предметов первой необходимости по-прежнему оставалось еще в рамках первичного рода. Одно только деторождение, производство потомства вышло за его границы. А работали и жили «супруги» отдельно друг от друга, в рамках своих родов. (По-нынешнему говоря, это были «приходящие» супруги.)

Поскольку биологическое отцовство в таких условиях установить было исключительно трудно, практически невозможно, родство считалось по материнской линии. Дети, рожденные данной женщиной, принадлежали тому роду, которому принадлежала сама эта женщина. «Мужья» и «жены» имели раздельное хозяйство, и если мужчина приносил детям своей женщины и ей самой в подарок часть добытой им на охоте пищи, то часть эта фактически отрывалась, изымалась им из имущества того рода, к которому принадлежал данный мужчина. Иными словами, создавая более благоприятные условия для женщины и детей чужого рода, он в какой-то мере лишал этих благоприятных условий свой род, и в том числе детей своих сестер. Как видим, уже с самого своего зарождения формирующаяся семья входила в противоречие с более широкой общностью, с родом.

В самом конце каменного века, а особенно в бронзовом и железном веках, с возникновением земледелия, с ростом производительности труда людей постепенно создаются условия, когда отдельный человек, а тем более супружеская пара, оказывались способными самостоятельно содержать, кормить своих детей. И постепенно эта парная семья «отпочковалась» от рода и в хозяйственном, производственном отношении. Муж и жена объединили свои усилия не только в деторождении, но и в производстве вещей, стали иметь общее хозяйство. Отношения между полами стабилизировались, стало более надежным установление отцовства, и ответственность за семью, за судьбу потомства все более переходила к мужчине, к отцу. Вместе с ней, естественно, переходила и власть. Таким образом матриархальные отношения постепенно перешли в патриархальные, когда родство уже считалось по отцовской, мужской линии. И на смену парной семье пришла новая, высшая форма семьи — моногамная (то есть единобрачная) семья. Полностью закрепилась моногамия как новая форма брака с возникновением частной собственности на средства производства, с разделением общества на классы. Жена перешла на жительство к своему мужу, в семью мужа и вместе с детьми подпала под его власть. Былое равенство супругов в браке закончилось на многие века.

С переходом к феодализму обществом был установлен единый для всех обязательный церковный брак (хотя крепостные могли вступать в него лишь с позволения своего хозяина, помещика, феодала и практически по его выбору).

Надо сказать, что патриархальная семья существовала и существует в форме не только моногамного, но и полигамного брака, когда один муж имеет право владеть несколькими женами, подчас целым гаремом. В этом случае особенно ярко видно неравноправие женщины в браке — и не только в экономическом и правовом отношении, но и в сексуальном отношении между полами. Женщина здесь имеет право вступать в брак только с одним мужчиной, мужчина же — одновременно с несколькими женщинами. Ныне полигамия существует в некоторых мусульманских странах, но у цивилизованных слоев населения она уже идет на спад.

Справедливости ради надо отметить, что история знает и иную форму неравенства в браке — полиандрию, то есть многомужество. До сих пор полиандрия встречается в некото-

рых племенах Индии, Тибета, Южной Америки. В Индии чаще всего жена старшего брата становилась общей женой всех братьев — и получалась так называемая фратеральная, или братская, семья. Причем женщина в таких семьях обычно занимает высокое положение, ссоры здесь крайне редки, отношения между членами семьи мягкие, доброжелательные.

Известно, что частная собственность по существу есть своеобразное отношение между двумя слоями общества, из которых один является полным, верховным собственником средств производства, а другой или полностью лишен их, или выступает лишь подчиненным собственником. Поэтому одни представители общества имеют возможность присваивать часть труда других себе. С возникновением частной собственности распределение стало осуществляться уже не по принадлежности к данному роду, как это было в начале истории человечества, на первых стадиях первобытнообщинного строя, и не по количеству вложенного труда, как это было в конце существования родового строя, а по собственности, то есть в зависимости от того, чем владели члены общества.

При этом тот, кто владел большей собственностью, получал больше, независимо от того, сколько труда он вложил в общее дело.

Превратившись в собственника семьи, ее имущества, в том числе и имущества, ранее принадлежавшего жене, муж стал выступать в качестве кормильца детей и жены, а они — в качестве его иждивенцев, независимо от того, кто на самом деле содержал семью, за счет чьего труда — главы или самих членов данной семьи — жила семья. Он считался кормильцем лишь потому, что являлся собственником средств производства. Положение женщины резко ухудшилось, она превратилась фактически в бесправную домашнюю рабыню.

Установление отношений наследования богатства резко поставило проблему биологического отцовства. Мужчина теперь был крайне заинтересован в том, чтобы дети его жены были именно его детьми. Отсюда появились законы, требующие от женщины сохранять девственность до вступления в брак и хранить верность мужу в браке. Измена супруги стала рассматриваться как тяжкий грех, за подобные проступки даже католическая церковь позволяла расторгать браки. В некоторых странах государство также становилось на защиту прав мужчины: в частности, еще в середине XIX в. во Франции

931538

Nizomiy nomli
T D P U
kutubxonasi

супружеская неверность со стороны жены могла быть наказана заключением в тюрьму сроком до двух лет.

Но в принципе при моногамной форме патриархального брака в отношениях между полами существовало условное равенство: и женщина могла иметь только одного мужа, и мужчина мог иметь только одну жену. В действительности, однако, это равенство всегда носило формальный характер. Прежде всего, исходя из принципа «стерпится — слюбится», к голосу женщины не прислушивались уже при выдаче ее замуж. Кроме того, сразу же после возникновения моногамного брака мужчина в рабовладельческом обществе имел право вступать в связь со своими рабынями. Родившиеся от такой связи дети по закону не имели отца, но они считались его собственностью, то есть собственностью владельца рабыни. «Именно существование рабства рядом с моногамией, — писал Ф. Энгельс, — наличие молодых красивых рабынь, находящихся в полном распоряжении мужчины, придало моногамии с самого начала ее специфический характер, сделав ее моногамией только для женщины, но не для мужчины». Кроме того, существовал также и институт гетер, гетеризм (крайней формой его является проституция). Это еще более способствовало нарушению моногамии мужчины.

Правда, справедливости ради нужно сказать, женщины тоже не оставались в долгу. Ф. Энгельс язвительно заметил, что хотя «мужчины одержали победу над женщинами, но увенчать победителей великодушно взялись побежденные. Рядом с единобрачием и гетеризмом неустрашимым общественным явлением сделалось и прелюбодеяние, запрещенное, строго наказуемое, но неискоренимое».

Что касается трудящихся, и особенно рабочего класса, где женщина с самого вступления в брак была втянута в процесс материального производства, она уже не была иждивенкой мужа. Это делало ее экономически более равноправной с мужем, и брак в таком случае был не столько патриархально-моногамным, сколько эгалитарным, равноправным для обоих супругов. В последнее время такой брак, независимо от социального строя, находит все большее распространение у всего человечества, во всех слоях населения.

В нашей стране принятый в 1918 г. декрет «О введении равной оплаты за равный труд для женщин и мужчин» покончил с экономической дискриминацией женщин. Декреты «О гражд-

данском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», «О расторжении брака» (1917) и другие документы о семье строились на таких принципах, как единобрачие (запрещение браков с лицами, которые уже состоят в браке), равноправие супругов в отношении к имуществу и во взаимоотношениях в семье, обязательность материальной поддержки нетрудоспособных членов семьи и т. д. [80].

Существует еще один термин — «брачность», означающий сам процесс образования семьи в конкретном обществе. Этот термин чаще применяется в демографическом анализе для описания последовательностей, ведущих к формированию семьи как внутри брака, так и вне его.

Итак, если семья — это в большей мере форма отношений между мужчиной и женщиной, их желание иметь определенное количество детей и определенным образом их воспитывать или не иметь совсем, то брак — это форма контроля общества над семейными отношениями, способ сохранения и развития общества и потребность в воспитании определенного типа граждан, соответствующих обществу на данном этапе его развития. Не всегда общественные механизмы контроля соответствовали (и соответствуют) внутренним потребностям развития личности, в том числе в рамках семьи. Подобные противоречия между интересами личности и общественными задачами, связанными с решением обществом своих проблем, являются механизмом развития не только личности, но и общества в целом, движения общества от авторитаризма, то есть полного подчинения личности задачам государства, к демократии, когда развитие человека ограничивается конституционными правами других членов общества.

Следует иметь в виду, что в быту часто не делается различий между понятиями «семья» и «брак» [63].

Вопрос о том, что первично — брак или семья, пока еще дискутируется. Некоторые исследователи утверждают, что брак является основой, ядром семьи, но окончательного вывода нет ни в теории, ни в обыденной жизни. Каждая перепись населения в нашей стране, например, показывает, что число женщин, состоящих в браке, превышает число женатых мужчин. Это не означает, что у нас существует многоженство. Просто, по-видимому, одно и то же явление, фактический брак, люди расценивают по-разному: женщины его объявляют «настоя-

щим», равным юридическому браку, мужчины же полагают безбрачием, временным сожителем.

Из приведенного выше определения семьи следует, что основными являются три ее признака:

- 1) брачные, или кровнородственные, связи между всеми ее членами;
- 2) совместное проживание в одном помещении;
- 3) общий семейный бюджет.

Как видим, юридическая сторона, юридическое оформление тут не выступает непременным условием. Да и другие признаки не так уж четки: сколько времени надо проживать совместно — одну неделю или несколько лет; какую часть от личного бюджета каждого из членов семьи включает в себя весь семейный бюджет и т. д. И это при том, что такие признаки, казалось бы, наиболее объективны, фиксируемы. Что же тогда говорить о той тонкой системе отношений, которая превращает семью в особое духовное образование; как их измерить?

Как ни парадоксально, но именно все это, не столько постигаемое разумом, сколько воспринимаемое интуитивно, и составляет тот самый стержень семьи, без которого семья не семья. Можно отметить еще одно отличие семьи от брака. Если брак фиксируется прежде всего государством, обществом, то семью создаем только мы сами (с помощью государства, общества, естественно). И разрушаем тоже.

Семья начала развиваться вместе с развитием брачных отношений в обществе. При этом менялись ее функции, общественные роли. Вместе с увеличением числа общностей, в которые входил тот или иной человек (молодежные группы, производственные объединения, клубы по интересам и т. д.), семья постепенно уступала часть своих функций другим группам. В то же время с самого своего возникновения и до наших дней среди всех этих групп она играет особую роль.

Ныне становится все более ясным, что семья относится к особым, фундаментальным группам общества. Это не значит, конечно, что все произошло из семьи, как считали некоторые мыслители (Руссо, Кондорсе, Гердер и др.), что общество с его социальными институтами — это всего лишь разросшаяся семья, что и политика, и государство и т. д. получили свое начало в семье. Конечно же, у развития общества свои законы. Но тем не менее, находясь в сложных взаимоотношениях с обществом, подвергаясь влиянию со стороны его эко-

номической, политической, правовой систем, семья оказывает свое — и довольно заметное — воздействие на общество. Прежде всего своей воспроизводящей потомство функцией. Именно семья осуществляет рождение, воспитание и выращивание новых членов общества. Кроме того, семья упорядочивает сексуальные отношения между людьми. В какой-то мере она является своеобразной моделью общества, всех социальных связей и отношений для молодого человека. Например, в семье существуют отношения материальные, складывающиеся независимо от воли и желания людей. Это и отношения между полами (отношения детопроизводства), и экономические отношения между членами семьи в процессе непосредственного производства необходимых им материальных благ (особенно в семьях крестьян и ремесленников). На протяжении многих веков семья осуществляла накопление и передачу по наследству определенной собственности. В семье человек впервые сталкивается с разделением труда (в ведении домашнего хозяйства, самообслуживании семьи).

Кроме того, в семье между ее членами существуют и идеологические, в частности правовые, отношения, а также нравственные или религиозные. Формирование трудовых ресурсов, их распределение и перераспределение, квалификационный рост и производительность труда, а также миграция населения, — все эти вопросы находятся под влиянием семьи. Именно в семье обычно принимаются решения о том, куда молодому человеку пойти учиться, куда уезжать на учебу либо работу или никуда не уезжать. Но все эти отношения преломляются в семье через особый психологический механизм: они основываются на чувствах любви, привязанности, родства, долга, ответственности между членами семьи.

Или взять такую важную социальную проблему, как проблема заболеваемости и состояния здоровья населения. Ведь именно в семье закладываются генетические, биологические основы здоровья, а также привычки, навыки, установки по отношению к своему здоровью. Занимается человек физкультурой или не занимается, любит быть в свободное время в лесу, на природе или не любит, ведет подвижный образ жизни или малоподвижный и т. д., — все это обычно начинается именно с семьи.

Потребление людьми материальных благ и духовных ценностей также во многом определяется семьей. Именно она вос-

питывает вкусы, потребности, наклонности у представителей младшего поколения. Именно от семьи в первую очередь зависит, насколько молодой человек умеет оставаться самим собой, противостоять неумной и разорительной моде и т. д.

Каково качество специалиста и, следовательно, какова эффективность его функционирования — это также во многом зависит от семьи. Потому что именно здесь на личном примере добросовестного труда родителей у молодого человека воспитывается высокосознательное отношение к своему делу, преданность ему, профессиональная, трудовая честь, а также формируются общий культурный уровень, широта эрудиции. Уже качество учебы в школе у детей во многом определяется культурным, образовательным уровнем их родителей. Собственно говоря, сам интеллектуальный и нравственный климат, духовная атмосфера в семье являются важнейшими факторами успешности учебы ребенка в школе.

Наконец, условия жизни «отходящих» поколений — пенсионеров, престарелых людей — были и остаются одной из важнейших проблем общества, показателем его нравственной зрелости, гуманности. Но именно в семье закладываются привычки, традиции, нравственные основы отношения к старшему поколению: милосердие или бездушие, теплая доброта или холодная корысть...

Все это относится к социальной значимости семьи. Но она обладает и, так сказать, чисто персональной значимостью. Семейное положение человека и качество его семейной жизни оказывают значительное влияние также на его физическое и психическое состояние и самочувствие. По-видимому, для большинства людей семья — это нормальная, то есть необходимая среда обитания, существования. Например, по данным зарубежных исследований, смертность у людей, не состоящих в браке, значительно превышает смертность у людей семейных. Причем это касается практически всех причин смертности: и в результате самоубийств, и в результате злоупотребления алкоголем, никотином или наркотиками, и смертность от болезней, требующих длительного лечения. Особенно это относится к мужчинам. Например, в возрасте от 25 до 64 лет разведенные мужчины в два раза чаще прибегают к самоубийствам, чем семейные. Они же в 3,3 раза чаще умирают от цирроза печени и от рака, в 5,4 раза чаще — от диабета и туберкулеза.

Разумеется, благотворно влияет на человека лишь здоровая, благополучная семья, создание которой, как правило, требует значительных усилий и определенных качеств личности. Неблагополучная же скорее усугубляет, ухудшает его положение. Немало неврозов и других психических заболеваний, аномалий имеют свои источники именно в семье, во взаимоотношениях между супругами. Внимание к семье со стороны государства, науки, публицистики, общественного мнения особенно возросло в последние десятилетия [80].

В современный период развития общества интерес к вопросам семейно-брачных отношений значительно возрос. Для лучшего понимания особенностей отношений и изменений, происходящих в семье, рассмотрим наиболее прогрессивные страны Центральной и Западной Европы, Америки и Россию.

1.2. Семейно-брачные отношения в Центральной и Западной Европе

Начнем с того, что экономический рост в Западной и Центральной Европе в 50-е, конце 60-х, начале 70-х гг. сформировал устойчивый спрос на женскую рабочую силу.

Женский труд и ролевые стереотипы. Женщины составляют от 37 до 43 % всех работающих в индустриальных странах Европы. Тогда как доля женщин в общем числе занятых существенно не изменилась, во всех европейских промышленно развитых странах была зарегистрирована тенденция к увеличению числа замужних женщин, занятых профессиональным трудом. (табл. 1).

Таблица 1

Доля женщин среди занятых (%)

Страна	1978	1979	1980	1981	1982	1983
ФРГ	37,8	37,9	38,2	38,4	38,6	38,8
Франция	37,7	38,0	38,0	38,3	38,8	39,2
Великобритания	41,2	41,8	42,0	42,6	43,2	41,6
Италия	31,1	31,6	32,1	32,3	32,5	32,8
США	41,2	41,7	42,4	42,8	43,5	43,7
Япония	38,5	38,6	38,7	38,7	39,0	39,5

В Федеративной Республике Германии 40 % женщин, вышедших замуж в 1962 г. в возрасте от 25 до 30 лет, работали по найму. Через 10 лет работали уже 48 % всех замужних женщин этой возрастной категории. К 1982 г. их доля выросла до 59 %. Аналогичные темпы роста были подсчитаны для более старших возрастных групп. Количество работающих замужних женщин с детьми с 1950 по 1970 гг. увеличилось в бóльшей степени, чем число работающих бездетных женщин. (табл. 2)

Таблица 2

Количество работающих замужних женщин с детьми

Федеративная Республика Германия	1950	1970	1981
Занятые наемным трудом замужние женщины, кроме сельского хозяйства, тыс.			
Всего	898	3666	5009
в т. ч. имеющие детей до 15 лет	336	1517	2081
не имеющие детей до 15 лет	562	2190	2928

Разумеется, доля работающих замужних женщин существенно падает с ростом числа их детей. Труд вне дома влияет и на отношения воспроизводства. (Проведенное в 1976 г. исследование «биографии родов» всех жительниц Австрии от 15 до 60 лет показало, например, что на женщин, которые не хотели оставить или прервать работу, приходилось в среднем 1,5 родов, на женщин, которые работали только временно, — 1,84, на никогда не работавших женщин — 2,31 родов.

Статистические данные позволяют сделать вывод о том, что все бóльшее число замужних женщин намеренно продолжали работать, несмотря на брак и материнство. Но они отражают и тот факт, что материнство и труд все еще трудно сочетать. Увеличение с 1950-х гг. численности работающих по специальности замужних женщин не в последнюю очередь объясняется растущей долей женских профессий, которые требуют высокой квалификации, обеспечивают высокий уровень самоидентификации, прежде всего на государственной службе, позволяют занимать определенное положение. Спектр женских профессий изменился кардинальным образом: доля занятых в промышленности упала с более чем 50 % до 30 %, доля женщин-служащих (прежде всего в сфере здравоохранения, образования

и культуры; а также в государственном и коммунальном управлении) с начала века увеличилась более чем в десять раз. Хотя большинство женщин по-прежнему находятся среди категорий низкооплачиваемых работников, эти структурные изменения указывают на переход от наемного труда как временного «приработка» к полноценному труду по специальности, который все чаще позволяет женщинам самоидентифицироваться и получать от работы удовлетворение. Увеличение числа женщин, работающих по найму не от случая к случаю, а на постоянной основе в течение всей жизни, обострило структурное противоречие между традиционной семейной жизнью и внедомашним трудом замужних женщин и матерей.

Все больше женщин в ограниченных ролях домохозяйки и матери видят однообразный и бедный социальными контактами образ жизни. Основная цель работы по найму замужних женщин в 20—30-е или 50-е гг. XX в. была четко «ориентирована на семью» (большинство женщин работало для пополнения семейного бюджета, так как заработка мужей не хватало). В 1970-е г. на передний план все очевиднее выходили личные мотивы. Женщины заявляют, что они хотят своей работой обеспечить собственный доход, относительную независимость от мужа, получить удовлетворение от профессии или расширить возникающие в профессиональном труде социальные контакты.

Рост профессиональных интересов замужних женщин не в последнюю очередь выявляет то обстоятельство, что с увеличением продолжительности жизни после выделения детей остается, как минимум, 20 лет, когда в изменившихся условиях вновь встает вопрос о наполненной смыслом деятельности. В то же время в сфере труда произошли перемены, которые существенно ограничивают возможность профессионального роста после длительного перерыва в работе. В XVIII—XIX вв. в большинстве семей дети жили в доме до смерти родителей. Роль домохозяйки и матери оставалась до конца жизни самодостаточной, исчерпывающей и изнуряющей. Сегодня она не является таковой. Вследствие резко возросшей продолжительности жизни, снижения брачного возраста и низких показателей рождаемости смена фаз развития семьи и жизни отдельного человека существенно изменилась. Родившийся последним ребенок покидает родительский дом, когда матери еще нет и 50 лет. Почти 20 лет после этого проводит супруже-

ская пара в хозяйстве без детей, в «пустом гнезде». Именно поэтому в этой критической фазе распадаются браки, что стало частым явлением в последние годы. В среднем женщина теряет супруга примерно в возрасте 69 лет, и затем живет еще около 9 лет вдовой. Проблемы поиска смысла жизни, изоляции, психических и социальных кризисов встают здесь наиболее остро. Тройную тяжесть материнства, домашнего хозяйства и работы многие женщины берут на себя, если отвлечься от материальных и социальных стимулов, имея в виду перспективу этой фазы жизни «после родительства», смиряясь с ожидаемым вдовством или учитывая повышение риска развода [81].

Многочисленная нагрузка работающих замужних женщин обусловлена их недостаточным освобождением от домашнего труда и семьи или, формулируя с исторической точки зрения, явлением запаздывания в приспособлении ролевого поведения мужчин и женщин к общественным структурным переменам. Разумеется, традиционные «роли полов» и модель «буржуазной семьи» в конце 1970-х гг. во все большей степени попадали под обстрел психологически и социологически информированной критики. Женское движение требовало равноправия полов и стремилось к его реализации в рамках «частной» семейной сферы. Открытие среднего и высшего образования для девушек и женщин способствовало осознанию и обсуждению положения женщин в обществе и в семье. Без сомнения, публичная дискуссия поставила, по меньшей мере для части населения, под вопрос традиционные представления о ролях полов. Исследования последних лет постоянно подтверждают, что прием на работу, оценка и практическое ролевое поведение лишь в незначительной степени приспособились к возросшей трудовой активности замужних женщин. Повсеместно жена занята приготовлением еды и ежедневным обслуживанием детей вне зависимости от того, работает она или нет. Разрешение проблем, возникающих в отношениях с детским садом и школой, преимущественно берут на себя женщины. Забота о престарелых родителях, организация семейных праздников и тому подобное также в значительной мере относится к сфере задач женщин. Типичный мужчина все еще чувствует себя, отвлекаясь от его роли главного «добытчика», прежде всего ответственным за внешнюю сферу деятельности, например «бумажную войну» с властями. В хозяйстве он скорее займется необходимым ремонтом (который имеет то преимущество, что

происходит нерегулярно и дает возможность продемонстрировать техническую компетенцию) и позаботится об автомобиле. Это относится и к мужьям работающих женщин. Проведенное в середине 1970-х гг. в Австрии среди молодых работающих матерей исследование показало, что вопросы, касающиеся домашнего хозяйства, скорее решаются женщинами, тогда как контакты с посторонними семье лицами и важные хозяйственные задачи осуществляют преимущественно мужья.

В 60—70-х гг. XX в., т. е. в тот период, когда «разделение труда» между мужчиной и женщиной постоянно публично дискутировалось, доля мужей, существенно помогавших женам в работе по дому, повысилась лишь незначительно. Напротив, по-видимому, участие мужчин в воспитании детей увеличилось несколько больше. Профессиональный труд мужей между тем является абсолютно приоритетным, их участие в воспитании детей занимает по отношению к нему подчиненное положение. Требования и нужды профессиональной жизни, стремление к неограниченным профессиональным обязанностям, высокая физическая и психическая нагрузка на работе и т. п. ограничивают возможности мужчин в воспитании детей. На практике воспитание остается в женских руках. Происходящая после 1945 г. «феминизация» общественного воспитания и педагогики дала этой форме разделения труда публичную поддержку. Это отражается и в преобладающих настроениях населения. В 1974 г. эмпирическое исследование показало: 65 % опрошенных мужчин убеждены, что они в принципе меньше подходят для воспитания детей, чем женщины. Эти суждения сохраняют живучесть не в последнюю очередь благодаря способам, которыми они попадают в сознание людей. Дочери все еще помогают своим матерям в домашней работе в три-пять раз чаще, чем сыновья. Правда, с сокращением количества детей обычная еще в 1940-е практика рано приучать старшую дочь к квазиматеринской роли по отношению к братьям и сестрам почти полностью исчезла, отчего, по-видимому, можно ожидать ослабления воспитания, связанного с подготовкой к роли матери. С другой стороны, воспитательная активность матерей в отношении детей значительно повысилась. Вероятно, этот стереотип и свойственный полам тип поведения (хотя и против воли матерей) стимулировался доминированием женщин в процессе социализации. Во всяком случае представление о «естественном» разделении

мужских и женских обязанностей в семье возникает не только в браке, но присуще уже детям и подросткам. Однако опросы молодых людей скорее показывают, что началось изменение этих представлений. Согласно опросу австрийцев в возрасте от 14 до 24 лет, 82 % девушек и 66 % юношей считают, что муж должен участвовать в домашнем хозяйстве, если жена работает. Разумеется, опрос отражает позиции респондентов до их вступления в брак. Их фактическое будничное поведение в семье — совсем другое дело. Идеальные представления и повседневная реальность в области домашнего труда часто сильно расходятся друг с другом.

Четкое изменение унаследованного ролевого стереотипа прослеживается в профессиональной ориентации женской части молодежи. Так, к примеру, проведенное в 1982 г. в ФРГ исследование показало, что для девушек от 15 до 19 лет реализация их профессиональных желаний стоит на первом месте, а только затем семья и материнство. Изменение представлений отражает возросший спрос на рабочую силу девушек и женщин. В 70-х и 80-х гг. XX в. впервые для бóльшей части девушек и молодых женщин стало возможным рассматривать собственную профессиональную деятельность как существенный элемент планирования жизни, а не считать ее переходной фазой до вступления в брак и рождения детей. Разумеется, большинство опрошенных девушек планирует прервать свою работу на короткое время, чтобы обеспечить уход за детьми («трехфазовая модель»), после чего вновь вернуться к работе, сочетая ее с семейной жизнью.

Все исследования последних лет показали, что распространенность традиционного ролевого стереотипа коррелирует с социальным статусом и уровнем образования. В низших слоях чаще и определеннее придерживаются традиционного образа поведения, чем в средних и высших. Так, например, в рамках проведенного в 1973 г. исследования о наемном труде женщин в ФРГ 13,2 % работниц и только 6,8 % служащих заявили, что их мужья не одобряют их работу вне дома. С утверждением «мать должна всегда быть в семье; даже если дети выросли, она находит достаточно удовлетворения в заботах о муже и детях» при сборе сведений для второго федерального Доклада о семье 1975 г. согласилась почти треть выпускниц школы, однако только десятая часть абитуриенток или выпускниц высшей школы. По-видимому, стереотипное представление о ролях

полов быстрее ослабевает в высших, более образованных слоях общества.

Без сомнения, требование совместимости наемного труда и материнства является центральным элементом процесса эмансипации женщин в европейских промышленно развитых обществах. При этом, однако, не следует упускать из внимания тот факт, что освобождение женщин от патриархальных структур может произойти только тогда, когда с правом женщины на оплачиваемую работу будет признано и проведено в жизнь также право и практическая возможность ее участия в общественной и политической жизни. Но работа женщин, являющихся матерями и домохозяйками, все еще ведет к перегрузкам, которые делают это невозможным. Эта тройная нагрузка часто ограничивает социальную и политическую активность и тем самым препятствует развитию личности многих женщин, вместо того, чтобы его стимулировать. Это относится в особенности к большинству тех работающих замужних женщин, которые, находясь в группах с низким уровнем оплаты труда, выполняют работу, требующую низкой и средней квалификации. Своими страданиями на работе они компенсируют недостаточный заработок мужей; здесь нельзя говорить об эмансипации как результате участия в работе по найму. Кроме того, наемный труд жен ни в коей мере «автоматически» не увеличивает участия мужей в работе по дому, уходу и воспитанию детей. Поэтому эмансипация женщин путем их вовлечения в наемный труд может быть успешной только тогда, когда изменится разделение труда в домашнем хозяйстве и семье, условия самого труда в направлении повышения заработной платы [80].

Семья и социальное неравенство. Выбор брачного партнера, освобожденный от расчетов родительской семьи, хотя и «индивидуализировался» и «персонализировался», ни в коей мере не стал независимым от влияния общества, как и не прекратилось его воздействие на общество. И в «постиндустриальном» обществе семья является основным агентом образования социальных слоев. Брак и рождение создают действительные в течение десятилетий социальные структуры: они помещают индивидуума на определенное социальное место в обществе. Выбор брачных партнеров следует социальным закономерностям в той мере, в какой они суммой всех заключенных браков порождают относительно стабильные статусные структуры

в обществе. Намерению вступить в брак предшествует, по крайней мере у большинства людей в европейских промышленно развитых странах, длительный процесс ориентации и «социокультурной настройки» человека на брак и семью. В этом смысле семья воспроизводит людей, изначально настроенных на то, чтобы основать новую семью (с ростом числа людей, которые выросли не в традиционных семьях, возникающая таким образом «самоочевидность» брака и создания семьи в тенденции ослабляется известным выбором между альтернативами).

Предположительно выбор партнеров происходит как процесс фильтрации. Сначала определяется категория социально подходящих партнеров.

Это происходит почти незаметно для человека в социальной среде, где он вращается. Затем происходит специфический выбор из «совокупности» возможных партнеров в соответствии с психологическими, сексуально-эротическими и эстетическими механизмами. В этом аспекте выбор партнера происходит не как однократный акт принятия решения, а как его участие в общественных процессах. Насколько мы знаем, при этом придается большое значение впечатлениям, вынесенным из родной семьи, образованию и ранней профессиональной карьере подростков и молодых людей. Эмпирические исследования, например, показали, что школьные неудачи и досрочный уход из школы, как и разочаровывающий профессиональный опыт первых трудовых лет, стимулировали склонность к ранним и часто недостаточно обдуманым бракам. Более длительное и успешно завершённое школьное образование, напротив, скорее способствует формированию более разнообразных потребностей и ожиданий в дальнейшей жизни, что, по-видимому, должно вести к большей основательности отношений при выборе брачного партнера. Осознание проблем, уровень которого повышают полученное образование и их общественное обсуждение, способствует и тому, что именно молодые люди, чье вступление в трудовую жизнь отодвигается более продолжительным образованием, часто ставят под вопрос моногамные и законные браки.

Качество отношений в семье не в последнюю очередь и в значительной мере определяется размером и характером имеющейся в ее распоряжении квартиры. Недостаток жилых помещений, испытываемый низшими слоями, повышает

в сравнении с семьями средних и высших слоев потенциал внутрисемейного напряжения, конфликтов и агрессии. Форсированному в большинстве европейских промышленно развитых стран в 60—70-е гг. XX в. социальному жилищному строительству не удалось нивелировать эффект неравенства жизненных шансов, который порожден закономерностями капиталистического рынка жилья. Исследования показали, что уровень недостаточной обеспеченности жилыми помещениями в ФРГ возрастает параллельно росту числа детей на семью и снижению семейного дохода. В 1973 г. только 33 % семей неквалифицированных рабочих, 55 % семей простых чиновников и 76 % семей лиц, не занятых наемным трудом, имели для каждого ребенка отдельную комнату.

Исторический факт освобождения семьи от производственных функций не должен затмевать того обстоятельства, что после исторического отделения работы от семьи профессиональный труд вне дома все равно оказывает существенное влияние на семейную жизнь. Опыт, приобретаемый на работе, а также способ и степень восстановления рабочих сил работающих членов семьи существенно влияют на семейные будни. Они определяют, какие ценности разделяют и сознательно или бессознательно передают детям работающие родители. Социальное неравенство на работе воздействует на семью, принимая вид различий образцов воспитания, стратегий разрешения конфликтов и потребностей в отдыхе. Сегодня доказано, что опыт работы в значительной степени определяет социальные возможности людей, их потребности, предпочтения и принципы. Это, в свою очередь, отражается на процессе семейной социализации и таким образом ведет к сохранению социального неравенства. Одно из характернейших различий вытекает из того, с чем имеют дело на производстве работающие члены семьи — преимущественно с людьми или с вещами и машинами. В противоположность предположениям ранних исследований («теории компенсации») те люди, чья работа характеризуется монотонной, малоинтересной деятельностью, лишь иногда ищут в семейной жизни компенсацию в форме разнообразной и самостоятельно направляемой деятельности. Значительно чаще образец поведения на производстве переносится на досуг. Родители осознают и обобщают усваиваемый ими на работе образец поведения, переносят его на непрофессиональную сферу, в том числе на семейную жизнь и обще-

ние с детьми. Базиль Бернштейн указывал на возможные связи между формами разговорного общения на производстве и языковой социализации в семьях. Другие исследования выявляют связь между впечатлениями, полученными на работе отцами, и видами конфликтов между отцами и детьми в семье. Вероятно также, что воспитание детей работающими матерями находится под влиянием их опыта на работе. Чем жестче их рабочие условия, тем скорее они склоняются к тому, чтобы воспитывать у детей умение приспосабливаться и послушание. В сравнении с домохозяйками работающие женщины требуют от детей как большей приспособляемости, так и более высоких достижений. Возможно, этим они хотят подготовить детей к условиям труда на производстве. Посменная и ночная работа, по-видимому, имеет самые неблагоприятные последствия для семейной жизни в целом и для отношений между родителями и детьми. Различные исследователи согласны в том, что сменная и ночная работа вносит более всего помех в семейную жизнь; чтобы согласовать ее с ритмом ежедневного семейного воспроизводства и особенно с отношениями между родителями и детьми, — здесь требуется готовность к уступкам со стороны всех членов семьи [81].

О тенденциях в «супружеской семье». То, что все более урбанизирующиеся условия жизни обладают свойством ослаблять социальные связи между поколениями и родственниками, уже отмечалось с односторонне-пессимистической точки зрения традиционной критикой, связанной с изучением больших городов и промышленности. И часто ставят в причинную связь с утверждением об утрате семьей свойственных ей функций. Вместе с ними был будто бы утрачен стабилизирующий эффект так называемой большой семьи. Под «большой семьей» в основном понимали состоящую из трех поколений семью крестьянина или ремесленника, которую ошибочно считали универсальным типом семьи XVIII—XIX вв. Индустриализация и урбанизация, как гласил этот тезис, обуславливали все более частое отделение супругов и тем самым все более частое образование «малой семьи». Это привело к утрате преемственности, так как «малая семья», в отличие от непрерывно существующих семейных хозяйств крестьян и ремесленников, с достижением детьми взрослого возраста вновь распадается и предстает супружеской парой, т. е. только «остаточной семьей». Этот принятый в старой социологии, восходящий к Эмилю Дюркгейму,

тезис о происходившем в течение века «сжатии» «допромышленной большой семьи» и возникновении индустриальной *familieconjugate* («супружеской семьи»), между тем оказался не совсем точным. Историческая демография и исследования семьи показывают, что семьи из трех поколений в большом числе образовались лишь в демографически переходный период конца XIX — начала XX вв. вследствие так называемой аграрной революции и индустриализации, когда впервые в достаточной мере возросла продолжительность жизни и снизился возраст вступления в брак.

С сокращением крестьянского населения доля семей из трех поколений вновь начала уменьшаться уже в первой половине XX в. Условия, в которых, например, в межвоенный период и сразу после войны вместе жили три поколения, воспринимались как стесняющие и ограничивающие. Вопреки прежним предположениям исследователей об их особой стабильности семья из трех поколений крестьян была в высшей степени конфликтной. Ей, однако, в условиях слабого развития товарно-денежных отношений альтернативы не было. В городах семьи из трех поколений чаще всего возникали в кризисные десятилетия между 1910 и 1940 гг. Как правило, это были вынужденные сообщества, необходимые, чтобы пережить времена трудовых миграций, безработицы, жилищной нужды. Как только доходы и рынок жилья позволяли, молодые супружеские пары и семьи стремились возможно раньше покинуть дом, который они делили с родителями и родственниками, и жить своим домом. Сокращение рождаемости и периода воспитания детей, происходящего на два первых десятилетия брака, привело к тому, что нуклеарная семья в так называемой фазе после родительства вновь сокращалась до супружеской пары. С этой точки зрения нуклеарная семья выглядит в большей степени как переходная стадия, тогда как супружеские отношения характеризуются сравнительным постоянством. Связанная с этим тенденция роста культурной значимости и растущей автономии пары по отношению к семье и родственникам сохранилась и в последние десятилетия.

Анализ состава частных хозяйств показывает, что в 1970-е гг. утвердилась тенденция к образованию «малой», или «супружеской», семьи, тогда как число «расширенных семей» (особенно групп из родителей и детей, увеличенных за счет совместно живущих бабушек, дедушек или других родственников) умень-

шалось. Если в 1957 г. еще 7 % всех семей Западной Германии состояли из трех поколений, то в 1981 г. таковых было только 6 %. Средний размер семьи сократился, среди прочего, и вследствие тенденции к образованию малой семьи. Этому соответствуют результаты опросов о предпочтительной форме семьи: большинство австрийцев, например, не хотели бы жить вместе с родителями или родственниками. Родители также часто не хотят жить под одной крышей с женатыми детьми. Они предпочитают, возможно, более долго жить своим домом. В городских семьях пожилые люди выражают желание жить со своими детьми только тогда, когда они потеряли супруга или стал необходим посторонний уход за ними. Отсюда можно заключить, что существующие расширенные семейные хозяйства в большинстве своем скорее вызваны экономической необходимостью, чем основаны на предпочтении членов семей. Совместное хозяйство старых и молодых, как подытожил многочисленные исследования Леопольд Розенмайр, «делится не из-за отрицательного отношения молодого поколения, его сохранения пожилые хотят очень редко, притом значительно реже, чем фактически имеет место». Чем больше возможностей у родителей и их выросших детей жить раздельно, тем быстрее это происходит. И напротив, в маленьких деревнях, где еще сильны религиозные традиции и не хватает жилых помещений (в домах на одну семью, которые часто вместе строили и финансировали родители и дети) имеется общественное и идеологическое давление в пользу совместной жизни трех поколений. Однако было бы неверным из желания поколений вести раздельное хозяйство сделать вывод об ослаблении их человеческих взаимоотношений. Напротив, многое говорит о том, что только возросшая возможность раздельного проживания создает предпосылку для положительной эмоциональной окраски отношений между родителями и их взрослыми детьми. Все проводившиеся до настоящего времени исследования показывают, что большинство людей, строя отношения между поколениями, склоняются к «сочетанию близости и дистанции».

Более высокий семейный доход, более широкое предложение на рынке жилья, государственное перераспределение средств в последние десятилетия, направленное на поддержку семьи, по-видимому, способствовали тому, что молодым супружеским парам и семьям значительно легче удастся воплотить в жизнь концепцию нуклеарной семьи. Кроме того, все мень-

шее число работающих женщин живет вместе с родственниками и потому, что в 60—70е гг. XX в. резко выросло количество мест в детских учреждениях, которые содержат коммунальные и земельные власти (детские сады и т. п.). Работающим матерям они все чаще заменяют их матерей и свекровей, которые ранее смотрели за детьми.

От четко выраженной тенденции жить «малой семьей» следует отличать вопрос о характере взаимных посещений и оказания помощи. Родственные связи и особенно общение с родной семьей сохраняются и в дальнейшем, но в основном выполняя функции дополнения и поддержки малой семьи. Родственные отношения в общем и целом стали менее обязывающими. В условиях взаимной экономической независимости поколений есть возможность выбора: поддерживать их или дать им угаснуть. В верхней части среднего слоя прежде всего обнаруживается тенденция к бóльшей активности взаимных посещений знакомыми по сравнению с родственными контактами. Это также однозначно говорит в пользу увеличения возможностей выбора. Чаще ищут контакты с теми, с кем есть общие интересы и можно поделиться опытом, чем с теми, с кем имеется «только» генеалогическое родство.

Следует добавить, что речь о тенденции к «супружеской семье» можно вести только тогда, когда рассматривается предпочтительная форма так называемой полной семьи; в целом в настоящее время гораздо больше выражена, с одной стороны, тенденция к неполным семьям, в особенности к семьям разведенных и разошедшихся женщин с детьми, и тенденция к добрачной совместной жизни и к схожему с семьей сожительству — с другой [80].

Сокращение рождаемости. На протяжении XX в. общая тенденция к сокращению рождаемости в первые 60 лет несколько раз испытывала кратковременные колебания, которые имели либо противоположное направление, либо усиливали ее. Эти тенденции в развитии рождаемости в первую очередь отражают реакцию людей на острые угрозы их материальному существованию в фазах экономических кризисов и во время обеих мировых войн, а также выраженный «эффект намерстывания» в фазах экономического роста и общественной стабилизации. Сокращение рождаемости не было ни выражением «культурного декаданса», ни признаком упадка народов, которые его переживали, как многие думали. Оно было запоздавшей реак-

цией людей на промышленную революцию. Постепенное распространение массового наемного труда, занимавшего место труда в домашнем хозяйстве, развитие средств сообщения и торговли обусловили радикальное изменение форм жизни. С распространением промышленно-городского образа жизни среди постоянно растущей части населения, с созданием развитой системы социального обеспечения дети утратили свое хозяйственное значение.

Если в 1900 г. женщина в Западной и Центральной Европе в среднем имела еще около четырех детей, то к концу 1930-х гг. этот показатель упал примерно до 1,5. Многие люди отреагировали на мировой экономический кризис, с учетом тяжелого экономического положения откладывая время вступления в брак и рождения детей. Семейная политика национал-социалистов была попыткой борьбы против низкой брачной активности и нежелания иметь много детей: оказывая помощь семье путем перераспределения средств на государственном уровне, они вели массивную пропаганду семьи и семейной плодovitости. Однако распад общества и высокие военные потери обусловили, в конце концов, заметный спад рождаемости. Только во время так называемого послевоенного бума рождаемости 1960-х гг. число рождений вновь возросло в среднем до 2—3 детей на семью. Демографы и политики удивлялись этому неожиданному буму рождаемости, так как он противоречил общей тенденции к ее сокращению. Сегодня, однако, он представляется не «поворотом тенденции в противоположную сторону», а наивысшей точкой в развитии семьи в европейских индустриальных обществах.

«Для поколения довоенных и послевоенных детей наличие семьи из социальной привилегии превратилось в социальную норму» или, говоря иначе, впервые в годы так называемого экономического чуда каждый взрослый и совершеннолетний гражданин получил возможность жениться и иметь детей, не будучи в силу экономических причин вынужденным откладывать это решение. Среди родившихся в 1930—1945 гг. вступило в брак 90 % и почти столько же обзавелось детьми. Средний брачный возраст упал, как и средний возраст родителей при появлении первого ребенка. Часто первая беременность была поводом к заключению брака: число рожденных вне брака детей сократилось. Никогда прежде в Европе не была так велика доля женатого и имеющего детей населения. Поэ-

тому Патрик Фести назвал 1960-е гг. «золотым веком семьи» в Западной и Центральной Европе. Но тем самым была достигнута, как мы теперь знаем, также наивысшая точка развития семьи в европейских индустриальных обществах. С середины 1960-х гг. количество заключаемых браков и рождающихся в семье детей вновь сократилось, и из года в год распадалось все большее число браков. Показатели рождаемости (т. е. число родившихся за год детей на тысячу жителей) упали с середины 60-х гг. до конца 70-х гг. XX в. в большинстве промышленно развитых стран на 30—40 %, а в ФРГ и ГДР — даже на 50 %. Среднее число детей на одну взрослую женщину сократилось здесь до 1,4. Лишь в немногочисленных индустриализирующихся окраинах Европы (Ирландия, Турция) количество детей продолжало оставаться высоким (табл. 3).

Таблица 3

Количество детей на одну женщину

Годы	1960	1964	1970	1978	1982	1984	1985
ФРГ	2,37	2,51	2,06	1,38	1,40	1,29	1,30
Австрия	2,69	2,68	2,29	1,60	1,56	1,52	1,47
Франция	2,73	2,85	2,47	1,82	1,91	1,80	1,82
Нидерланды	3,12	3,20	2,75	1,58	1,49	1,49	—
Великобритания	2,69	2,86	2,44	1,77	1,78	1,77	1,80
Дания	2,54	—	1,95	1,66	1,42	1,40	1,45
Италия	2,41	2,65	2,39	1,84	1,57	1,51	—
Швеция	2,17	2,41	1,94	1,60	1,61	1,65	1,73

Статистическое сокращение рождаемости отражает, прежде всего, снижение числа детей в семье, т. е. в расчете на женщину, и, следовательно, уменьшение семьи, и в меньшей степени — тенденцию к полной бездетности. Четверо и более детей в семье были в 1970-х гг. в промышленных странах Западной и Центральной Европы редким исключением; число семей с тремя детьми также существенно сократилось. Как следствие, фаза рождений в семейном цикле ограничилась коротким периодом, всегда приходящимся на начало брака. Сокращение числа детей было облегчено

эффективными контрацептивами, особенно таблетками. Таблетки были первым действительно эффективным средством предохранения. В них нельзя видеть причину последовавшего за бумом рождаемости в середине 1960-х гг. нового ее падения (ошибочно до сих пор называемого «вызванным таблетками надломом» — «пилленкник»), так как в 1964 г. таблетки принимало лишь незначительное меньшинство женщин, в 1970 г. — только каждая десятая женщина в детородном возрасте. Если нужны другие доказательства, что разговоры о «пилленкнике» являются по меньшей мере грубым упрощением, то следует вспомнить о сократившемся в 20—30-е гг. XX в. наполовину числе родов, когда никаких таблеток или каких-либо аналогичных надежных противозачаточных средств не было. Потребность в ограничении рождаемости основывается в значительной степени на комплексном сочетании объективных и субъективных факторов, которые в неразрывном единстве обуславливают общую тенденцию к «модернизации жизни». Желание все бóльшего числа женщин не прекращать трудовую деятельность, возросшие требования к жилью и качеству досуга, по-видимому, являются важнейшими причинами сокращения рождаемости. Молодые супружеские пары предвидят материальные трудности, связанные с воспитанием детей, усиленным ростом стоимости жилья и временным перерывом в заработках жены. Дети не нужны ни как рабочая сила, ни как гаранты обеспечения в старости. Для эмоционального обогащения, которое муж и жена ожидают от своих детей, достаточно уже одного или двух. Все бóльшее число вступающих в брак могут представить себе счастливую жизнь даже без детей. Жизнь в больших городах предлагает альтернативы традиционному семейному счастью: свободное время, потребление и профессиональный успех являются основными компонентами постиндустриального стиля жизни, его реализация при наличии детей скорее затрудняется. Намерение жен ограничить количество родов разделяется частично по тем же мотивам мужьями. Исследования показали, что между этими желаниями мужей и жен имеется исключительно близкое согласие. В определенной степени к решению иметь детей в большинстве случаев пары приходят совместно, т. е. соответствующие представления с остальными основными моментами, которые имеют решающее значение уже в фазе выбора партнера.

В то время как количество детей, рожденных в браке, сократилось, почти во всех промышленных странах возросло число внебрачных детей (табл. 4).

По мере того, как рождение ребенка вне брака утрачивало черты позора, с 1960-х гг. росло число незамужних матерей. Следует помнить и о том, что социальные условия для незамужних матерей изменились решающим образом. Меры семейной и социальной политики во все бóльшей степени облегчают незамужним матерям решение в случае беременности отказаться от вынужденного брака. Бóльшая часть незамужних матерей живет сегодня в условиях, аналогичных браку, которые позднее часто законным образом регистрируются. Выросло, однако, и число детей, живущих с одним из разведенных родителей. В 1972 г. в ФРГ было 364 000 таких детей (2,6 %); в 1961 г. — 1,86 %. С 1961 г. число распавшихся браков с двумя или тремя детьми составляло треть всех разводов.

Таблица 4

Увеличение числа рождений вне брака

Страны	1965	1970	1980	1984	1985
ФРГ	4,7	5,5	7,1	8,8	9,1
Австрия	11,4	12,8	17,8	21,5	22,3
Дания	9,5	11,0	33,2	30,0	—
Франция	5,9	6,8	11,4	17,7	—
Великобритания	7,3	8,0	11,5	17,0	18,9
Швеция	11,3	18,4	39,7	44,6	46,4

Уже федеральный доклад о семье 1975 г. прогнозировал, что число детей, которым предстоит расти в неполной, согласно традиционным представлениям, семье, будет возрастать и дальше. «Принцип производителя», согласно которому социальными воспитателями должны быть по возможности именно физиологические родители, испытывает возрастающее давление. Все больше детей вырастает с одним из родителей, не являющимся физиологическим отцом или матерью (повторные браки разведенных, совместная жизнь, аналогичная браку и т. п.). Чем чаще нарушается «принцип производителя», тем более он перестает быть нормой. Это, в свою очередь, благоприятствует

дальнейшему увеличению числа тех, кто не находится в браке или разведен, потому что шансы разведенных лиц, имеющих детей, вновь вступить в брак растут. Отношение детей к своим биологическим родителям как к социальным родителям перестает быть само собой разумеющимся, они во все большей степени участвуют в процессах, связанных с обретением нового партнера их физиологическим отцом или матерью. Новейшие данные подтверждают это: все больше детей вырастает только с одним из физиологических родителей. В 1985 г. в ФРГ 12 млн малолетних детей жили вместе с обоими родителями, 1,3 млн — с матерями, отцами, отчимами или мачехами, которых принято называть родителями-одиночками. О том факте, что одинокие отцы или матери часто живут в новых (неузаконенных и потому не отраженных статистикой) отношениях, которые также влияют на жизнь их детей, статистика умалчивает. Служебное понятие «родитель-одиночка» вводит поэтому в заблуждение [81].

Увеличение числа разводов. Сокращение рождаемости с середины 1960-х гг. сопровождалось постоянным ростом числа разводов. В конце 1960-х гг. распадались в основном браки, заключенные в годы войны, часто в условиях, когда люди не имели достаточных возможностей узнать друг друга. Многие браки не выдержали чрезвычайных тягот послевоенного времени, долгой разлуки из-за военного плена и т. п. Разводившиеся тогда вскоре вступали в брак снова. Это относится прежде всего к мужчинам, которые из-за большого числа погибших были «дефицитным товаром» на брачном рынке. В 1950-е гг. процент разводов был небольшим. Около 1960 г. в наивысшей точке процесса укрепления семьи, пока продолжался брачный бум, процент разводов был низким. Затем с начала 1960-х гг. число вступлений в брак постепенно снижалось, а количество разводов скачкообразно росло. В настоящее время в ФРГ, Австрии и Швейцарии почти каждый третий брак распадается. В больших городах это уже почти каждый второй. Таким образом процент разводов почти в два раза выше, чем в 1962 г. Наиболее высокий показатель разводов в Европе имеют в настоящее время Швеция и Дания (около 45 %). В Англии сегодня распадаются четыре из каждых десяти заключенных браков (39 % разводов). Ожидать стагнации или обратной тенденции вряд ли следует.

С ростом числа разводов склонность к заключению брака во всех западных промышленно развитых странах уменьшалась. В ФРГ число заключенных на 1000 жителей браков сократилось с 9,4 (1960) до 5,9 (1982), хотя в этот период достигли брачного возраста люди из когорт с высокой рождаемостью. Вероятность того, что молодой неженатый человек когда-либо вступит в брак, еще в 1965 г. в большинстве европейских стран составляла около 90 %, а между 1970 и 1980 гг. упала в Австрии до 70 %, в ФРГ, Швейцарии и Дании — почти до 60 % (табл. 5).

При ответе на вопрос о причинах этой тенденции в первую очередь нужно говорить о двух факторах долгосрочного исторического значения: увеличении продолжительности брака и повышении экономических возможностей для его расторжения. Средняя продолжительность брака за 100 лет удвоилась. Пара, вступившая в брак в 1870 г., жила вместе в среднем 23,4 года, в 1900 г. — 28,2, в 1930 г. — 36, в 1970 г. — уже 43 года, если не распадалась раньше.

Столь продолжительный брак увеличил вероятность возникновения более частых и качественно иных конфликтов. Кроме того, надежды, которые возлагают люди на семью и брак, вышли за пределы прагматического обеспечения выживания и расширились до ожидания всеобъемлющего счастья.

Таблица 5

Вероятность вступления в брак (в процентах), исчисленная от общей доли впервые вступающих в брак женщин

Проценты по годам	1970 (%)	1980 (%)
ФРГ	98	61
Австрия	92	69
Швейцария	83	59
Великобритания	100	80
Франция	92	82
Дания	81	59
Швеция	62	53

Снижение прочности брака имеет прежде всего экономические и связанные с ними психологические причины. Все меньшее число людей живет и работает в условиях сельскохо-

зайственного или ремесленного производства, где совместное владение средствами производства вынуждает их сохранять несчастливо сложившийся брак. Те группы, к которым это не относится, а именно крестьяне и лица, занимающиеся самостоятельными промыслами, показывают значительно более низкий процент разводов. Крестьяне и крестьянки практически никогда не разводятся. Чем меньше супруги в своей экономической и социальной жизни связаны друг с другом, тем скорее они могут поставить вопрос о разводе в случае несчастливо сложившегося брака. Поэтому работа жен в проблемных браках повышает готовность и экономическую возможность к разделу или разводу. Горожанки со средним школьным или среднетехническим образованием, находящиеся в должности служащих, разводятся чаще всего; самый низкий процент разводов у неработающих женщин. Наконец, снижающееся или застывшее на низком уровне среднее количество детей на одну семью увеличивает готовность к разводам, так как наличие детей у пары уменьшает как их субъективное желание, так и экономическую возможность развода. Другими факторами повышения готовности к разводам являются сокращение браков, заключенных по религиозному обряду, рост урбанизации и региональной мобильности, перемены в роли женщины и дальнейшая индивидуализация жизненной концепции.

В той же степени, в какой все более широкие слои населения кладут в основу брака в первую очередь не экономическую необходимость, а личные отношения любви супругов, должно быть либерализовано и общее отношение к расторжению браков, а также и правовые нормы, регулирующие развод. Когда любовь становилась решающим мотивом при выборе партнера, постепенно распространилось убеждение, что брак перестает быть браком, «если в нем больше нет любви». Надежды людей найти в браке «большое счастье» скорее возросли, вопреки всем симптомам кризиса. Не в последнюю очередь это результат раздутой средствами массовой информации дискуссии о возможностях и пределах личного счастья, романтической любви, свободной от материального давления. Тем самым были развиты потребности в эмоциональной защищенности, сексуальном счастье и преисполненном любовью общении в супружестве, обеспечить удовлетворение которых можно в несравнимо меньшей степени, чем надежды крестьян, ремесленников и бюргеров предыдущих поколений, которые во всяком случае

видели основу брака в «прагматической» любви, совместном жизнеобеспечении, гарантиях имущества и статуса. Широкая пропаганда романтической любви как единственного «законного» мотива брака скрывает тот факт, что эта романтическая любовь, как правило, длится только какое-то определенное время. Она недостаточно прочна для концепции брака, заключаемого до конца дней.

Брак не является в первую очередь сексуально-эротическим институтом. Требуемая стабильность достигается не выбором объекта для непрочных человеческих сексуальных отношений и эротики, а следует из необходимости обеспечить социализацию детей и экономическое существование. Общие дети, жилье, доходы, совместное владение различными предметами пользования и не в последнюю очередь незнание процедур развода вынуждают людей примиряться с противоречиями романтической любви и моногамного брака, проявляя личную сдержанность и дисциплину. Остается надеяться, что романтическая любовь в браке превратится в «прагматическую любовь» или дружбу. Эти надежды, однако, часто не оправдываются, что доказывают цифры разводов. Даже тогда, когда удается трансформировать отношения медового месяца в союз спутников жизни, брак остается в значительной степени под угрозой. Постепенно накапливающийся недостаток эмоциональной поддержки, сексуального удовлетворения и нежности в отношениях супруги видят особенно ясно на фоне перманентной демонстрации привлекательных примеров «романтической любви». Повышение независимости личности и признание ее эмоциональных, социальных и сексуальных желаний имеет свою цену: чем сильнее супружеская пара ориентируется на идеал любящей пары, тем чаще она распадается из-за конкуренции новой «романтической любви».

Для целей обзора исторического развития семьи слишком сложен вопрос о значении постоянного роста в течение двух последних десятилетий процента разводов. Характеризует ли он кризисное состояние брака и тем самым усиление угроз существованию семьи или же относится скорее к уровню расторможности несчастных браков? Для нас важно то, что развод является конечным пунктом кризисного развития отношений пары. Ему обычно предшествует длительный процесс разлада отношений. Какое число несложившихся браков в конце концов распадается, зависит от множества личных и обще-

ственных факторов. По всей вероятности, судя по возросшим потребностям, в течение двух последних десятилетий «расстраивается» все больше браков и все больше людей готовы признаться самим себе и своему окружению, что они считают брак распавшимся, ибо общественное осуждение разведенных резко идет на спад. Создается впечатление, что в широких кругах населения снизилась готовность принимать брак, из которого «ушла любовь», или слишком конфликтный брак. С ростом числа разведенных общественное сопротивление разводам падает. Чем больше разведенных живет в обществе, тем скорее желающие развестись и разведенные могут рассчитывать на понимание своих проблем. Реакция социального окружения на развод является существенным фактором принятия решения супругами.

Проведенное в Австрии исследование обнаружило, что расторжение «расшатавшегося» брака в целом одобряется, если в доме нет детей. Две трети опрошенных все же высказывались за то, чтобы сохранять идущий к распаду брак «ради детей». Это доказывает, что задача социализации субъективно также находится в центре семейной жизни. Распространенное мнение, что в принципе супруги не должны разводиться, если в семье есть дети, все-таки упускает из вида тот вопрос, на который можно ответить только индивидуально: от чего дети страдают больше — от продолжающегося «супружеского спора» родителей или от их развода. Разводы конфликтующих пар одобряются тем больше, чем моложе человек и чем в более урбанизированном окружении он живет. Люди с более низким уровнем образования развод как норму скорее отвергают. Развод является признаком городского образа жизни. В сравнимых профессиональных группах частота разводов в городах в два-четыре раза выше, чем на селе. Женщины в большей степени одобряют разводы, чем мужчины. Это удивляет, учитывая связанное с разводом ухудшение их экономического положения. С другой стороны, объяснение состоит в том, что женщины тяжелее переносят конфликтность супружеской и семейной жизни. К тому же в случае развода женщины имеют с психологической и социальной точек зрения то преимущество, что дети в основном остаются с ними. Это обычно дает им эмоциональную поддержку. В то же время маленькие дети часто осложняют матери попытку вступить в новые отношения. В большинстве случаев инициаторами разводов выступают женщины, хотя мужчины

являются «истинными проводниками» разводов и первыми пытаются разорвать неудачно сложившиеся отношения. В целом представляется, что женщины предъявляют к браку и семье более высокие требования, чем мужчины, они также чаще высказывают недовольство по поводу своих браков.

Исходя из той точки зрения, что развод является результатом процесса, часто растягивающегося на годы, представляется интересным вопрос, какие факторы играют в нем роль. Статистически первое учащение разводов наблюдается вскоре после свадьбы, когда обычно еще нет детей.

Представляется, что речь идет о раннем исправлении ошибки, допущенной при выборе партнера, а чаще, пожалуй, о трудностях адаптации к образу жизни супруга. В период рождения и ухода за маленькими детьми разводы возникают значительно реже. Но в это время часто намечается кризис в отношениях пары. Многочисленные исследования показывают, что после рождения первого ребенка наступает тенденция к снижению субъективного удовлетворения браком, и притом в сравнимой степени у мужчины и женщины. Супруги имеют меньше времени друг для друга, у них становится меньше общих друзей и знакомых, чем раньше. Молодые матери завязывают новые контакты с другими матерями, в которых мужа большей частью не участвуют. Молодые матери часто чувствуют себя одинокими и покинутыми вследствие выпадения из связанной с профессией социальной системы, многим не хватает чувства независимости. С другой стороны, родственные контакты (прежде всего с родными семьями мужа и жены) в этой фазе вновь учащаются, что скорее благоприятствует ориентации на традиционные отношения между супругами и между родителями и детьми. Часто требования совместной ответственности за домашнее хозяйство, выдержанные в духе эмансипации, предъявляются только до рождения первого ребенка, а затем они входят в русло традиционных моделей разделения труда или совсем прекращаются. Поэтому именно молодые женщины испытывают болезненное расхождение между желаемым идеалом супружеской и семейной жизни и наличной повседневностью. Их надежды на партнерский брак не сбываются. Когда младшему ребенку исполняется 6—14 лет, постепенно становится возможным разгрузить родителей от интенсивного ухода за детьми и в конфликтных браках вновь повышается готовность к разводу.

Итак, открытому проявлению супружеского кризиса предшествует, как правило, скрытый подготовительный период, который частично не осознается участниками. В большинстве случаев это медленный, затрагивающий обоих супругов процесс деградации брака. Одно французское исследование также показало, что разводу зачастую предшествуют неоднократные попытки разойтись. Прежде всего из-за детей или по финансовым соображениям супруги все время откладывают решение о разводе. Наконец, когда вырастают дети, улучшается финансовое положение или усиливается процесс деградации брака, они приводят его в исполнение. При этом готовность принять во внимание развод существенно зависит от социального статуса супругов: в браке, где женщины работают, разговоры о разводе заводят чаще. Профессиональная деятельность женщин как таковая не повышает степень риска. Напротив, эмпирические исследования показали более высокую степень удовлетворения в парах, где женщина имеет независимую сферу труда и жизни, с которой связан круг ее знакомых и друзей. Следует, однако, допустить, что финансовая независимость работающих женщин (особенно в средних и высших слоях) способствуют тому, что конфликты в браке чаще доводятся до конца и при недовольстве браком чаще ставится на обсуждение возможность развода. Самую низкую готовность довести дело до развода, напротив, проявляют жители аграрных районов, неработающие женщины, а также представители групп населения с самым низким уровнем доходов. Развод означает для них большей частью жизнь за пределами прожиточного минимума.

В целом из представленных здесь вкратце данных социальных исследований о характере процесса развода и, соответственно, предшествующего ему периода можно сделать вывод, что решение о разводе обычно принимается не поспешно и безответственно быстро, как зачастую утверждают противники разводов. Постоянно используемый аргумент, что разводы нарушают право детей на спокойную семейную социализацию, соответствует истине, с одной стороны, прежде всего в том смысле, что многие раздельно живущие или разведенные родители даже после развода переносят свои конфликты на детей. С другой стороны, при этом упускается общественный аспект проблемы: в промышленных обществах важнейшая функция семьи — социализация будущих поколений — обе-

спечивается только при условии, что родительская пара живет в достаточно гармоничных отношениях. Разводы не являются патологическим явлением современных обществ: они в положительном смысле функциональны, если удастся остановить разрушительные кризисные тенденции в отношениях двух людей путем изменения их жизненного положения и вернуть им после довольно длительных коллизий, связанных с разводом, как личную способность радоваться жизни, так и готовность по мере своих сил и умений участвовать в жизни общества. В любом случае не следует упускать из вида, что женщины в случае развода часто оказываются обделенными, так как им приходится сочетать в большей частью ухудшившихся экономических условиях домашний труд, уход за детьми и часто также работу. Их практическая возможность найти нового партнера обычно ограничена, как и психологическая готовность решиться на новые любовные отношения.

Некоторые специалисты в области социологии семьи считают, что тенденция к увеличению числа разводов, взятая сама по себе, не внушает опасения до тех пор, пока большая часть разведенных заключает новые браки. Развод представляет собой в принципе только «косвенный комплимент идеалу современного брака и в равной степени свидетельство его трудностей». Такие утверждения показывают, что многократно декларированное старшими поколениями социологов, развивавших пессимистические культурологические концепции, осуждение разводов ныне, в свете самых последних тенденций, не разделяется. С другой стороны, не следует затушевывать ради элегантной социологической формулировки те несчастья, которые связаны с разводом супружеской пары, ее распадом и их последствиями, в современных социокультурных и экономических условиях. Наивно было бы надеяться, что расторжение брака, порождавшего страдания, агрессию, страсть к господству и подчинению, даст только освобождение и не нанесет никакого ущерба. Цифры разводов и без того показывают только вершину айсберга. Вместе с разведенными по закону следует предположить наличие, во-первых, значительного количества пар, разошедшихся фактически, во-вторых, неизвестного количества несчастных, но из-за детей или по экономическим соображениям или общественным мотивам не распавшихся браков. К тому же подкрепляющие это суждение наблюдения относятся к 1940—1960-м гг., когда

большинство разведенных стремилось к вступлению в брак, сегодня, по крайней мере как общее правило, не подтверждаются. Число вновь вступающих в брак в большинстве стран не растет и не снижается, тогда как число разводов увеличивается. В 1950 г. Пол Х. Лэндис, учитывая высокий процент повторных браков, ввел термин *sequentialmarriage*, имея в виду последовательную полигамию мужчин и женщин. Как представляется, социокультурное давление, которому раньше подвергались разведенные и которое часто вело к скорым повторным бракам, сегодня ослабло [80].

Альтернативы браку и семье в европейских странах. Меньшинство, скептически относящееся к институту брака, численно растет. Проведенный в 1978 г. в ФРГ опрос показал, что примерно 18 % всем неженатым людям кажется привлекательным остаться «в принципе самостоятельными и независимыми». В 1981 г. в рамках одного из исследований молодежи 13 % молодых респондентов ответили, что не хотят жениться, а 7 % не хотели иметь детей. С тех пор, по-видимому, скепсис вырос еще больше. Предположительно, главным образом он порожден опытом молодых, вынесенным из родных семей и наблюдений за супружескими проблемами родителей. Это повышает их готовность в своей собственной жизни искать альтернативные формы ее устройства.

Параллельно сокращению числа заключаемых браков распространились, прежде всего на Севере Европы, в Швеции и Дании, а в 1970-е гг. и в государствах Центральной и Западной Европы, формы совместного сожительства, аналогичные браку. Все больше людей предпочитает не вступать в брак в самом начале своих отношений или вообще не вступать в брак. Эта изменившаяся позиция имеет в значительной мере отношение к изменению социокультурного характера феномена молодежи. Классическая фаза молодости между наступлением половой зрелости и полной социально-экономической зрелостью (часто связанной с браком) теперь изменилась. Молодые люди, прежде всего средних и высших социальных слоев, достигают социокультурной зрелости задолго до того, как обретают экономическую независимость от родителей. С одной стороны, вступление в трудовую жизнь у молодых отодвинулось из-за удлинения срока школьного и университетского образования (и часто следующей за ним фазы безработицы). С другой стороны, в более раннем возрасте предпочтение отдается

возможности действовать и потреблять. Постиндустриальное общество благоприятствует раннему наступлению совершеннолетия — прежде всего в области потребления, а также в социальных и сексуальных отношениях, и отсрочивает наступление экономической самостоятельности (как у работающих взрослых). Молодые, еще не став производителями, уже являются потребителями.

Компетентное участие молодых в потреблении делает их более зрелыми с социокультурной точки зрения, чем это было у предыдущих поколений. Фаза зрелых лет (несколько нечетко называемая «постмолодежной» фазой) определяется, с одной стороны, более высокой готовностью к жизненным экспериментам, с другой — ограниченной экономической независимостью. Формулируя более точно: молодые остаются экономически полностью или частично зависимы от родителей, но ведут себя, по-видимому, независимее от нормативных представлений последних, особенно в социосексуальной сфере.

Отсюда следуют конфликты между поколениями, даже при том, что большая часть родителей становится терпимее. Поэтому часто постмолодежная фаза проходит вне родительского дома, молодежь заявляет об исторически новом «праве отказа» от родителей. Когда юноша или девушка в определенном возрасте говорят: «Я сыт по горло и хочу от вас уехать», то это является ситуацией, становящейся в последние годы все более возможной. Родительский дом не подходит для экспериментирования. Перед молодым человеком стоит вопрос, как он будет жить за его стенами. Если в 1960-е гг., в наивысший момент глобальной тенденции укрепления семьи, все больше молодых «бежало» в брак (ранние браки), то с тех пор в молодежной среде утверждается все более выжидательная позиция по отношению к браку и семье. Концепция «буржуазного брака» представляется в эти годы слишком тяжеловесной и обязывающей. «Браки без свидетельства о браке», «жилые сообщества» и самостоятельная одинокая жизнь являются развившимися к настоящему времени альтернативами. По-видимому, они предлагают лучшие возможности для познания жизни и облегчают разрыв сложившихся отношений.

Неженатые пары. В Дании и Швеции уже в середине 1970-х гг. примерно 30 % незамужних женщин в возрасте от 20 до 24 лет жили вместе с мужчинами. Поэтому небрачный союз в этой возрастной группе встречается чаще, чем формальный

брак. В большинстве других европейских стран в этот же период только 10—12 % в этой возрастной группе находились в сожительстве, но в дальнейшем число неженатых живущих совместно пар здесь также возросло. Это относится прежде всего к большим городам и их окрестностям: в Париже в 1980 г. менее половины всех живущих вместе гетеросексуальных пар (с мужчинами в возрасте 25 лет и меньше) состояли в зарегистрированном браке; среди пар с мужчинами в возрасте 35 лет и ниже, если они не имели детей, только около половины были расписаны. В ФРГ в 1985 г. примерно около 1 млн пар вели так называемую несупружескую семейную жизнь. Их можно соотнести примерно с 15 млн супружеских пар с детьми или без них.

Является ли часто встречающееся совместное сожителство только предварительной стадией к последующему браку («пробный брак»), или мы имеем дело с исторической альтернативой браку? Предварительно и не совсем уверенно я бы ответил: верно и то, и другое. Совместная жизнь в «пробном браке» в целом длится сравнительно недолго, брак или заключается, или прерываются отношения. В то же время увеличивается число случаев совместного сожительства, которое отличается от брака только отсутствием правового оформления. Если в пробных браках пары стремятся избежать зачатий, то в аналогичных браку длительных отношениях рождение детей часто приветствуется.

Между тем общественное приятие «пробных браков» значительно выше, чем длительного сожительства. Формы совместного долговременного сожительства, аналогичного браку, по всей видимости, распространились прежде всего в тех странах, где уже была распространена практика пробных браков. Нормативная действенность законных браков отступает, так сказать, шаг за шагом. В Швеции добрачное совместное сожителство является уже признанным социальным институтом. Почти все супружеские пары перед браком жили некоторое время вместе. Женятся только по традиции. С браком ни в коей мере не связывают общественную санкцию на сексуальные отношения пары. Брак потерял значение узаконивающего сексуальные отношения пары акта. Аналогичная ситуация в Дании. Здесь совместному проживанию спустя некоторое время также придается законный характер путем заключения

брака. Большая часть незамужних женщин с одним ребенком выходит замуж перед рождением второго.

Основная масса внебрачных первых родов приходится на женщин, которые живут в аналогичных браку союзах. Более 98 % этих женщин все-таки выходят замуж, когда ребенок подрастает. Часть женщин последовательно вступает в несколько неоформленных браком союзов. При этом «пробный брак» практически переходит в «последовательную полигамию», что, однако, не исключает некоторых надежд на более длительные отношения.

«Экспериментальные» формы жизни требуют более высокого уровня рефлексии и способности к общению, а также не в последнюю очередь сил, позволяющих противостоять давлению общественных норм. По этой причине их распространение не может не зависеть от социальной принадлежности и уровня образования. Известно, что во Франции аналогичные браку формы сожительства чаще встречаются в более высоких социальных слоях, чем в более низких. Правда, бо льшей частью они представляют кратковременную фазу, предшествующую браку. Средняя продолжительность сожительства составляла в конце 1970-х гг. у 18—21-летних 1,3 года, у 22—25-летних — 2 года и у 26—29-летних — 2,7 лет. В середине 1970-х гг. во Франции, как и в Австрии, примерно половина всех супружеских пар некоторое время до свадьбы жили вместе. В ФРГ примерно треть всех вступивших в брак супружеских пар «опробовали» свою способность жить вместе, пока не начали доверять друг другу. С тех пор число таких «пробных браков», по-видимому, значительно возросло. Опросы в Австрии показали, что совместная жизнь без свидетельства о браке, такая как «пробный брак», признается в широких кругах населения. Однако, судя по всему, большинство населения (еще?) отклоняет окончательную замену брака «свободным сожительством». Вероятно, это едва ли обосновывается теперь сексуально-этическими аргументами, а скорее, исключительно интересами возможных детей.

Одинокие. Со времен Второй мировой войны число живущих обособленно лиц резко возросло. В 1950 г. в ФРГ каждое пятое домохозяйство состояло только из одного лица (19,4 %); в 1982 г. — почти каждое третье (31,3 %), в крупных городах с числом жителей свыше 100 000 — уже почти каждое второе хозяйство. В Берлине в 1982 г. более половины всех домохо-

зайств вели одинокие люди (52,3 %), в Гамбурге в том же году их было 40,6 %. Во всех взятых вместе городских регионах, т. е. исключая сельскую местность, 31,3 % западногерманских граждан жили в хозяйствах, состоящих из одного лица. В Австрии в 1984 г. их было 27 %. В это же время в ФРГ имелось примерно 8 млн хозяйств одиноких лиц. Что стоит за этими цифрами?

Жить одному — это исторически новый феномен. Тот, кто перед Второй мировой войной был неженат, вдов или разведен, как правило, жил в многолюдных семьях (у родителей, родственников и т. п.). Произошедшая резкая перемена проявилась особенно ярко в больших городах. Увеличивающаяся доля одиноких людей в ФРГ включает в себя наряду с более чем 3 млн вдов (40,7 % всех одиноких) растущий процент живущих обособленно лиц молодого и среднего возраста (табл. 6).

Таблица 6

Население, живущее одиноко в 1982 г. в ФРГ

Мужчины и женщины	Количество	%
Вдовы	3 228 000	40,7
Незамужние женщины	1 556 000	19,6
Неженатые мужчины	1 377 000	17,4
Вдовцы	493 000	6,2
Разведенные женщины	493 000	6,2
Разведенные мужчины	357 000	4,5
Женатые, но разошедшиеся мужчины	282 000	3,6
Замужние, но разошедшиеся женщины	142 000	1,8

Наряду с 1,5 млн незамужних женщин и 1,4 млн неженатых мужчин в 1982 г. вели самостоятельное хозяйство также 1,3 млн разведенных юридически или фактически лиц. Все больше мужчин и женщин в подходящем для брака возрасте решались жить одиноко: в 1982 г. не менее чем 1,1 из 7,5 млн хозяйств велись одинокими мужчинами в возрасте от 25 до 45 лет. Эти люди приняли по различным причинам решение жить одни; с точки зрения социальной ин-

фраструктуры это становится возможным благодаря развитой сети услуг и технической помощи в больших городах. Однако об отношениях одиночек статистика не знает ничего. Большинство состоит, по-видимому, в более или менее длительных отношениях с кем-либо. Многие проводят часть времени с партнерами, не отказываясь от собственной квартиры. Это повышает личную независимость и освобождает отношения от последствий неравномерного распределения работ по хозяйству между мужчиной и женщиной. Минимальное экономическое давление в пользу сохранения отношений и то обстоятельство, что одинокие люди выполняют работы по дому самостоятельно, если только не предположить, что они приносят грязное белье матерям или подругам, создают простор для преодоления патриархальных структур.

Жилые сообщества. Критика социальных функций семьи, связанных не только с воспроизводством рабочей силы и обеспечением целостности общества, но и со стабилизацией существующих отношений господства, в начале 1970-х гг. породила попытки противопоставить ей альтернативу в виде жилых сообществ и коммун. Некоторые из первых коммун (Коммуны 1 и 2 в Берлине, Коммуна Хорла в Мюнхене) в начале 1970 гг. казались обывателям ужасным кошмаром, а средства массовой информации с готовностью поддерживали эти страхи, связывая с ними наркотические оргии, групповой секс и терроризм. С тех пор наступило успокоение. Не в последнюю очередь это объясняется изменением потребностей и представлений большинства еще существующих или вновь возникших коммун. Они стали менее радикальными, часто менее политическими и в чем-то даже «обуржуазились».

Пытаясь типологически исследовать пеструю картину, которую представляют сегодня жилые сообщества и коммуны, можно выделить с точки зрения структуры отношений жилые сообщества из нескольких малых семей (часто называемые «большой семьей»), жилые сообщества из нескольких пар, жилые сообщества из нескольких лиц, не связанных друг с другом парными отношениями, а также образуемые из этих структурных элементов смешанные формы. По критерию стоящих перед ними социокультурных, политических и экономических задач можно выделить студенческие коммуны в университетских городках, сельские группы, часто практикующие макробиотические методы возделывания культур, религиозные и лечеб-

ные группы, группы совместного проживания пожилых людей, лиц с ограниченной подвижностью и другие пограничные группы и наконец, производственные и жилые коллективы, а также педагогические группы родителей с детьми (в традициях движения за антиавторитарное воспитание). Общим для всех этих форм жизни является лишь то, что большое число частью не связанных родством людей собираются в квартире (или в доме) для совместного ведения хозяйства. Их мотивы, надежды, запросы и проблемы, напротив, очень различны. Религиозные и лечебные группы в дальнейшем не будут рассматриваться. Нам интересны только те группы, которые представляют временную или длительную альтернативу семейному образу жизни.

Студенческие жилые сообщества составляют среди них подавляющее большинство. Наряду с финансовыми преимуществами и прагматическим решением жилищной проблемы они дают студентам возможность, вопреки экономической несамостоятельности, жить, поддерживая сексуальные и любовные отношения. Тем самым им удается уйти от уже в 1920—1930-х гг. болезненной «сексуальной нужды молодежи». Сюда следует добавить высокий уровень способности к экспериментам и одновременно солидарную групповую защиту. Социальная структура жилых сообществ отвечает притязаниям на эгалитарные, а не авторитарные отношения. Это не означает, что здесь нет проблем с авторитетами, но большей частью их переработка входит в программу группы. Жилые сообщества облегчают преодоление традиционных форм специфицированного по полам ролевого поведения, особенно в ведении домашнего хозяйства и уходе за детьми. Они облегчают работу или учебу молодым матерям и способствуют решению личных трудностей и проблем общения.

Количество жилых сообществ сегодня скорее незначительно. В 1981 г. в ФРГ только 5 % молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет жили в них. Если же сгруппировать их членов по социальному статусу, то картина будет иной: 18 % студентов в 1982 г. жили и почти 30 % учащейся молодежи высказывали желание жить в жилых сообществах. В настоящее время в университетских городках ФРГ уже до 30 % студентов живут коллективно. По оценкам, существует от 80 000 до 100 000 коллективов, в которых состоит примерно 1 % всего населения. Каждое четвертое или пятое жилое сообщество (около 20 000) вклю-

чает детей. Тем самым вместе с остаточными семьями и родителями-одиночками жилые сообщества представляют (учитывая число участвующих в них людей) самую крупную опытную модель нетрадиционного воспитания детей.

Для части живущих в коммунах людей эта форма жизни имеет преходящий характер. На их жизненном пути она находится между временем взросления в родной семье и вступлением в брак или вступлением в аналогичное браку сожительство, или жизнью одинокого человека. Большинство жилых сообществ отмечает высокую текучесть своих членов. Редко одна группа остается неизменной более двух лет. Жилые сообщества оказывают значительно меньше организационного, социального и психологического сопротивления постоянной смене их состава, чем семейный дом. Во всяком случае, жилое сообщество гораздо больше соответствует требованиям гибкости и мобильности, предъявляемым большей частью молодыми членами (например, чтобы облегчить перемену мест работы или учебы), чем семейное хозяйство. Оно представляется, по крайней мере на период получения образования, более функциональной формой первичной группы. В годы, которые во многом определяются процессом отделения молодых от родителей и возникающими в связи с этим социальными и психологическими проблемами, жизнь с ровесниками выполняет важную ориентирующую функцию.

Большинство членов жилых сообществ вышло из традиционных нуклеарных семей и имеет за собой первичный опыт семейной социализации. В жилых сообществах многие их члены находятся под воздействием привычек и установок, полученных ими в семье, и в основном критически относятся к тому, чтобы их изменить. Стремятся к более или менее определенной системе ценностей, основными элементами которой являются сотрудничество и солидарность, но также и высокая степень автономии личности. Принадлежность к жилым сообществам может рассматриваться как этап в социализации подростков и молодежи, когда результаты воспитания в малой семье частично корректируются или по меньшей мере сознательно подвергаются критическому анализу.

Утопические представления вроде отмены парных отношений, свободной половой жизни и тому подобного так, как их пытаются реализовать в жилых сообществах (коммунах), большей частью терпят крах (с другой стороны, не случай-

но, что в центре репортажей средств массовой информации оказываются именно эксперименты в сфере сексуальных отношений; при этом с целью извлечения прибыли в равной степени эксплуатировалась как жажда сенсаций, так и сексуальные фантазии фрустрированной публики). Для ситуации с жилыми сообществами подобные отдельные эксперименты нетипичны. Большинство членов жилых сообществ, по видимому, находится в более или менее длительных парных отношениях, причем интимный партнер часто живет в другом сообществе. Разумеется, готовность к экспериментам в вопросах эротики, сексуальности, верности или разрыва отношений в жилых группах в целом выше, чем у людей, живущих малой семьей.

Совместное выполнение работ по дому и воспитание детей дает то преимущество, что они могут быть распределены между большим количеством лиц. Выполняемое в идеальном случае по очереди дежурство по дому и уходу за детьми особенно разгружает женщин от одностороннего прикрепления к обязанностям хозяйки и матери. Группа контролирует справедливое распределение работ по дому и уходу за детьми. Таким образом в тенденции устраняется разделение труда на основе половой специфики. Жилищные группы подрывают и принцип филиации. Не только родные отец и мать, но каждый член жилой группы находится, как предполагается, в отношениях солидарности и заботы с живущими вместе детьми. Преодоление половых ролей находит свое продолжение в намерении в целом ограничить присущий полам тип поведения, порождающий господство. В жилом сообществе всегда найдутся собеседники, чтобы обсудить важнейшие проблемы и поговорить, провести свободное время. Отдельная пара освобождается от бремени завышенных требований к самой себе.

Только в некоторых коммунах пытались разрушить обособленность личной жизни групп из родителей с детьми, пар и отдельных лиц, например путем устройства общей спальни, отказа от собственности на предметы обстановки, автомобиля и тому подобное. Тем самым планировалось преодолеть связь социальных отношений с частной собственностью. Большинство жилых сообществ все же придерживается сохранения автономного личного пространства каждого члена группы (его собственной комнаты и т. п.). Жилые сообщества финансируют и ведут хозяйство большей частью из общей кассы. Остаток

личного дохода члены сообщества, как правило, оставляют себе. Возникает более высокая степень материальной защищенности для отдельного лица, потому что в моменты отсутствия заработка и денег солидарность группы оберегает его от нравственного и физического упадка. Общее владение средствами производства имеется в сельских коммунах, жилых и производственных кооперативах (например в коллективных ремесленных мастерских). Многие группы пользуются вместе принесенными членами группы предметами длительного пользования (телевизорами, стереоаппаратурой, мебелью, автомобилями). Трудности, однако, возникают, поскольку не все члены группы пользуются вещами одинаково аккуратно, а также при выходе кого-либо из группы, когда встает вопрос о выкупе коллективно приобретенного предмета пользования.

Между тем еще более важным, чем вопросы формального владения, представляется то, что коллективное право пользования снижает необходимость и значимость личной собственности. Личные потребности находятся под контролем группы. Человек в меньшей степени подвергается воздействию капиталистической товарной эстетики. Из коллективного сопротивления принудительному приобретению возникают формирующие стиль элементы специфической жилищной эстетики, которая способна своим повседневным порядком вещей поставить под вопрос тонкий микробазис общественного порядка. Совместное пользование предметами потребления ограничивает их престижный и фетишизированный характер. В этом, как представляется, собственно и заключается разрушительная сила жилых сообществ. Они подрывают в сознании своих членов значение таких существенных элементов капиталистической идеологии, как конкуренция, статус, собственность, потребление, но, конечно, не могут устранить их действительность в обществе.

Необходимо с осторожностью относиться к анализу кратко очерченных здесь программных установок жилых сообществ. Есть, однако, основания считать, что жилые группы, в отличие от малой семьи, вовлекают отдельных людей вне зависимости от их пола в выполнение повседневных репродуктивных заданий. В этом отношении, по-видимому, воздействие на общественную жизнь, которое оказывают жилые сообщества, выходит за их пределы. Люди, которые долгое время провели в жилых группах, как правило, более компе-

тентны в вопросах воспроизводства. Это повышает их способность, выйдя из жилого сообщества, жить отдельно и в браке, зарегистрированном или нет. В этом смысле жилое сообщество по отношению к браку и семье является скорее дополняющей, чем альтернативной формой жизни. Но оно может быть и их альтернативой. С определенной долей вероятности можно предположить, что оно, поскольку этого еще не произошло, должно войти в число социальных форм, признанных обществом и законом. Надежными показателями этого будут, к примеру, применение социального законодательства о государственном коммунальном перераспределении средств (скажем, предоставление пособий на жилье), разработка адекватных архитектурных решений и т. п. Хотя жилые сообщества по названным выше причинам некоторым кажутся политически подозрительными, они удовлетворяют определенные потребности и содействуют формированию принципиальной жизненной позиции, которую принимают во все большей степени. Возможно, сделанное жилами сообществами, компенсирующими коллективным образом жизни чреватые вырождением последствия разобщения в постиндустриальном обществе, в будущем будет высоко оценено. Жилые сообщества до настоящего времени в большей степени способствовали формированию экологического сознания и альтернативного потребительского поведения, чем обычные семьи. Жилые сообщества с их не в последнюю очередь большей открытостью могли бы противодействовать той исторической тенденции, которую Рихард Зеннет определяет как «утрату общественного» и «тиранию личного», — закрытой и деполитизированной супружеской и семейной жизни. Все данные опросов говорят сегодня против этого: большинство населения в европейских индустриальных странах хотя и принимает жилые сообщества (как и другие модели жизни) в качестве альтернативы семейному дому, но отклоняет ее для самих себя. Жилые сообщества и связанный с ними уровень самоанализа и усилий по налаживанию и поддержанию отношений многим кажутся сопряженными с чрезмерными тяготами. Можно предположить, что над усиливающимся желанием обрести защищенность и поддержку в группах, охватывающим больше людей, чем в семьях с одним или двумя детьми, будет как и прежде торжествовать миф о счастье в аполитичной по замыслу частной супружеской и семейной жизни [81].

Будущее семьи в странах Центральной и Западной Европы. Растущий процент разводов, падение числа браков, увеличение количества одиноко живущих и подобных браку сожительств сигнализируют о тенденции, которая в предварительном порядке с осторожностью может быть оценена как утрата законным браком его значения. В то время как монополия брака на сексуальные отношения взрослых людей в постиндустриальном обществе значительно ограничилась, сильнейшим аргументом в пользу брака еще остаются интересы детей. Обрисованные альтернативы семье и браку ограничиваются меньшинствами и молодыми людьми. Большинство людей живет традиционными формами семьи и брака. Тем не менее увеличение возможности расторжения брака и появившиеся к настоящему времени альтернативы влияют и на тех, кто живет в традиционном супружестве. Модель их жизни представляется менее прочной, менее безальтернативной и менее само собой разумеющейся, чем прежде. Толерантность в отношении меньшинства, которое не живет в браке и семье, значительно возрастает. Вместе с нею повышаются требования к качеству собственной супружеской и семейной жизни у большинства. Не в последнюю очередь следует также помнить о том, что традиционные и новые формы жизни не являются полностью независимыми друг от друга. Они в значительной степени интеграционно переплетены: в то время как родители живут в законном браке, их выросшие дети опробуют незаконные формы совместной жизни и т. п. Исторически новая конкуренция жизненных моделей и повысившаяся благодаря ей чувствительность к качеству отношений вызвали, как можно предположить, необходимость более высокой степени самоанализа и критической проверки собственной практики жизни.

Ввиду снижения готовности к заключению брака, роста числа разводов и сокращения количества детей правомерен вопрос: есть ли у семьи будущее? Статистический прогноз демографическими средствами невозможен. И все-таки, при всей осторожности, можно ожидать по меньшей мере трех изменений в эволюции брака и семьи в ближайшие годы.

Первое. Для все большего числа людей будет возможно, при условии что не последует никакого стихийного и продолжительного падения конъюнктуры, жить, выбирая, в законном браке с детьми или без, в незаконном сожительстве,

обособленно (что, конечно, не исключает длительных отношений), в жилой группе, носящей семейный или несемейный характер или, чаще всего после развода, в остаточной семье. Семья при этом должна утрачивать монопольное и безальтернативное особое положение как нормальная форма совместной жизни.

Второе. Между социализацией в родительском доме и рождением и воспитанием своих детей в своей семье все чаще вместо «оберегаемой жизни» молодых в родном доме будет утверждаться промежуточная фаза относительно свободных форм отношений (сменяющие друг друга любовные связи, совместная жизнь без свидетельства о браке, жизнь в группе). Прямой путь от родительского дома к своему собственному станет все более редким.

Человек постиндустриального общества в процессе своей жизни, вероятно, чаще и в большем количестве, чем прежде, будет менять различные жизненные модели. Без учета немногочисленного меньшинства нет никаких признаков того, что концепция верности может быть поставлена под вопрос в длительных (все же не обязательно продолжающихся всю жизнь) отношениях. Сексуальная верность по-прежнему является идеалом. Во всяком случае, по-видимому, и дальше будет увеличиваться терпимость в отношении к «прыжку в сторону» партнера, если это не влияет на основополагающее согласие в браке. Вопреки возросшим требованиям к любви и счастью в супружестве растет толерантность к свободе партнеров. С другой стороны, тем самым множатся, как представляется, опасные моменты для дальнейшего существования брака: если побочная связь не будет преодолена или связанные с нею ожидания начнут преобладать над степенью внутреннего удовлетворения, то возрастет готовность к разводу. Это указывает на то, что брак продолжает терять свою исключительность и все более приобретает характер свободных и могущих быть расторгнутыми отношений.

Третье. Число детей, воспитываемых свободно живущими совместно парами или одинокими матерями, вероятно, будет увеличиваться и далее. Если исходить из того, что в последующие годы продолжится определенная демографами тенденция к разводам, то в будущем каждый третий житель Центральной Европы к концу жизни останется один; из тех, кто женится, примерно каждый третий разведется вновь; из разведенных

только каждый второй снова вступит в брак. При условии, что частота разводов останется на современном уровне, из детей, рожденных в первой половине 1980-х гг., каждый восьмой до 14-го года жизни станет свидетелем развода родителей. Тем самым социальный принцип филиации еще более утратит свое значение. Основанные не на кровном родстве формы солидарности и опеки, предположительно, приобретут большее значение.

Об общественных и человеческих следствиях таких тенденций развития имеются противоречивые суждения. Похоже, как показывают расчеты, традиционные формы семейной солидарности в отношении детей, подростков и пожилых людей в дальнейшем будут разлагаться, и должны быть найдены новые формы взаимопомощи как внутри, так и вне брака и семьи. С другой стороны, не является неизменным то, что солидарный тип поведения, сознание ответственности в отношении детей и готовность помочь пожилым людям и т. п. будут относиться только к тем людям, которые живут в традиционных семьях. Общество, в котором квалифицированное меньшинство живет не в браке и семье, а обособленно, незаконными парами, остаточными семьями или жилыми группами, не должно поэтому быть обществом пренебрежительного отношения к людям. Семейная любовь, забота, нежность и солидарность должны распространяться также и на первичные отношения людей, которые не обязательно живут общим хозяйством или связаны кровными узами (на разошедшихся родителей, их детей и новых партнеров, ближайших друзей), достигнутое расширение автономии личности не должно быть сведено на нет потерей эмоциональной и социальной уверенности.

Решающим аспектом этого развития, без сомнения, является повышение возможностей отдельного человека принимать важные жизненные решения в соответствии с личным мнением, а не универсально действующими нормами или групповым принуждением. Я согласен с Артуром Э. Имхофом, который в отношении очерченных тенденций утверждает, что индивид начинает в значительно большей степени пользоваться предлагаемыми ему возможностями сравнительно независимого образа жизни. Как сочетается этот рост индивидуальной автономии с растущей конкуренцией различных жизненных моделей в истории последних столетий?

Переход от «всего дома» к семье, пережившей процесс перемещения в сферу частной жизни, формирование индустриального общества со свойственным ему преобладанием людей, занятых преимущественно наемным трудом, дали почти всем взрослым людям возможность вступления в брак и обзаведения семьей. Наивысшей и переломной точкой развития этой тенденции были 1960-е гг. Их значение состояло в окончательном освобождении от домашне-правовой зависимости и устранении временного или продолжавшегося всю жизнь вынужденного безбрачия. С уменьшением вследствие этого социальной необходимости вступления в брак, со ставшим возможным из-за повышения рыночного предложения товаров и услуг воспроизводством отдельного человека вне брака и семьи, с успехами женского движения, внедрившего в коллективное сознание проблему психологических и физиологических издержек семейной жизни, с увеличением числа остающихся в меньшинстве людей, опробовавших альтернативные формы жизни, выявилась принудительность моногамного брака. К этому добавились новые требования большинства людей к браку как к месту, где достигается сексуально-эротическое и душевное счастье. Деинституционализация брака и возможность расторжения несчастливо сложившихся браков были вместе с тем заявкой на освобождение от него. Ее реализация во всех слоях населения остается пока невозможной по материальным и социальным причинам, а сложившиеся отношения порождают множество душевных драм, постольку исторический переход, в котором брак и семья утрачивают как нормативную силу, так и практическую безальтернативность, вероятно, еще не закончился [81].

1.3. Развитие американской семьи

В 1980 г. Бюро переписи населения обнаружило, что Сан-Франциско по количеству одиноких людей занял 1-е место среди городов США. Это значит, что среди 679 000 жителей города большинство (53 %) живут в нестандартных семьях — в одиночестве или с людьми, которые не являются их родственниками. В этом отношении Сан-Франциско занял ведущее место во всей стране. За ним следует Сиэтл, где число одиноких составляет 48 %, на третьем месте Вашингтон (окрыт

Колумбия) — 45 %, затем Окленд — 44 %, Лос-Анджелес — 39 % и Нью-Йорк — 37 %. В целом 27 % американцев не имеют нормальной семьи.

Огромное число нестандартных семей в Сан-Франциско главным образом обусловлено тенденциями, оказывающими влияние на всю страну:

- 1) значительным увеличением числа разводов и разрывов;
- 2) ростом численности молодых людей, которые не торопятся или вовсе отказываются вступать в брак;
- 3) увеличением числа пожилых людей, живущих в одиночестве после смерти одного из супругов.

В то же время некоторые особенности Сан-Франциско помогают объяснить исключительно большое число нестандартных семей в этом городе. В Сан-Франциско, где издавна сложилось терпимое отношение к нетрадиционным образцам поведения, проживает множество гомосексуалистов, их примерно 100 000 человек, одна шестая часть всего населения города.

Сожительство гомосексуалистов, наверное, нельзя считать нормальной семейной жизнью независимо от того, живут ли они врозь или вместе. Предприниматели, учитывающие особенности спроса на жилье в такой ситуации, вложили большие средства в строительство кондоминиумов — жилищных комплексов, более удобных для тех, кто живет один или со своим партнером, чем для семейных людей. Агенты по продаже недвижимости предлагают дома одиноким: «Чтобы купить дом, не обязательно состоять в браке», а финансисты более охотно, чем прежде, предоставляют займы одиноким и лицам, не состоящим в родстве.

Кроме того, образ жизни одиночек и не состоящих в браке, вероятно, способствует переселению семей в пригороды. Бум кондоминиумов, по-видимому, лишает семейных людей возможностей приобрести удобные жилые дома. В своей речи о «состоянии города» в 1982 г. мэр Сан-Франциско Диана Фейнстейн заявила: «Если мы намерены сохранить семьи в нашем городе, нужно удвоить усилия по обеспечению их удобным жильем и принять другие меры, чтобы их привлечь».

Каковы бы ни были причины того, что Сан-Франциско стал «городом одиноких», это привело к определенным последствиям. Изменился не только рынок жилья, получило толчок развитие ресторанного дела и создание новых культурных цен-

тров — одинокие люди и те, кто не состоит в браке, чаще питаются и проводят время вне дома, чем люди семейные.

Тенденция к созданию нестандартных семей оказала влияние и на другой аспект жизни Сан-Франциско. В 1982 г. Совет инспекторов постановил предоставлять гомосексуалистам-служащим отпуска по случаю смерти партнера и предусмотрел для партнеров дешевые страховые полисы. В прошлом эти льготы предоставлялись лишь сотрудникам, имеющим семьи. Данная акция вызвала горячие споры — некоторые религиозные организации и медицинские учреждения выступили против этого решения, в то время как члены общности гомосексуалистов и другие группы поддержали его. Постановление было отвергнуто мэром города, которая пыталась объяснить свою позицию не моральными причинами, а скорее неясностью и неправомочностью постановления. Тем не менее некоторые обозреватели посчитали, что, наложив на него вето, мэр Сан-Франциско рисковала своей будущей политической карьерой.

Пример Сан-Франциско является скорее исключением, чем правилом, но в нем нашла яркое воплощение тенденция к распаду традиционной семьи, наблюдаемая во всей стране. Для более глубокого понимания этой тенденции начнем с анализа понятия «семья», членов которой связывает общность местожительства. Согласно данным переписи 1980 г., 97,5 % американцев живут в нормальных семьях, в то время как остальные проживают в студенческих общежитиях и военных казармах, отбывают срок в тюрьмах или находятся в других казенных заведениях. Согласно переписи, существует четкое различие между «стандартными» и «нестандартными» семьями. «Стандартная» семья состоит из двух или нескольких человек, связанных между собой кровным родством, брачными узами или усыновлением. Наиболее распространен тип семьи, включающей супружескую пару с детьми или без детей. В «нестандартные» семьи входят два или несколько человек любого пола, не являющиеся родственниками, а также люди, которые живут одни.

Хотя в США все еще преобладают традиционные семьи, наблюдается развитие новых форм семейной жизни и, по-видимому, институт семьи подвергается сейчас радикальным изменениям.

В 1981 г. насчитывалось примерно 73 % «стандартных» и 27 % «нестандартных» семей. Но в 1970 г. эти числа составляли соответственно 82 и 18 %. В течение этого периода численность одиноких мужчин возросла на 105 %, одиноких женщин — на 60 %. Кроме того, значительно выросло число семей с одним родителем. В 1981 г. оно достигло 21 % по сравнению с 10 % в 1970 г. С 1970 г. численность семей с одним родителем, никогда не вступавшим в брак, возросла на 349 %, — это потрясающий факт! В то же время число семей с одним разведенным или покинутым родителем увеличилось на 11 % [87].

Действительно, эти перемены кажутся невероятными. Они свидетельствуют о радикальных преобразованиях семейной структуры, отношений между родителями и детьми, а также интимных отношений вообще, происходящих в американском обществе. Глубокая тревога о будущем семьи выражается в средствах массовой информации: недавно один из обозревателей прямо поставил вопрос о том, не придется ли нам в будущем просто сказать: «Прощай, семья!».

Рассмотрим эти тенденции дальше. Но вначале уясним некоторые различия в семейной структуре и основные принципы социологического исследования семьи.

Различия в структуре семьи. Исходя из отличительных особенностей, выявленных Бюро переписи населения, мы можем определить семью как основанное на кровном родстве, браке или усыновлении объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью за воспитание детей; члены семьи часто живут в одном доме. Даже предварительный обзор тенденций эволюции семьи в США показывает, что это определение охватывает различные уклады семейной жизни. Например, в семье с одним родителем обычно мать работает вне дома, а дети выполняют домашние обязанности; в семьях с двумя родителями — один из них часто уходит на работу, в то время как другой заботится о детях.

Американская семья является нуклеарной, моногамной, частично патриархальной, частично эгалитарной, нормой для нее считаются неолокальное местожительство и двустороннее родство. Эти термины характеризуют семью, но не дают полного представления о подлинной семейной жизни в США. Для большинства супружеских пар процесс образования новой семьи начинается с романтической любви [87].

Романтическая любовь. Обозреватель «Сан-Франциско кроникл» обратился к группе молодых людей из района Бэй Ареа с вопросом: «О каком приключении Вы мечтаете всю жизнь?» Одна из женщин дала следующий характерный ответ: «Я уже все придумала: поехать в Париж, встретить там свою любовь и вместе с любимым плыть на лодке под парусом — у них там река течет в самом центре города. Мне хочется, чтобы это было как в фильмах. Думаю о Париже и представляю, как стою на эстраде, сооруженной из столиков, и пою знаменитые французские песенки, все вокруг счастливы и любят друг друга». («Сан-Франциско кроникл». 12 января 1980 г.)

Наверное, парижанок рассмешил бы этот романтический образ. Ведь они почти не отличаются от американок — работают учителями, машинистками, официантками. Но если бы репортер из «Кроникл» отправился в Париж, вероятно, он встретил бы молодых парижанок, мечтающих о долгих объездах и бесконечных прогулках на лодке... по итальянским озерам.

Итальянцы, французы, американцы и другие жители Запада усвоили такие представления о любви, которые являются частью их культуры. Под влиянием этих представлений формируются ожидания влюбляющихся людей. Кроме того, они помогают людям определить свои чувства. Некоторые из этих представлений далеко не новы. Они возникли в среде придворных XI—XII вв. почти 900 лет назад из феодального идеала абсолютной преданности вассала господину.

В XVIII в. эти представления о любви усовершенствовались под влиянием новых идей. Поиск любви стал решающим этапом развития личности. Для женщин из среднего класса, обычно остававшихся дома, когда мужчины уходили на работу, любовь «стала главным смыслом жизни, решающим событием, от которого зависели все жизненные блага: средства к существованию, продвижение по социальной лестнице и успех, игравшие для среднего класса решающую роль». Таким образом поиск настоящей любви олицетворяет самосознание личности. В нем выражаются стремление человека найти свое место в социальной жизни, нравственная оценка своей подлинной сущности.

В романах Джейн Остин так описывается познание своего «я»: в чувстве любви как бы происходит слияние двух душ, раскрываются черты характера героини, которые способен оце-

нить только ее возлюбленный. А осознание его достоинств способствует нравственному совершенствованию героини. Поскольку любовь пробудила лучшие качества влюбленных, в браке оба вознаграждены по справедливости. Согласно мифу о любви, в мире, где люди часто бывают глубоко одиноки, любовь способна разрушить все наносное и проникнуть в самую глубину души. Поэтому в любви люди познают друг друга и свой собственный внутренний мир».

Брак в США основан на любви в большей мере, чем в любом другом обществе. В большинстве других обществ (особенно в прошлом) браки устраивались семьями жениха и невесты. Например, в Англии в XVII в. брак был своего рода обменом между семейными кланами, иногда предполагалось наличие приданого, равного небольшому состоянию. Поэтому судьба семьи зависела от брака, благодаря которому могло бы полностью сохраниться семейное имущество. В таком контексте брак заключался отнюдь не на основе любви.

Брак и семья в США. Среди американцев заключается самое большое число браков по сравнению с другими промышленными странами (10,6 на каждую 1000 человек в 1981 г.). Высокие уровни браков наблюдались также в Советском Союзе (10,7 человек в 1978 г.), Египте (9,5 человек в 1979 г.) и Японии (6,8 человек в 1979 г.). Так было всегда. Более 90 % членов каждой возрастной когорты с начала 1800-х гг. в конце концов вступали в брак.

Однако за последние 40 лет в этом отношении произошли огромные изменения. Это нашло отражение главным образом в поведении молодых людей в возрасте от 20 до 24 лет. Как показано на рис. 1, число мужчин и женщин этого возраста, никогда не вступавших в брак, начало снижаться в начале Второй мировой войны и достигло низкого уровня к концу 1960 г. В то время средний возраст людей, впервые заключавших брак, составлял для мужчин 22,5 года, а для женщин — 20,2 года. В течение последующих 20 лет эти показатели неуклонно повышались, и к 1984 г. более половины американцев в возрасте от 20 до 24 лет никогда не вступали в брак.

Пол Глик и Артур Нортон приводят несколько причин этой тенденции. В период Вьетнамской войны многие юноши поздно женились, собираясь поступить на военную службу или продолжить свое образование. Женщины обычно продолжали учиться в школе, а затем шли работать, чтобы обеспечить себя.

Боле того, в конце 1960-х — начале 1970-х гг. дети, родившиеся в период бума рождаемости после Второй мировой войны, достигли совершеннолетия и претендовали на рабочие места. Поскольку многие люди предпочитали вступать в брак после того, как они прочно встанут на ноги, — устроятся на работу и смогут позволить себе создавать семью и растить детей, — жесткая конкуренция на рынке труда способствовала снижению уровня браков (рис. 1).

Процент

Рис. 1. Численность мужчин и женщин в возрасте от 20 до 24 лет, которые никогда не вступали в брак

Повторный брак. Многие браки, заключаемые в определенном году, являются повторными. В самом деле, в 1975 г. число повторных браков составило почти одну четверть всех браков. Оно значительно возросло по сравнению с 1960 г., когда число повторных браков составляло одну седьмую всех браков. Уровень повторных браков достиг пика в начале 1970-х гг. и снизился во второй половине десятилетия.

Причины этой тенденции все еще остаются неясными. По-видимому, предоставление материальных льгот разведенным женщинам дает им возможность обходиться без мужа, что способствует снижению уровня повторных браков. Однако результаты программы по оказанию значительной материальной помощи семьям в Денвере и Сиэтле лишь в небольшой мере подтверждают эту мысль. Повышение доходов вызвало снижение уровня повторных браков среди женщин мексикан-

ского происхождения, но этого не наблюдалось среди негритянок или белых женщин [80].

Эндогамия. В американском обществе такие факторы, как религиозная вера, расовая принадлежность, социальный класс и возраст, определяют группу, с членами которой данный индивид предпочитает вступить в брак. Предпочтение в отношении представителей общерелигиозной группы подтверждается высоким уровнем браков между ними. В период с 1973 по 1978 гг. 92,6 % протестантов вступили в брак только с протестантами. Точно также поступили 82 % католиков и 88,2 % евреев. Эти цифры почти не отличаются от данных, полученных в 1957 г., когда католики и протестанты в три раза чаще заключали брак с носителями своей веры, чем с иноверцами. Евреи в 14 раз чаще вступали в брак с другими евреями, чем с представителями чуждой веры.

Когда молодых людей спрашивают об их готовности вступить в брак с иноверцами, они относятся к этому благосклонно, хотя на деле браки между представителями различных религиозных групп составляют лишь 6,4 % (или немногим более) всех браков.

Опрос студентов колледжа показал, что 55 % молодых людей были готовы без всяких колебаний вступить в брак с иноверцами. 72 % католиков одобрительно относились к таким бракам, но лишь 12 % набожных евреев не осудили их.

Люди вступают в брак с представителями своей веры потому, что у них обычно формируются общие ценности, они принадлежат к одному социальному классу и, как правило, живут по соседству. Однако вполне понятно, что важную роль здесь играет и социальное давление, направленное против браков с иноверцами. Вероятно, родители возражают против смешанных браков, опасаясь, что в культуру семьи будет внесен «чуждый» элемент. Наконец, большинство представителей духовенства выступают против браков с иноверцами, поскольку семейные конфликты на религиозной основе приводят к снижению посещаемости церкви и родителями, и детьми.

Число браков между представителями различных рас значительно ниже количества браков между носителями разных вероисповеданий. Например, лишь 3 % негров женаты на белых женщинах, а жен-негритянок имеют 0,1 % белых мужей. В общем, чем меньше группа, тем больше ее членов вступают в брак с людьми, принадлежащими к другой расе. Так, иссле-

дование в одном из районов Лос-Анджелеса подтвердило, что белые значительно реже вступают в смешанные браки, чем негры и японцы. Причина низкого уровня браков между людьми различных рас вполне понятна. Хотя законы, запрещающие такие браки (главным образом на Юге в 1967 г.), по решению Верховного суда были отменены, давление со стороны семьи, друзей и членов общности часто мешает людям различных рас вступать в брак.

Наконец, люди стремятся к браку с теми, кто живет поблизости, имеет такой же статус. Исследование супружеских пар в Осло (Норвегия) показало, что число браков между людьми, живущими в пределах одной мили друг от друга, вдвое превышает численность случайных браков. Уровень браков между людьми с одинаковым социальным статусом примерно в полтора раза выше уровня случайных браков. Эти два фактора — географическая близость и общность статуса — вероятно, взаимодействуют. Люди, которые живут поблизости, обычно связывают себя брачными узами отчасти потому, что имеют примерно одинаковый социальный статус. В свою очередь, это объясняется тем, что люди одинакового статуса обычно живут в одном квартале или соседних кварталах.

Разводы. Иногда после того, как отзвенели свадебные колокола, миф о романтической любви может разрушиться. Высказывание одной жены цитируется в книге Лилиан Рубин «Миры боли»: «Первый удар, который обрушился на нас, был вызван финансовыми проблемами. Мы погрязли в бедности. Выходя замуж, я мечтала совсем о другой жизни, но оказалась в тяжелом положении, пытаюсь сводить концы с концами, получая от мужа лишь 1,5 долл. в час; к тому же он часто не работал и ничего не получал много дней и часов». Молодой супруг поведал: «Я не мог понять, какого черта она придирается ко мне, пытался что-то предпринять, ведь меня тоже не устраивает такая жизнь... Я никак не мог понять, каким образом оказался в этой кабале. Сравнивал себя с друзьями, ведь они по-прежнему получали удовольствие от жизни. Никто ими не понукал, не указывал им, что делать и как тратить деньги. Они работали по своему желанию. Я завидовал парням, которые еще не были женаты, и мне хотелось снова оказаться на их месте».

Безусловно, денежные проблемы являются лишь одной из причин конфликтов между супругами. Споры по поводу вос-

питания детей, секса, отношений с родственниками, а также религиозные и политические различия могут послужить другими возможными причинами неудач в супружеской жизни. По мнению Блада и Вольфе, браки оказываются неустойчивыми, если отношения супругов с родственниками становятся главной проблемой, разрушающей их жизнь. Самые серьезные конфликты возникают между супругами по поводу воспитания детей. Множество разногласий может быть связано с ролевыми конфликтами, но они в меньшей мере способствуют неустойчивости брака, чем другие проблемы. (Ролевые конфликты возникают по поводу работы жены и разделения домашнего труда.) Жены часто жалуются, что их мужья мало получают, в то время как мужья упрекают жен за неумелое ведение домашнего хозяйства. По-видимому, наиболее опасны конфликты, обусловленные личностными различиями между супругами. Привычки, которые осуждает один из партнеров, например пьянство или курение, часто приводят к столкновениям. Они могут стать причиной тяжелого стресса в супружеской жизни.

Независимо от причин, уровень разводов в США самый высокий в мире: в 1981 г. он достиг 5,3 на каждую 1000 браков. С 1965 по 1978 гг. этот уровень был вдвое выше. Однако за время 1977 и 1978 гг. он несколько выровнялся и составил примерно 5 разводов на каждую 1000 браков.

Как показано на рис. 2, увеличение количества разводов происходит в течение длительного времени и неравномерно. С середины XIX в. до второго десятилетия XX в. наблюдалось лишь незначительное повышение уровня разводов. Вскоре после Первой мировой (1920) и Второй мировой войны (1946) этот уровень значительно возрос в связи с распадом браков, заключенных во время войны. Он понизился в период великой депрессии в 1930-е г. Несомненно, это было обусловлено нехваткой рабочих мест и жилья, и люди просто не могли себе позволить разводиться. Наконец, как уже отмечалось, самое заметное увеличение уровня разводов произошло в период с 1965 г. до конца 1970-х гг. (рис. 2).

На уровень разводов оказывают влияние многие факторы. Самыми важными среди них являются экономические условия. Когда легко найти работу, молодые люди настроены оптимистически в отношении своей способности обеспечивать семью. Но чем раньше люди вступают в брак, тем выше вероятность

их развода. Тинэйджеры разводятся вдвое чаще, чем люди, вступающие в брак в возрасте 20 с лишним лет. Однако некоторые социологи считают, что тенденция к возрастанию числа разводов не обусловлена неустойчивостью браков, а скорее, связана с возможностями легко получить развод. Они отмечают, что число разведенных пар увеличилось больше, чем количество супругов, живущих отдельно. Таким образом развод, по-видимому, стал более распространенным способом улаживания серьезных конфликтов между супругами, которые существовали всегда.

Рис. 2. Ежегодный уровень разводов в США, 1860—1990 гг.

Изменение отношения к разводам и улучшение экономического положения женщин, наверное, тоже способствовало разводу некоторых супружеских пар. Если женщина имеет постоянную работу, ей легче обеспечить себя и своих детей, чем в том случае, когда она должна рассчитывать только на алименты, пособия на содержание ребенка и другие государственные дотации. Наличие пособий, вероятно, выгодно женщинам с низким уровнем образования и не стремящимся сделать карьеру, но это также способствует распространению разводов.

Давление на семейную жизнь. В результате тенденций американская семья оказалась в водовороте драматических

социальных перемен, и ее едва ли можно считать устойчивым социальным институтом. Эти часто противоборствующие изменения способствовали созданию нескольких источников напряженности в современном обществе [87].

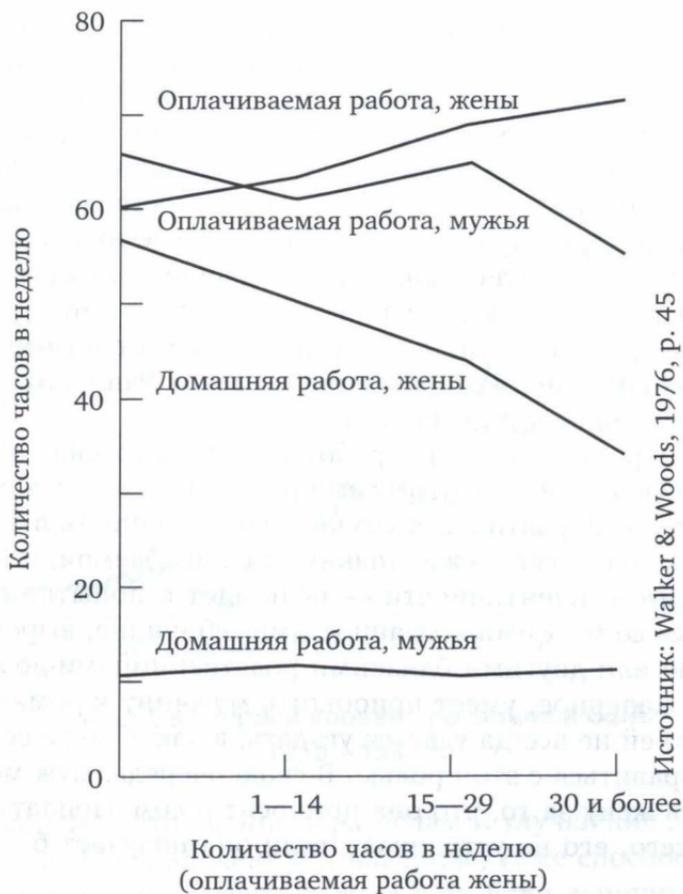
Семьи, где работают оба супруга. Одной из самых драматических перемен в последние годы стало увеличение числа женщин, вовлеченных в трудовую деятельность. Занятость обоих родителей оказывает более глубокое влияние на семьи, где имеются маленькие дети, чем на те семьи, где дети подросли (или в которых нет детей). Тем не менее число семей с младенцами или детьми дошкольного возраста, где работают оба родителя, наверное, будет возрастать. Женщины, родившиеся в период бума рождаемости, уже имеют собственных детей. Многие планируют продолжать работать после их рождения. Согласно данным статистики, почти половина из них вернется на работу, когда их младшим детям исполнится 6 лет.

В семьях, где работают оба супруга, может возникнуть стрессовая ситуация, которую Рона и Роберт Рапопорт называют дилеммой перегруженности.

Например, возвращаясь с работы, муж или жена застают в доме такую картину: кругом беспорядок, дети дерутся, холодильник пуст. Вероятно, это создает напряженность в семье. И муж, и жена могут также столкнуться с проблемой, названной дилеммой идентичности — речь идет о попытке сразу справиться со многими обязанностями. Женщина, выросшая с матерью или другими близкими родственницами-домохозяйками, наверное, умеет приобщить мужчину к домашней работе, но ей не всегда удастся угадать, в какой мере ее муж может справиться с этой ролью. В свою очередь, муж может похвалить жену за то, что она приносит в дом зарплату, но, скорее всего, его не устраивает, если она получает больше, чем он.

Хотя семьи, где работают оба супруга, находят все более широкое распространение, разделение труда по половому принципу твердо укоренилось в жизни американской семьи. Недавно Блад и Вольфе установили, что это разделение соблюдается не так строго, если уровень образования жены выше, чем у мужа. Каким образом распределяются семейные обязанности между мужем и женой, если жена работает? Выборочное обследование семей, проведенное Уолкером и Вудром в Сиракузах (Нью-Йорк), показало: чем больше времени жена работает вне

дома за зарплату, тем меньше домашних дел она выполняет, но ее общая перегруженность возрастает. Однако мужья, жены которых работают вне дома, обычно помогают им по хозяйству не больше, чем мужья неработающих жен, и общая загруженность мужей (дома и на работе) в действительности становится тем меньше, чем больше работает жена (рис. 3).

Источник: Walker & Woods, 1976, p. 45

Рис. 3. Работа за зарплату и домашняя работа, выполняемая мужьями и женами

Другие исследования бюджета времени обычно подтвердили результаты обследования в Сиракузах. Они доказывают верность гипотезы, что мужчины не хотят участвовать наравне с женами в воспитании детей, уборке дома и выполнять другие домашние обязанности, даже если их жены работают. Однако в одном из исследований была выявлена любопытная особен-

ность, обнаруживающаяся при распределении домашних забот. Лейк обнаружил, что, когда членам семьи предлагалось сообща решить проблему распределения домашних дел, они находили общий язык и обычно отбрасывали прочь традиционные половые роли. Но когда им приходилось решать те же самые проблемы в присутствии посторонних людей, они исполняли традиционные роли. Лейк делает вывод, что равное распределение обязанностей облегчается внутри семьи, когда при этом не присутствуют посторонние люди. Это объясняется тем, что в присутствии посторонних и мужчины, и женщины стараются соответствовать традиционным «образцам» [87].

Взаимодействие между родителями и детьми. Социологи считают, что конфликты между родителями и детьми неизбежны в обществе, в котором происходят бурные перемены. В нашем обществе существуют разногласия между молодыми людьми и их родителями по широкому кругу спорных вопросов, начиная с того, когда следует ложиться спать, и кончая выбором спутника жизни. Этот «разрыв между поколениями» был особенно глубок в период 1960-х гг., когда студенты колледжей порой решительно выступали против ценностей поколения 30-летних людей, стремившихся к успешной карьере и спокойной жизни в пригороде.

Но вопреки распространенному представлению о неизбежности конфликтов между поколениями самым потрясающим открытием нескольких проведенных исследований стало выявление высокого уровня согласия между детьми и их родителями. Например, одно из исследований показало, что студенты колледжей обычно согласны со своими отцами по таким спорным вопросам, как сексуальные нормы, защита окружающей среды, причины беспорядков в университетских городках, отношение к войне и сегрегации. Юноши обычно в большей мере проявляют несогласие со своими отцами, чем девушки. Студенты колледжей, которые дольше учились в школе, скорее склонны не соглашаться со своими отцами.

Разногласия более вероятны между отцами — представителями рабочего класса — и их отпрысками, которые стали студентами колледжей. Отцы, имеющие высокие ученые степени или отличающиеся консервативными взглядами, обычно не разделяют точку зрения своих детей по вопросам политики и нравственности. Однако в целом взаимное согласие наблюдается здесь значительно чаще, чем разногласия. Чтобы глубже

понять эти поразительные результаты, Бауэрман и Бар побеседовали с 18 664 юношами. Обнаружилось, что молодые люди, выросшие в семьях, где родители имеют одинаковое влияние, обычно усваивают ценности, понятия и мнения своих родителей. Этого не наблюдается в семьях, где властью облечен лишь один из родителей, особенно мать.

Последствия развода. Увеличение числа разводов вдвое по сравнению с 1956 г. означает, что многие супружеские пары и их дети глубоко переживают неблагополучие в семье, обычно сопутствующее разводу. Обобщив результаты многих исследований, Черлин отмечает, что разведенные мужчины и женщины временами скучают по своим бывшим мужьям или женам, испытывают тревогу, даже если сами были инициаторами развода и считали свой брак несчастливым. Развод немедленно тяжело сказывается и на моральном состоянии детей. Дошкольники обычно чувствуют страх, неуверенность в себе и считают себя виноватыми в разрыве родителей. Дети более старшего возраста выражают свое раздражение более непосредственно. Большинство детей успокаиваются в течение года или двух лет после развода, хотя некоторые из них чувствуют себя несчастными и одинокими в течение пяти лет после развода или еще дольше, даже если родитель, с которым они живут, снова вступил в брак.

Семьи родителей-одиночек. В начале этой главы мы говорили о быстром увеличении количества семей с одним родителем за последние 20 лет. Главной причиной этой перемены является растущее число разведенных женщин, не вступивших в повторный брак, а также женщин, имеющих внебрачных детей.

Быстрое увеличение количества разводов способствовало созданию множества нетрадиционных семей. Если уровень разводов, наблюдавшийся в середине 1970-х гг., сохранится, родители примерно трех пятых всех негритянских детей и одной шестой всех белых детей разведутся до того, как их дети достигнут 16 лет. Многие разведенные супруги предпочитают жить отдельно от своих родителей и родственников, хотя в прошлом это не было принято. Чаще всего дети остаются жить со своей матерью. Поэтому резко возросло число семей, возглавляемых женщинами.

Семьи с одним родителем образуются также, когда рождаются внебрачные дети. Уровень внебрачных рождений за послед-

ние 15 лет заметно увеличился. Для большинства разведенных женщин, а также женщин, имеющих детей и никогда не вступавших в брак, самыми серьезными являются экономические проблемы. Хотя многие разведенные женщины (их насчитывается примерно 40 %) имеют право на некоторую материальную помощь от бывших мужей, они не получают ее совсем или получают нерегулярно.

Большинство разведенных или никогда не вступавших в брак одиноких родителей вынуждены искать работу, чтобы обеспечить свои семьи. Часто им удается найти лишь низкооплачиваемую работу. Если мать-одиночка может рассчитывать только на пособие по содержанию детей, обычно она живет на грани или за чертой бедности.

Волнения по поводу денег не единственная проблема, с которой сталкиваются семьи родителей-одиночек. Одинокие люди часто чувствуют себя униженными в обществе, где придается важное значение браку. При отсутствии помощи в воспитании детей со стороны другого взрослого человека многие одинокие родители чувствуют себя оторванными от общества. И возложенная на них обязанность кажется им непосильной. Однако существуют обоснованные данные о том, что дети, растущие в семьях родителей-одиночек, не становятся ущемленными. Многочисленные исследования позволяют сделать вывод, что присутствие обоих родителей или отсутствие одного из них почти не влияет на качество воспитания ребенка или социализацию детей. Это не оказывает воздействия на их половое самосознание, здоровье, социальные достижения и отношение к браку и семье. В самом деле, несовершеннолетние преступники чаще вырастают в несчастливых семьях с двумя родителями, чем в нормальной обстановке, созданной одним родителем.

Учитывая эти данные, нельзя сделать вывод, что семьи с одним родителем представляют серьезную опасность для благополучия детей. В соответствии с принципами гуманности семьи одиночек должны получать необходимую для них поддержку. Но создание слишком комфортных условий для одиноких родителей и избавление их от экономического и психологического бремени — удела одиночек — могут способствовать дальнейшему увеличению уровня разводов и снижению числа повторных браков. Это не устраивает тех, кто управляет социальной политикой.

Альтернативные семьи. Семья с одним родителем представляет собой существенное отклонение от традиционной семьи с двумя родителями, в значительной мере она посягает на почти полную монополию последней. Но за последние десятилетия возникало несколько других альтернатив семейной жизни. Среди них основными являются совместная жизнь без вступления в брак и создание коммуны.

Совместная жизнь. За последние годы значительно увеличилось число гетеросексуальных пар, живущих вместе, но не вступающих в брак. С 1970 по 1981 гг. их численность выросла с 523 000 до 1 808 000 человек, т. е. увеличилась на 246 %. Некоторые нетрадиционные семьи основаны не на сексуальных отношениях, например, они включают пожилых женщин, сдающих комнаты студентам колледжа, или пожилых мужчин, нанимающих медсестер или экономок, которые живут в их доме. Кроме того, следует учитывать, что хотя количество таких сожительств заметно возросло, они составляют лишь 2 % всех семей в США.

Большинство несупружеских пар не имеют детей. Однако они бросают вызов монополии семьи на регулирование интимных связей между взрослыми людьми. Особое беспокойство вызывает юридический аспект этих связей, поскольку нет закона, контролирующего поведение партнеров. Судебные иски, предъявленные актеру Ли Марвин и другим знаменитостям, стали прецедентами того, что женщины, прекращающие подобные связи, могут потребовать своего рода «алиментов». Но прецеденты нельзя считать гарантиями. Ясно, что партнеры и, вероятно, их дети имеют меньше юридических прав в случае разрыва, чем супружеские пары.

Во многих отношениях пары, не вступающие в брак, напоминают супругов. Например, получены данные, что такие партнеры имеют ценности, взгляды и цели, обычно присущие супругам. Но, как правило, они менее религиозны и реже посещают церковь, чем законные мужья и жены [80].

Жизнь в коммуне. Тенденция к созданию коммун возникла в 1960-е гг. как форма протеста против существующего социального устройства. Многие люди, выбравшие коммунальную жизнь, считали традиционную семью неустойчивой и неэффективной. Некоторые коммуны также ставили перед собой религиозные и другие утопические цели. В большинстве коммун проживало много взрослых людей; некоторые состо-

яли в браке друг с другом; вместе со взрослыми жили их дети. Однако брачные и кровные связи играли лишь второстепенную роль в жизни коммун.

Тенденция к созданию коммун как форме идеологического протеста стала ослабевать в 1970-е гг., и в настоящее время ее нельзя считать жизненно важной. Тем не менее в течение 1970-х гг. число коммунальных связей продолжало расти, хотя они стали создаваться не по идеологическим, а скорее, по практическим мотивам. Например, в коммунах людям могут быть предоставлены более широкие возможности для экономического сотрудничества, чем в нукlearной семье.

Даже после того как коммуны утратили присущий им идеологический энтузиазм, в них продолжали вступать новые члены — главным образом люди, которых не удовлетворяла семейная жизнь. В результате исследования городской коммуны в Детройте, проведенного в 1972 г., Штейн, Полк и Полк установили, что, по мнению их участников, эмоциональная поддержка — самая жизненно важная необходимость, и обрести ее люди надеялись именно в коммунах, а не в семье. Кроме того, члены коммуны экономили материальные средства, которые делились поровну, здесь женщины в меньшей мере находились под властью мужчин. Однако исследование выявило, что в коммуне женщины по-прежнему выполняли чисто «женские» обязанности — готовили еду и занимались уборкой. Мужчины, как правило, занимались «мужскими» делами — работали на огороде, чинили домашние вещи и велосипеды. Некоторые социологи находят сходство между коммунами и расширенными семьями из низшего и рабочего классов. Как и дети в семьях рабочих, юные жители коммун имеют множество образцов для подражания среди мужчин и женщин, часто их опекает несколько людей, заменяющих им отцов и матерей. Жалобы членов коммуны обычно можно услышать в семьях представителей низшего класса: часто говорят о разногласиях по экономическим вопросам, невозможности уединиться, отсутствии связи с внешним миром и неравной нагрузке в работе.

Наконец, в коммунах, где принято откровенно выражать свои чувства и не слишком церемониться, отцы часто бросают жену и детей. В результате возрастает число женщин, которые должны быть единственным родителем для своих детей, что тоже характерно для низшего класса. Как и женщины из низ-

шего класса, одинокие женщины, живущие в коммунах, обычно надеются обрести поддержку и любовь со стороны окружающих.

Семейная политика. В связи с возникновением многих перемен в семье и семейной жизни многие наблюдатели рассматривают их как социальные проблемы, заслуживающие внимания со стороны общества.

Среди них следует выделить следующие проблемы:

- 1) снижение уровня браков;
- 2) возрастание числа разводов и супругов, живущих отдельно;
- 3) повышение численности совместно проживающих пар, не вступающих в брак;
- 4) увеличение числа детей, родившихся вне брака;
- 5) возрастание числа семей с одним родителем, возглавляемых женщинами;
- 6) уменьшение уровня рождаемости и размера семьи;
- 7) изменение в распределении семейных обязанностей, обусловленное растущим вовлечением женщин в трудовую деятельность; участие обоих родителей в воспитании ребенка.

В то время как эти перемены происходят неравномерно и вызывают тревогу в разной мере, все вместе они повлияли на создание новой области знания, получившей название «семейная политика». Этот термин относится ко всем аспектам социальной политики, оказывающим прямое или косвенное воздействие на размер семьи, ее устойчивость, здоровье, достаток и т. п. Искренний интерес к семейной политике в масштабах всей страны стал особенно заметно проявляться в 1973 г.

Именно тогда происходили заседания экспертов под председательством сенатора Уолтера Монфэйла. Они подчеркивали важность семьи в американском обществе и выражали озабоченность в связи с переменами, о которых мы только что упомянули. Многие из этих экспертов недвусмысленно призывали к осуществлению «национальной семейной политики».

В отличие от многих стран Европы и всего мира в США отсутствует точно определенная семейная политика. Скорее она оказывает лишь незначительное влияние на общество, и ее осуществляют несколько не связанных между собой организаций. Среди мер, оказывающих влияние на семью, следует отметить удержание подоходного налога на детей, помощь

семьям, имеющим детей, находящихся на иждивении родителей (пособие), усилия по обеспечению семей государственными квартирами низкой стоимости и предоставление услуг по планированию семьи. Трудно сказать, будет ли в США когда-нибудь проводиться единая национальная семейная политика. Но легко предвидеть, что в связи с происходящими переменами, вероятно, возникнут проблемы семьи как института и будут по-прежнему выдвигаться требования о вмешательстве правительства.

Будущее американской семьи. Каково значение перемен в семейной жизни, обсуждавшихся в этой главе? На этот вопрос нет ясного ответа. По мнению некоторых обозревателей, эти перемены предвещают «мрак и гибель». Они считают, что семья достигла состояния глубокого распада, и этот процесс необратим. На жизни взрослых людей завтрашнего дня отразится пагубное воздействие среды, которая окружала их в детстве.

Однако оптимисты придерживаются противоположной точки зрения. Они позитивно относятся к разрушению нуклеарной семьи. Они с радостью ожидают, что возникнут новые формы семьи, способствующие созданию более благоприятной окружающей среды и самовыражению всех членов семьи.

Существует множество различных предсказаний о будущем семьи. Например, Эдвард Корниш предположил возможность семи тенденций в развитии будущей семьи. Среди них сохранение современной семьи; возврат к традиционной семье; уничтожение семьи; возрождение семьи (путем совершенствования службы знакомств с применением компьютеров, предоставления консультаций и т. д.) и создание «ненастоящих» семей, основанных на общих интересах и потребностях.

То, что произойдет в действительности, вероятно, не будет точно соответствовать этим предсказаниям. С другой стороны, семья отличается гибкостью и устойчивостью. Предсказания «мрака и гибели» отражают скорее тревогу исследователей, а не реальную ситуацию. В конце концов признаков полного уничтожения семьи не наблюдается.

Вместе с тем мы можем уверенно сказать, что традиционная семья отошла в прошлое. На американскую семью оказывают влияние такие мощные и устойчивые силы, что возрождения традиционной семьи не предвидится. Как мы узнали, история

американской семьи сопровождается постепенной утратой ее функций. Современные тенденции указывают, что монополия американской семьи на регулирование интимных отношений взрослых, деторождение и уход за маленькими детьми сохранится и в будущем. Однако произойдет частичный распад даже этих сравнительно устойчивых функций. Функция воспроизведения, присущая семье, будет осуществляться и незамужними женщинами. Функция социализации, выполняемая семьей, будет в большей мере разделена между семьей и посторонними людьми (воспитателями игровых групп, центрами по уходу за детьми). Дружеское расположение и эмоциональную поддержку можно будет обрести не только в семье. Таким образом семья займет свое место среди нескольких других социальных структур, управляющих воспроизводством, социализацией и регулированием интимных отношений. Поскольку разрушение функций семьи будет продолжаться, она утратит когда-то присущую ей святость, но, безусловно, не исчезнет из американского общества [87].

1.4. Развитие семьи и брака в России

К началу XX в. российское общество оказалось перед лицом острейших экономических и социальных проблем, на фоне которых демографические и семейные неурядицы могли выглядеть не самыми главными. Во всяком случае о них говорили и писали намного меньше, чем, скажем, об экономической отсталости, о земельном вопросе, о бедности или несправии народа, о необходимости политических перемен и т. д. Но все же нельзя сказать, чтобы эта сторона народной жизни совсем не привлекала внимания. Огромная смертность, участвовавшие попытки уклониться от рождения детей или отказ от детей, уже рожденных, «падение семейных нравов», женское эмансипационное движение в городах и «бабий бунт» в деревне, непокорность взрослых детей и ослабевавшая родительская власть, умножавшиеся крестьянские семейные разлады, — все это говорило об обесценении вековых заповедей семейной жизни, об усиливающемся ее разладе.

Разлад был замечен всеми и стал объектом критики, самокритики русского общества, все более осознававшего необходимость обновления. Изменения в семейной и вообще частной

жизни людей были лишь одной из сторон всеобщих перемен, переживаемых Россией в пореформенный период, когда четко обозначилось ее стремление превратиться в современную промышленную страну. За четыре десятилетия, следовавшие за отменой крепостного права, все прежние равновесия были нарушены, а новые еще не созданы. Российское общество вступило в полосу тяжелого, затяжного кризиса.

Не могла избежать этого кризиса и вся система семейных и демографических отношений. Впрочем, то самое развитие, которое ввергло частную жизнь людей в кризис, создало возможности и выхода из него.

Экономическая необходимость предписывала определенные формы организации семейного производства, разделения труда в семье и т. п., но семья и общество всегда были вынуждены считаться также с демографической необходимостью, которая ставила предел даже и экономическим требованиям. Ей были подчинены многие важнейшие нормы и стереотипы поведения. Культурная и религиозная традиции отводили высокое место ценностям материнства и отцовства и в то же время налагали суровые запреты на маргинальные формы поведения, которые могли позволить женщине или супружеской паре уклониться от выполнения своего родительского долга. Никакое своеволие не допускалось, принцип «человек для семьи» находил здесь одно из самых прочных своих оснований. Снижение смертности и рождаемости стало двойным сдвигом, резко расширявшим демографическую свободу семьи и ее членов и наносившим этому принципу непоправимый урон.

В самом деле, чем меньше времени, сил, энергии требует от женщины и семьи биологическое воспроизводство, тем больше они могут расходоваться (без ущерба для продолжения рода) на воспроизводство социальное: саморазвитие и самореализацию личности, социализацию детей, передачу и обновление культурных образцов, производство материальных благ и т. п. Старые же семейные порядки никакого выбора не признают, семейные роли и семейные обязанности строго раз и навсегда закреплены, что и оправдано экономической и демографической необходимостью, интересами физического выживания. Стоит этим двум necessities хоть немного ослабеть, и жесткая предопределенность человеческой судьбы теряет свое оправдание. Привычные формы демографического и семейного поведения перестают удовлетворять людей, появ-

ляется новая активность, направленная на то, чтобы заполнить расширившееся пространство свободы, добиться более долгой жизни для себя и своих детей, отстоять интимность своей семейной жизни, открыть для себя новые социальные роли, полнее реализовать себя.

Пусть в России конца XIX — начала XX в. все это было доступно лишь узкому слою людей и недостаточно осознано всем обществом, а все же движение уже началось, многое преодолелось, кое-что было известно из примера более продвинутых европейских стран. Разлад в старых семейных порядках, конечно, тревожил современников, но было и ожидание желаемых позитивных перемен.

Было бы хорошо, если бы замена, позволяющая преодолеть кризис традиционных демографических и семейных отношений, произошла в результате их плавной эволюции, постепенной выработки новых форм и норм демографического и семейного поведения, отвечающих новым экономическим и социальным условиям, которые тоже складывались бы постепенно. Но в условиях быстро менявшейся России на это было мало шансов, у нее просто не было времени на постепенные, от поколения к поколению, изменения. Страна стремительно приближалась к социальному взрыву, в котором предстояло сгореть и старой семье [21].

От крестьянской семьи к городской. В начале XX в. преобладающим типом семьи в России была традиционная крестьянская семья, и мало кто думал, что дни ее сочтены и понадобится всего несколько десятилетий, чтобы под натиском форсированной индустриализации и урбанизации такая семья в России ушла в прошлое — как и сама традиционная российская деревня.

Можно по-разному относиться и к самим этим переменам, и к методам, которыми они осуществлялись, но невозможно оспорить их конечный результат. Уже к середине минувшего столетия в России количественно преобладали семьи городских жителей, и доля таких городских семей все время росла. Между 1926 и 1989 гг. численность населения России увеличилась на 59 %, численность городского населения — в 6,6 раза, число городских семей — более чем в 8 раз.

Число городских семей быстро увеличивалось, потому что бурно росло городское население, а это, в свою очередь, было следствием перемещения большей части рабочей силы из сель-

ского хозяйства в несельскохозяйственные отрасли, стремительного распространения промышленных и других городских видов занятий. При этом производственная деятельность все бóльшего числа людей перемещалась за пределы семьи и превращалась для большинства из них в труд за зарплату. В результате семейные и производственные обязанности отделялись друг от друга в пространстве и времени, их сочетание усложнялось. В России, как и в некоторых других республиках бывшего СССР, эти общемировые тенденции были доведены до крайности, в частности в том, что касается женской занятости (она почти не отличалась от занятости мужчин в 1970—1980-е гг.).

Еще одно ключевое изменение, которое также не могло не сказаться на семье и семейных ролях, — стремительный рост уровня образования мужчин и особенно женщин. В России даже в 1920-е гг. проблемой была обычная грамотность, умение читать и писать. Начиная с поколений, родившихся во второй половине 1930-х гг., быстро росла доля мужчин и женщин, получающих высшее или среднее образование. У мужчин, родившихся в первой половине 1930-х гг., среднее или высшее образование получали 333 человека на 1000, у женщин — 294. Для родившихся 30 лет спустя, в первой половине 1960-х гг., соответствующие показатели были 911 и 947.

Резко выросшие требования к воспитанию и образованию подрастающего поколения также не могли остаться без последствий для семьи, ибо очень сильно увеличились затраты на каждого ребенка и продолжительность срока их содержания родителями. А так как параллельно с этими изменениями довольно быстро снижалась детская смертность, одновременно увеличивалось и число выживающих детей, и объем затрат (не только денежных, но и временных эмоциональных и т. п.) на каждого из них.

Семья оказалась перед новыми вызовами, на многие из которых она не готова была ответить. Нарушилась свойственная крестьянской семье тесная связь между числом едоков и числом работников. Теперь потребности семьи при прочих равных условиях зависели от числа и возраста ее членов, прежде всего детей, остающихся иждивенцами намного дольше, чем прежде, а экономические ресурсы — от оплаты труда имеющих в ее составе работников. Прямой связи между тем и другим нет.

Кроме того, в новых условиях, чтобы дать детям образование, обеспечить необходимый уровень заботы о здоровье членов семьи и т. п., понадобились особые профессиональные знания, специальные учреждения с развитой инфраструктурой, заменить которые семья не может. Ответом на эту новую ситуацию во всем мире стало развитие современных образовательных и медицинских учреждений, систем социального обеспечения, берущих на себя иждивение некоторых нетрудоспособных членов семьи (например пенсионеров, инвалидов), помощь матерям с детьми и ряд других функций материальной поддержки семьи, а также развитие сферы бесплатных или частично оплачиваемых услуг, доступ к которым не связан жестко с доходами семей (образование, здравоохранение и пр.).

В итоге резко возросли даже минимальные «вложения в человека» — причем как вложения семьи, так и вложения общества, тогда как ресурсы и семьи, и общества в 1920—1930-х гг. были более чем ограниченными. Стоит ли удивляться, что подобно тому, как это происходило в других странах, в России началось быстрое снижение рождаемости, которое стало ответом одновременно и на снижение детской смертности, и на рост «стоимости» человека.

Быстрое снижение рождаемости коренным образом изменило все «расписание» семейной жизни. Вынашивание и вскармливание детей, занимавшее десятилетия жизни крестьянской женщины, теперь укладывалось в несколько лет, причем период, на который приходится эти годы, женщина может выбрать сама. Пространство специфических биологических материнских функций, занимавшее огромное место в жизни традиционной семьи, резко сузилось, и соответственно расширилось поле других, свободно выбираемых социальных функций. Существенно менялась вся конфигурация семейной жизни.

Мир, в котором существовала семья, стал иным, не могла не измениться и семья: ее основополагающие функции, образ жизни, ритм формирования, семейные роли, внутрисемейные отношения, семейная мораль, — все вступило в полосу обновления.

Перемены в размере и составе семьи. Сразу после революции и гражданской войны большие семьи еще удерживали свои позиции. В 1920 г. средний размер сельской семьи (тогда

преобладавшей) составлял 5,6 человека, но с конца 1920-х гг. размер семьи стал быстро сокращаться.

На протяжении всей второй половины столетия, особенно в 1970—1980-е гг., увеличивалась (прежде всего в деревне, где это было связано с миграцией молодежи в города) доля самых маленьких семей, состоящих из двух человек, и неуклонно сокращалась доля семей с пятью и более членами. Доля же средних семей, состоящих из трех-четырёх человек, превысив к 1970 г. 50 %, оставалась затем довольно устойчивой [21].

К концу XX в. в Российской Федерации наиболее распространенными были три разновидности семьи: а) супружеская пара с детьми или без детей; б) один из родителей с детьми; в) супружеская пара с детьми или без детей с одним из родителей супругов и другими родственниками.

Процесс перехода к супружеской семье в России продвинулся очень далеко, но, возможно, все еще не закончился. Одной из причин этого может быть недостаточная жилищная обеспеченность, которая в ряде случаев может препятствовать полному обособлению супружеской семьи.

Поскольку практически все пожилые люди в России получали пенсию, в основном именно дети образовывали группу иждивенцев. В среднем на одно домохозяйство приходилось 0,8 иждивенца, а на одного экономически занятого — 0,6.

Новый смысл брака. Объективный смысл института брака всегда заключался в том, что он создавал социальные рамки отношений мужчины и женщины в той части этих отношений, которая касалась сексуальной жизни и производства потомства. Конечно, существовало еще множество функций, экономических и социальных, которые попутно выполнял брак, множество отношений, которые регулировались с его помощью. Но такие отношения, например имущественные, между членами семьи могли существовать (и существовали) и независимо от брака, а права и обязанности, связанные с сексуальной жизнью и производством потомства, как правило, давал только брак.

Эти права и обязанности, определявшие в основных чертах как систему отношений между супругами, так и относительную обособленность супружеской пары от внешнего мира, не были кем-то придуманы. Они с необходимостью предписывались всеми условиями, в которых жил человек прошлого, но прежде всего — условиями демографическими. Высокая смертность

во все прошлые эпохи делала необходимой устойчиво высокую рождаемость, обеспечить которую можно было, только подчинив связанное с производством потомства массовое поведение людей жестким правилам. Нужно было сделать одновременно и обязательной, и неразрывной цепочку, связывающую между собой половой акт, зачатие, вынашивание, рождение, вскармливание и выхаживание детей. Именно такую неразрывность обеспечивал традиционный брак. Все мировые культурные и религиозные традиции, культурные, а затем и правовые нормы одобряют и даже освящают вступление в брак, разрешают половую жизнь только в браке и запрещают вмешательство супругов, способное воспрепятствовать зачатию, вынашиванию или рождению ребенка.

Разумеется, никогда не было недостатка в нарушении норм и различных отклонениях от них, иногда даже санкционированных культурой. Но это не могло поколебать самих норм, так как они отвечали базовым условиям существования людей, что и находило отражение во всех фундаментальных социальных установлениях. Если говорить о широких слоях российского общества, то они сохраняли приверженность традиционному браку, а общественное мнение в целом оставалось «высоко-нравственным» в том смысле, что разделяло издавна сложившийся нормативный взгляд на ценности брака и его предназначение, а всякого рода отклонения от нормы осуждало как некое моральное извращение.

Однако то, что было оправдано или, по крайней мере, объяснимо в крестьянской России XIX в., постепенно теряло смысл в России века XX. Снижение смертности и особенно рождаемости в стране, как и везде в мире, поставило под сомнение необходимость слитного брачного, полового поведения, а также поведения в отношении деторождения. Союз мужчины и женщины стал более интимным, в одних случаях более глубоким, в других — более поверхностным, но всегда не слишком требующим внешнего, официального оформления брачных уз. Повышается избирательность в поиске долговременного партнера в супружестве, но понижаются требования к кратковременным сексуальным партнерам, связь с которыми вовсе не обязательно превращается в прочный брак. Такие связи воспринимаются и самими партнерами, и социальным окружением как подготовка к браку, как эпизоды на пути проб и ошибок. Возраст полового дебюта все чаще перестает совпадать

с возрастом вступления в брак, момент начала фактического брака, даже если он впоследствии и регистрируется, отделяется от момента регистрации, время зачатия или рождения детей становится мало связанным со временем начала фактических брачных отношений и т. д. [22].

Хотели того люди или нет, их индивидуальный жизненный путь, включая и его семейную составляющую, должен был вписываться в совершенно новые рамки, которые создавались происходившими в стране глубокими многосторонними общественными переменами. Менявшиеся демографические, экономические, психологические условия жизни семьи все больше уводили людей от традиционных моделей поведения и требовали поиска новых, единственное бесспорное преимущество которых заключалось в том, что они лучше прежних отвечали требованиям жизни. Но это вовсе не означало, что новые формы организации личной жизни, семьи, брака, вписывающиеся в новые условия, не принесли с собой и новых напряжений и проблем. А сверх того существуют еще проблемы переходных состояний, когда прежние семейные формы уже сходят со сцены, а новые еще не вполне утвердились. А это именно та ситуация, в которой оказалась российская семья в минувшем столетии.

Противоречия процесса модернизации российской семьи. К началу XX в. более свободные, более современные формы семьи стали складываться в российском обществе прежде всего в том его слое, который получил название «интеллигенция». Здесь постепенно утверждалась «буржуазная», городская семья. Она невелика по размеру, состоит из супругов и небольшого числа детей, но главное ее отличие — в характере отношений между мужем и женой, между родителями и детьми. В них гораздо больше интимности, демократизма, признания самоценности каждого члена семьи. Именно такая семья становится колыбелью нового фундаментального принципа семейных отношений, прямо противоположного прежнему: теперь это не человек для семьи, а семья для человека.

Однако «эволюционное» начало в неизбежном историческом преобразовании семьи в России было оттеснено «революционным». В первые послереволюционные годы критика патриархальной семьи приобрела радикальный характер и переросла в отрицание не только архаичных, отживших форм семьи и принципов семейных отношений, но и института се-

мы как такового. Официальные идеологи того времени были убеждены, что «в коммунистическом обществе вместе с окончательным исчезновением частной собственности и угнетения женщины исчезнут и проституция, и семья» (Н. Бухарин), что «место семьи как замкнутого мелкого предприятия должна занять законченная система общественного ухода и обслуживания» (Л. Троцкий). Антисемейное идеологическое поветрие было весьма далеко от реальных требований времени и в своем крайнем виде продержалось недолго. Уже в конце 1920-х гг. начинается движение маятника в противоположную сторону. Советское государство очень быстро отказалось от следования «революционной теории» и во многом стало возрождать ценности традиционной семьи. Но стремление к военно-промышленной мощи, подстегивание индустриального и городского роста, а тем самым и распространения городского образа жизни, рост независимости женщин и уровня образования были несовместимы с сохранением традиционных семейных отношений.

Следует добавить, что мобилизационное напряжение советских десятилетий не допускало существования каких бы то ни было конкурирующих с государством автономных институтов с их собственной системой принятия решений. Не могла быть таким институтом и семья — ни традиционная, ни городская. Поэтому в советское время в явном или неявном виде восстановленный принцип *человек для семьи* дополнился новым принципом: *семья для государства*. Власти очень скоро научились использовать громкое морализирование в патриархально-семейном духе, что позволяло бесцеремонно вмешиваться в жизнь семьи: морализаторскими заклинаниями сопровождался запрет аборта, ограничение разводов, непризнание незарегистрированных браков, повышенное внимание к «моральному облику» при назначении на ответственные должности, вмешательство общественности в семейные дела, преувеличенное целомудрие официального искусства.

Эволюция взглядов на семью в последние десятилетия XX в. отражала объективные процессы постепенного утверждения городской семьи в новом социальном мире, ее возрастающую тягу к самостоятельности, «суверенности», хотя, конечно, десятилетия государственного патернализма оставили глубокий след. Но все же разрыв с идеями всеобъемлющего патернализма, равно как и тесно связанным с ним принципом *семья*

для государства, к концу столетия обозначился довольно четко. С принципом человек для семьи дело обстояло иначе. Он был основательно укоренен в культуре. Массовое сознание долго не могло освободиться от заветов патриархальности. И все же при всей важности устойчивых идеологических позиций их влияние на реальное развитие событий не абсолютно. Старая патриархальная семья с присущими ей ценностями действительно разрушалась, и это подрывало не только классический принцип человек для семьи, но и его советское дополнение принципом семья для государства [22].

Какое-то время казалось, что в России, как и в других развитых странах, на место старой семьи заступает новая, достаточно стабильная супружеская малодетная семья городского типа, сильно отличающаяся от патриархальной, но все же сохраняющая по отношению к ней определенную преемственность. Однако тенденции развития европейской семьи самого последнего времени заставляют усомниться в надежности такого прогноза. Судя по всему, поиск новых форм организации личной жизни человека выходит за рамки супружеской семьи и пока далеко не завершен, так что исследователям не остается ничего иного, как наблюдать за происходящими изменениями, стремясь понять их не всегда ясный глубинный смысл.

Эта задача стоит и перед исследователями российской семьи, которая, хотя и не совсем синхронно с европейской, также быстро видоизменяется, о чем свидетельствуют все количественные показатели, все новые параметры жизненного цикла семьи — возраст вступления в брак и продолжительность жизни в браке, количество регистрируемых и нерегистрируемых браков и их соотношение, доля одиноких, число разводов и повторных браков, число детей, возраст родителей при их рождении, доля внебрачных рождений, размер и состав семьи на разных этапах ее жизненного цикла. Конкретные значения этих показателей будут рассмотрены и прокомментированы далее.

Общая картина современной российской семьи. На протяжении XX в. отношение к браку и разводу в России, равно как и официальные нормы матримониального поведения, регулируемые брачно-семейным законодательством, не менялись, иногда очень резко. Несколько упрощая и схематизируя сложный процесс эволюции института брака на протяжении 100 лет, можно выделить три главных этапа, и на каждом

из них соотношение модернизационной и контрмодернизационной составляющих складывались по-разному.

На первом этапе, продолжавшемся примерно до середины 1930-х гг., развитие брачно-семейных отношений имело в целом ярко выраженную либеральную направленность («меньше государства»). *Второй этап* — с середины 1930-х до середины 1950-х гг. — характеризовался тенденцией к жесткому регулированию брачно-семейной сферы («больше государства»). *На третьем этапе*, начиная с середины 1950-х гг., шло медленное возвратное движение к либерализации брачно-семейных отношений. Его закрепил Семейный кодекс РФ, вступивший в силу 1 марта 1996 г.

Россия вступила в XXI в. с законодательством, которое признает только тот брак, который зарегистрирован в ЗАГСе, лица, состоящие в фактических брачных отношениях, независимо от их продолжительности и устойчивости, супругами по этому законодательству не являются.

В то же время существует много признаков того, что ни законодательные изменения в процедуре расторжения регистрации, ни сам факт пребывания или непребывания в зарегистрированном браке уже не имеют прежнего значения для современного россиянина [22].

Нерегистрируемые браки. Отход от традиционной модели брачности, зафиксированный официальной статистикой в 1990-е гг., говорит о том, что внебрачные сожительства стали приемлемой социальной нормой. Это подтверждается и опросами общественного мнения. По данным Е. Ивановой (1998), отрицательно относились к незарегистрированному браку всего 8,3 % молодых людей и девушек в возрасте до 20 лет. В старших возрастах негативное отношение встречалось значительно чаще: его выразили 24,4 % женщин и 28,2 % мужчин в возрасте 50—60 лет. То же обследование показало, что нерегистрируемые союзы чаще встречаются среди тех, кто уже когда-либо состоял в браке. Данные микропереписи 1994 г. подтвердили, что отказ от регистрации повторного брачного союза к этому времени стал широко распространен [23].

Внебрачная рождаемость. Еще один показатель распространенности нерегистрируемых браков — уровень внебрачной рождаемости.

Высокая доля внебрачных рождений в периоды социальных катастроф и дезорганизации брачного рынка — не новость.

По мере нормализации ситуации доля внебрачных рождений в общем числе рождений обычно сокращается. Так было, в частности, и в России после окончания Второй мировой войны. Доля внебрачных рождений с той поры уверенно снижалась, достигнув минимальных значений в конце 1960-х гг. После этого она стабильно держалась на низком уровне — чуть более 10 % — до начала 1980-х гг.; в этот период стабильными оставались и показатели брачности. Но затем показатели начали быстро меняться: кривые регистрируемой брачности поползли вниз, а кривая доля внебрачных рождений устремилась вверх.

В массовом сознании появление внебрачного ребенка связано с его рождением у матери-одиночки. Но так ли уж «одинокими» все матери, производящие на свет внебрачных детей? (Более 40 % детей из числа рожденных вне зарегистрированного брака признаются своими отцами, и этот показатель растет, приближаясь в последние годы минувшего столетия к 50 %.) Скорее всего, за ростом доли внебрачных рождений стоит просто отказ от регистрации фактических браков. Можно предположить, что регистрация новорожденного по совместному заявлению родителей свидетельствует о более или менее устойчивых связях между ними и что эти связи во многих случаях и представляют собой фактический брак.

Велико искушение связать ускорение роста внебрачной рождаемости в 1990-е гг. с болезненными социально-экономическими преобразованиями в стране. Каков, однако, механизм этой зависимости? Неужели матери-одиночке стало легче растить ребенка одной, чем совместно с отцом ребенка, в той или иной мере участвующим в его воспитании? К тому же нельзя не видеть, что речь здесь идет не о чисто российском или постсоветском феномене. Рост внебрачной рождаемости в последние десятилетия XX в. — универсальная тенденция, обозначившаяся в большинстве промышленных, городских обществ в послевоенные десятилетия. К концу столетия в ряду экономически развитых стран Россия занимает срединное положение как по уровню показателей внебрачной рождаемости, так и по темпам их изменения.

Еще не так давно рождение внебрачного ребенка было характерно для очень молодых матерей (до 20 лет) и для матерей старше 30 лет. Объяснения этому просты: для первых это зачастую результат случайных связей и контрацептивных

неудач; для вторых, более зрелых женщин, это серьезный осознанный поступок иметь ребенка «для себя». Именно эти крайние возрастные группы обеспечивали рост внебрачной рождаемости в 1980-х гг. В возрастах максимальной брачности (20—35 лет) рождение ребенка вне брака было достаточно редким событием. В случае наступления незапланированной добрачной и внебрачной беременности «позор» прикрывался скоропалительным браком. А вот к концу века внебрачная рождаемость уже была характерна для всех возрастов в равной степени.

Увеличение доли внебрачных рождений у самых молодых матерей (до 20 лет) с 20,2 % в 1990 г. до 41 % в 2000 г. не сопровождалось ростом числа аборт. Напротив, эти показатели менялись в прямо противоположных направлениях — интенсивность искусственных абортов в указанной возрастной группе упала вдвое. Косвенно это свидетельствует о том, что число незапланированных добрачных беременностей от случайных связей существенным образом не увеличилось, хотя известно, что сексуальная активность у подростков за последнее десятилетие минувшего века выросла.

Зигзаги «омоложения» и «постарения» брачности. Россия в XX в. сохранила традиции ранней и всеобщей брачности. Доля окончательного безбрачия находилась в пределах 4—9 %. Концентрация браков в возрастах до 25 лет у женщин оставалась очень высокой (70—80 % всех женщин вступали в первый брак к этому возрасту), причем наибольшей интенсивностью вступления в брак отличались 18—22-летние женщины. К 35 годам доля женщин, когда-либо состоявших в браке, достигала 90 %.

Средний возраст вступления в первый брак, по данным регистрации, в России достиг своего исторического максимума (27,1 года для женщин и 29,8 года для мужчин) на короткий срок к 1950 г. Далее возобладала тенденция «омоложения» первого брака. Для России динамика ее показателей по сути вылилась в возврат к традиционной модели, хорошо знакомой родительским и прародительским поколениям. Именно при такой модели достигалась максимальная слитность сексуального, брачного и репродуктивного поведения. Возраст сексуального дебюта, возраст начала брачной жизни и рождения первенца оказываются сближенными до предела. Снижение возраста вступления в брак не прерывалось до середины 1990-х гг.

Изменения возраста вступления в брак находятся в определенной связи с возрастом начала половой жизни, который, по крайней мере с начала 1960-х гг., снижался. Вначале это ведет к ранней регистрации браков, а со временем, по мере накопления социального опыта и привыкания общества к меняющимся нормам сексуального поведения, отодвигает регистрацию брака на несколько лет, хотя фактический брак может при этом существовать. На снижение возраста сексуального дебюта указывают все обследования. Исследования, проведенные 5—6 лет назад, показывают: средний возраст сексуального дебюта для девушки достиг 17,5 года (у студентов на год-полтора выше) и, вероятнее всего, стабилизировался на этом уровне.

В России изменения в нормах сексуального поведения начались позднее, чем на Западе, и, по-видимому, ускорились (особенно в крупных городах) в связи с изменениями, происходившими в российском обществе в последнем десятилетии XX в. Все более раннее начало половой жизни на фоне низкой контрацептивной культуры в России приводило к высокой распространенности добрачных зачатий, а добрачные зачатия в юном возрасте, в свою очередь, стимулировали заключение ранних браков. Даже в 1990-х гг. в Москве доля «вынужденных» браков оставалась на высоком уровне (до трети всех браков) и касалась в основном молодых и самых молодых возрастов. Возможно, именно такие браки и стали одной из главных причин «омоложения» брачности женщин в России в 1960-х — начале 1990-х гг. [23].

Снижение возраста вступления в первый брак в России прекратилось лишь в 1993 г., и с этого времени он начал увеличиваться. Новая тенденция — к увеличению возраста вступления в первый брак — неслучайна. Интенсивность заключения браков среди самых молодых юношей и девушек быстро снижалась, достигнув к концу XX в. исторически минимальных значений. Лишь 12 девушек из 1000 и 15 юношей из 10 000 в возрасте от 16 до 18 лет заключили брак в 2000 г. Знаменательным было также увеличение брачности в возрасте 25 лет и старше. В результате всех этих изменений средний возраст жениха и невесты в России быстро увеличивается. Более интенсивное «постарение» брачности у мужчин вызвало увеличение средней разницы в возрасте жениха и невесты при первом браке. Такая подвижка, возможно, объясняется

изменениями в социальном поведении (например тем, что девушки при вступлении в брак все более склонны выбирать женихов с устойчивым социальным и экономическим статусом).

Пока новейшая тенденция к «постарению» брачности слишком молода, чтобы быть абсолютно уверенными в том, что она представляет собой окончательный отказ от традиционной модели ранней брачности, издавна господствовавшей в России. Не есть ли это очередной виток временного откладывания браков в трудных условиях социально-экономических реформ, за которым последует неизбежное компенсаторное повышение интенсивности брачности в более позднем возрасте? В таком случае сближение российской модели брачности с западной, наметившееся в последнее десятилетие XX в., окажется лишь временным явлением. Однако учитывая, сколь многое в жизни россиян поменялось в 1990-х гг. в сторону усвоения западных моделей поведения во всех сферах жизни, ожидать восстановления прежних тенденций матримониального поведения было бы странно.

Прекращение брака. В начале XX в. главной и почти единственной причиной прекращения брака в России была смерть одного из супругов, овдовение. По мере распространения разводов он также превращался в причину массового прекращения брака, которая, по мере снижения смертности, оттесняла овдовение на вторые роли (даже в средних возрастах). Особенно возросла вероятность развода в первые десять лет супружества. В 1994 г. были достигнуты рекордные за всю историю значения показателей: абсолютное число разводов составило более 680 тыс.; приведенное число разводов на 1000 браков (показатель, учитывающий длительность расторгнутых браков) превысило отметку в 500, а показатель соотношения числа разводов и браков достиг 60:100. Одновременно изменялась структура разводов, в ней все заметнее становились разводы, при которых распадались более длительные браки. Развод все меньше становился плодом юношеского легкомыслия, приводившего к поспешному образованию и распаду браков-однодневок, все чаще затрагивал брачные пары с большим стажем совместной жизни.

По мере роста числа разводов увеличивалась доля затронутых разводами семей, росло как абсолютное, так и относительное число живущих в этих семьях детей. Наличие детей,

видимо, перестало служить препятствием для развода их родителей. Но все-таки в самом конце столетия разводы во все большей мере охватывали бездетные пары.

Повторные браки. На протяжении XX в., по мере того как овдовение утрачивало свою роль почти единственного основания для заключения повторного брака, быстро росло число повторных браков, заключаемых разведенными. Максимального значения коэффициент суммарной брачности для повторных браков достиг в 1987 г. Вскоре началось резкое падение показателя, и за короткое время он вернулся практически к уровню конца 1960-х гг. При этом доля повторных браков в общем числе браков стала намного выше, чем тогда (более четверти и у мужчин, и у женщин), и довольно стабильна. Не слишком меняется и средний возраст вступления в повторный брак. С 1970-х гг. он повышался небольшими темпами, что было следствием увеличения длительности брака при разводе. Возможно, такая противоречивая динамика отражает общее изменение отношения к регистрации брака — и первого, и повторного.

Компенсация разводов и овдовения повторными браками, не будучи, конечно, полной, весьма значительна (особенно для мужчин) — уже через пять лет после прекращения брачного союза 44—45 % мужчин и 22—23 % женщин вступают в повторный брак, а еще через пять лет больше половины мужчин и каждая третья женщина состоят в зарегистрированном или незарегистрированном союзе с новым партнером. Заметим, что у женщин сформировалась в целом положительная тенденция вступления в повторный брак, по-видимому, за счет снижения рождаемости и изменения социальных норм, касающихся возможности для женщины с детьми искать нового семейного партнера.

Будущее семьи и брака. Новейший этап демографической модернизации связан с фундаментальными сдвигами в жизненном цикле человека: еще более расширяется свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни, еще более ответственным становится подход к последствиям сексуальных отношений, чему соответствует более высокая, чем прежде, эффективность планирования сроков появления потомства. Иначе говоря, возрастают возможности каждого человека управлять своей индивидуальной судьбой. С. Иванов в своей статье «Новое лицо в развитых странах» отметил, что

супружество более не обязательно предполагает совместное проживание, совместное проживание возможно без заключения брака, деторождение далеко не всегда происходит в браке, и на место стандартной последовательности событий в индивидуальных биографиях приходит разнообразие индивидуальных жизненных путей.

Итоги, с которыми Россия (в сравнении с некоторыми другими странами) подошла к началу XXI в., представлены в таблице 7.

Стержень всех этих изменений, как уже указывалось, — поиск оптимальной модели жизненного цикла человека, отвечающей реалиям современного бытия, среди которых — высокие требования к образованию и уровню материального благосостояния, взаимное участие супругов в формировании семейных доходов и выполнении семейных обязанностей, растущая социальная и материальная самостоятельность детей и пожилых, повышение контроля над плодovitостью человека и пр.

Современный человек настраивает календарь важнейших событий своей жизни (выделение из родительской семьи, начало и завершение образования, выход на рынок труда, создание устойчивых брачно-партнерских отношений, рождение детей и т. п.), все более соотносясь со своими индивидуальными склонностями и возможностями, согласовывая их с конкретными обстоятельствами своей личной жизни и экономической ситуацией в стране и все менее оглядываясь на традиционные представления и нормативные ограничения.

Параллельно с этими изменениями и под их влиянием меняется и вся система социально одобряемых ценностей.

Одно из центральных мест в новейших тенденциях занимают изменения, связанные с социально-экономической и психологической переоценкой положения, ролей женщины и мужчины в обществе и семье. Молодая женщина, находящаяся в самом начале жизненного пути, получила невиданную ранее свободу выбора во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и свободу создавать семью — в той форме, в которой она считает для себя приемлемой, с тем числом детей, которое пожелает, и в те сроки, какие сочтет нужными. Профессиональная занятость стала нормой женской биографии и изменила тип жизненной стратегии женщины и семьи в целом.

Некоторые характеристики рождаемости и первого брака для развитых стран, 2000 г.

Страна*	Рождаемость у матерей до 20 лет на 1000	Коэффициент суммарной рождаемости (КСР)	Вклад матерей до 25 лет в КСР, %	Средний возраст матери при рождении		Средний возраст невесты при регистрации первого брака**
				всех детей	первого ребенка	
Италия	7,0	1,24	16,2	30,3	28,7	27,0
Швеция	7,0	1,54	17,5	29,9	27,9	30,2
Финляндия	10,2	1,73	20,3	29,6	27,4	28,0
Португалия	22,0	1,50	27,5	28,7	26,4	25,2
Великобритания	29,0	1,65	29,8	28,5	29,1	27,5
Чехия	13,0	1,14	35,1	27,2	24,9	24,5
США	48,5	2,13	38,0	27,4	25,4	26,0
Латвия	19,2	1,24	39,5	27,2	24,4	24,5
Азербайджан	30,4	1,71	47,3	26,4	24,7	23,7
Россия	28,1	1,21	50,9	25,8	23,2	22,8
Украина	32,1	1,09	57,3	25,1	22,9	21,4
Армения	29,0	1,11	59,2	25,0	23,0	23,1

*Страны указаны в порядке уменьшения матерей в возрасте до 25 лет. Коэффициент суммарной рождаемости.

** Для женщин, заключивших первый брак в возрасте до 50 лет.

Одновременно мужчина окончательно утратил неоспоримые права быть единственным кормильцем семьи и организатором жизни в домохозяйстве, но при этом повысил свое участие в семейных делах в нетрадиционной для него роли [23].

Подводя итог первой главы, можно резюмировать, что в разных странах процесс развития семейно-брачных отношений развивался по-разному, но все же при этом имелись некоторые схожие между собой процессы и закономерности. Однако, несмотря на все различия и разнообразие, супружеские отношения играли и продолжают играть главенствующую роль в развитии общества как в прошлом, так и в настоящее время во всех странах и во всех слоях общества. Семья продолжает оставаться той главной ячейкой общества, за счет которой происходит увеличение населения и в которой происходят процессы начальной социализации ее членов.

2. Социально-психологические аспекты семьи, нормативные и ненормативные семейные кризисы

2.1. Социальная и психологическая характеристика семьи

В психологической литературе семья обычно рассматривается как малая группа, члены которой объединены общей социальной деятельностью и находятся в непосредственном личном общении, что может служить основой для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и групповых процессов [76]. Отмечаются и такие признаки семьи, как относительная устойчивость социального образования, наличие системы социального взаимодействия группы лиц, характерная форма социального объединения, когда члены данной группы в силу ее относительно небольшого состава взаимодействуют друг с другом лично. Подчеркивается, что социальное взаимодействие индивидов происходит на основе объединения для совместного участия в определенной сфере социальной деятельности, которому присуща известная общность ряда целей, интересов, мотивов поведения, социально-психологических установок, системы ценностей, общность сознания, организующее групповое действие [25].

При анализе семьи как малой группы выделяют три основных типа характеристик. *Во-первых*, выделена характеристика группы в целом, цели и задачи семейной группы, состав и структура семьи, социально-демографический состав семьи, групповая сплоченность, групповая деятельность и характер группового взаимодействия семейной группы, структура власти, коммуникации в семье. *Во-вторых*, характеристика связей и отношений семейной группы с более широкими социаль-

ными системами в рамках социальной структуры общества. Здесь следует выделить функции семьи по отношению к обществу. И, в-третьих, выделены цели, задачи, функции семьи по отношению к индивиду, групповая регуляция поведения и взаимодействия в семье, групповой контроль, групповые санкции, включенность индивида в семью [55].

Семья имеет как формальные (структура, социальные роли, межличностные отношения) так и неформальные признаки (образцы поведения, передающиеся от поколения к поколению с помощью традиций и обычаев) [36]. Представляя собой малую группу, в которой каждый ее член выполняет свои определенные роли в соответствии с социальным статусом, важно понимать, что личные отношения характеризуются спонтанностью и интенсивностью. Духовная сторона этих отношений основана на чувстве взаимной принадлежности, традициях, симпатии, общих ценностях.

Специфическими особенностями семьи как малой группы являются социальная нормативная заданность, гетерогенный по полу и возрасту состав, закрытость, полифункциональность, длительность и динамичность истории семьи, тотальный характер включения индивида в семью. Вследствие этого практически все процессы групповой динамики в семье отличаются от тех, которые происходят в других типах малых групп [32].

Одним из важных условий стабильного функционирования семьи как малой группы является ее внутренняя сплоченность. На разных этапах своего существования семья имеет разную сплоченность в зависимости от степени включенности каждого супруга в процесс совместной жизнедеятельности.

Степень сплоченности семьи оказывает значительное влияние на ее членов.

Среди факторов, усиливающих сплоченность любой группы, исследователи выделяют:

- удовлетворение общей для всей группы потребности в безопасности и эмоциональном покое;
- перевес позитивных эмоциональных межличностных связей над негативными;
- общие идеалы и интересы;
- климат равенства и справедливости;
- общая деятельность, групповые символические церемониалы;
- единые ценностные ориентации всех членов.

И наоборот, сплоченности семьи как малой группы угрожают:

- необузданность влечений членов группы (сексуального, агрессивного, потребительского и т. д.);
- проявление эгоцентризма;
- зависть и соперничество, ревность;
- чувство неудовлетворенности, накапливающееся вследствие требовательности лидера или требований группы;
- насилие в семье [36].

Семья не статичное, а динамичное образование. Высшей стадией развития семейной общности является создание семейного коллектива. В свою очередь, функционирование семейного коллектива основывается на обязанностях по выполнению основных социальных функций семьи. Роли устанавливаются с учетом возможностей и способностей каждого члена семьи. Эмоциональные отношения подкрепляются чувством взаимопомощи, взаимного доверия, совместного обсуждения семейных проблем, посильного участия в делах семьи. Так, по утверждению М. С. Мацковского, одна из закономерностей отношений в коллективе состоит в том, что внутренне разделять его нормы и ценности, испытывать его моральное влияние могут лишь те члены, которые по настоящему в него включены: они имеют четкие права и обязанности, участвуют в обсуждении всех общих дел, хорошо информированы о проблемах семейного коллектива [54].

К сожалению, социально-психологических работ, занимающихся экспериментальным исследованием семейной психологии, значительно меньше, чем, например, в социологии. Так, изучению психологии семьи посвящены труды Ю. Е. Алешинной, Л. Я. Гозман, Н. Н. Обозова, А. Н. Волковой, В. А. Сысенко, В. В. Бойко, В. П. Левкович, О. Э. Зуськовой, Т. М. Трапезниковой, С. В. Ковалева, И. С. Кона, И. В. Гребенникова, Т. В. Андреевой и других ученых. [5—8, 16—17, 24—28, 49, 65, 66, 92—94].

В условиях современности перед обществом стоит актуальная задача по укреплению и стабилизации брачно-семейных отношений, решить которую можно при рассмотрении семьи как совокупного субъекта совместной жизнедеятельности индивидов, включенных в нее. Методологической основой в исследовании совместной деятельности выступает теория «кооперации» К. Маркса, подразумевающая не просто объ-

единение людей, а систему определенных отношений внутри него [1].

На примере семьи общая социальная деятельность понимается как совместная жизнедеятельность членов семьи, в частности супругов, основной целью которой является обеспечение возможностей для удовлетворения взаимообусловленных потребностей (в рождении детей, в сексуальных переживаниях, в самоактуализации, признании, уважении и др.).

Для понимания сущности семьи как совокупного субъекта совместной жизнедеятельности необходимо рассмотреть ее структуру, основные признаки совместной деятельности, особенности формирования ее совокупного (группового, коллективного) субъекта. Так, например, А. Л. Журавлев выделяет следующие основные признаки: наличие единой цели и общей мотивации (побуждение вместе работать и жить); разделение деятельности на функционально связанные составляющие и распределение их между участниками; объединение индивидов и индивидуальных деятельностей и согласованное их выполнение; наличие управления (включая самоуправление), общих конечных результатов, единого пространства и одновременность выполнения индивидуальных деятельностей [33].

Таким образом единая цель и мотивация — обязательные условия совместной деятельности и формирования ее совокупного субъекта. Совместная деятельность и общение раскрывают характер межличностных отношений.

По аналогии с индивидуальной деятельностью структура совместной деятельности включает следующие компоненты: общая цель совместной деятельности; общий мотив, который побуждает общность индивидов к совместной деятельности; совместные действия, то есть такие ее элементы, которые направлены на выполнение текущих задач; структура совместной деятельности завершает общий результат, полученный ее участниками, субъективное отражение результата совокупным субъектом [9].

Объединение, распределение и согласование (координация) индивидуальных деятельностей является важным условием функционирования совместной деятельности. Индивидуальные мотивы под влиянием совместной деятельности претерпевают некоторые изменения, проходят определенную динамику. Как утверждает Б. Ф. Ломов, объединение индивидуальных

мотивов может порождать самые разнообразные эффекты: «Изменение индивидуальных мотивов и целей в условиях совместной деятельности, “обогащение” мотивационной сферы каждого из ее участников... или распад совместной деятельности в результате столкновения мотивов» [50].

Рассуждая о роли взаимодействия в структуре совместной деятельности, важно понимать, что она представляет единство двух сторон: во-первых, совместные воздействия на общий предмет труда, во-вторых, воздействия участников совместной деятельности друг на друга, которые задаются общественными отношениями производства и вызывают необходимость выделения других структурных элементов совместной деятельности [34]. Эти взаимодействия являются предметно-направленными видами взаимодействия.

Б. Д. Парыгин, продолжая тему совместной деятельности, вслед за Б. Ф. Ломовым подчеркивает ее отличительный признак по сравнению с индивидуальной деятельностью: взаимодействие и общение [73].

На роль общения указывает и В. М. Бехтерев, выделяя его как механизм объединения людей в группы, как условие социализации личности. Поэтому и интересна мысль Бехтерева о том, что «общая жизнь, общая работа, общая деятельность и совместно перенесенные невзгоды или радости жизни всем своим существом служат к объединению коллектива» [15].

Таким образом семья становится совокупным субъектом только в процессе совместной жизнедеятельности. К сожалению, в психологии совместная деятельность коллектива подробнее рассмотрена с позиций структурных составляющих, а не динамических, процессуальных [77].

Анализ основных характеристик субъекта совместной деятельности: целенаправленность, мотивированность, уровень целостности (интегрированности), структурность, согласованность, организованность (управляемость), результативность (продуктивность), пространственные и временные особенности условий жизнедеятельности совокупного (коллективного) субъекта, необходим и при рассмотрении семьи. Важно рассматривать ее как с точки зрения субъект-объектных отношений, так и с точки зрения субъект-субъектных отношений [47].

Исследователь М. П. Кабакова выявила, что стабилизация супружеских отношений является условием и результатом совместной жизнедеятельности супругов, в основе которой

лежат механизмы процесса формирования общего фонда смысловых образований и присвоения его каждым членом семьи. Показателем сформированности общего фонда смысловых образований и присвоения его каждым из партнеров выступает степень согласованности семейных ценностей, установок, представлений, ожиданий супругов.

Следовательно, совместная жизнедеятельность выступает основным системообразующим фактором в системе семьи [38].

Основными характеристиками семьи являются ее функции (удовлетворение определенных потребностей ее членов) и структура (состав семьи и число ее членов, а также совокупность их взаимоотношений).

В психологической литературе существуют различные точки зрения на определение структуры семьи. Так, известно мнение А. И. Антонова и В. М. Медкова, которые выделяют нуклеарные и расширенные семьи. Нуклеарные семьи состоят из родителей и их детей, то есть из двух поколений, и наиболее распространены в настоящее время. В такой семье имеется не более трех нуклеарных позиций (отец-муж, мать-жена, сын-брат или дочь-сестра). Расширенная семья — семья, объединяющая две или более нуклеарных семей с общим домохозяйством и состоящая из трех или более поколений — прауродителей, родителей и детей (внуков) [11].

Динамика изменений содержания семейных отношений, их развитие наиболее полно отражается с позиций периодизации жизненного цикла семьи: период ухаживания, брак и его следствия (брачное поведение), рождение ребенка и взаимодействие с ним, зрелая стадия брака, отлучение детей от родителей, пенсия и старость.

Основными функциями семьи как малой группы, способами проявления активности, жизнедеятельности семьи и ее членов являются:

- 1) функция формирования семейной общности, т. е. «формирование совокупного», группового, коллективного субъекта деятельности, и достижения необходимой организации и единства действий индивидов, входящих в группу и решающих ее задачи. В качестве подфункций выступают: формирование общесемейных ценностей, норм, целей; достижение сплоченности как «ценностно-ориентационного единства» [101];

- 2) функция организации и осуществления совместной деятельности, состоящая в выработке именно совместных дей-

ствий, контроля, организации и координации этих действий. Это возможно не только при обмене информацией (мнений, представлений, интересов) между членами семьи, способствующей адекватному пониманию друг друга, но и при их разделении и принятии каждым из участников семейного взаимодействия.

Кроме того, известны такие классические функции семьи, как воспроизводственная (репродуктивная), воспитательная, хозяйственно-экономическая, рекреативная (досуг), сексуально-эмоциональная.

Репродуктивная функция (воспроизводство в детях численности родителей) включает в себя элементы всех других функций, так как семья участвует не только в количественном, но и в качественном воспроизводстве населения. Многолетние опросы показывают, что большинство граждан создает семьи, чтобы были дети. Однако в кризисные периоды наблюдается снижение рождаемости. Проблема деторождения связана, с одной стороны, с пониманием, что дети — необходимый фактор стабильности семьи, а с другой — с проблемой создания необходимых условий жизнеобеспечения членов семьи, профессиональной занятостью женщин.

Успех выполнения *воспитательной функции* во многом зависит от условий, окружающих семью, и возможных средств воздействия. Это материальные и бытовые условия, численность и структура семьи, развитость семейного коллектива, характер отношений между его членами, традиции семьи. Напомним, что воспитательная функция семьи является одной из важнейших и имеет три аспекта. Первый — формирование личности ребенка, развитие его способностей и интересов, передача детям взрослыми членами семьи накопленного обществом социального опыта, эстетического развития, позитивного отношения к труду и т. д. Второй — систематическое воспитательное воздействие семейного коллектива на каждого своего члена в течение всей его жизни. Третий — постоянное влияние детей на родителей, побуждающее их активно заниматься самовоспитанием. Семейное воспитание носит эмоциональный характер. Чтобы эта эмоциональность работала на укрепление и развитие семьи, семья должна осваивать культуру брачно-семейных отношений.

Степень реализации *хозяйственно-бытовой функции* (удовлетворение материальных потребностей членов семьи в пище,

кроме и т. д.) определяет культуру взаимоотношений членов семьи. Если домашние обязанности справедливо распределяются между супругами и детьми, то это благоприятствует укреплению психологического климата в семье, содействует сохранению психического здоровья старшего и младшего поколения, нравственно и духовно обогащает супружеские отношения. В случае неравномерного распределения домашних обязанностей в семье возможны конфликтные ситуации, которые сказываются на характере отношений как родителей, так и подрастающего поколения. Поэтому члены современной семьи должны стремиться к равноправному участию в управлении домашним очагом. В этих условиях лучше познаются мотивационные и волевые компоненты каждого члена семьи, создаются необходимые предпосылки для формирования сплоченности семьи, а также определяются возможные конфликтные области взаимоотношений и представляется более удобная форма ухода от них.

Удовлетворенность членами семьи потребности в симпатии, уважении, эмоциональной поддержке, психологической защите характеризует качественное выполнение семьей *эмоционально-психологической функции*. И наоборот, отсутствие взаимопонимания в семье приводит к чувству внутренней пустоты, подавленности, отчужденности, ухудшению психологического и физического состояния, значительному снижению работоспособности человека. Значимость этой функции в современных условиях, где большинство населения живет в стрессогенных условиях, когда все более широкое распространение приобретает партнерская семья, естественно, возрастает.

Своеобразным зеркалом зрелости человека как личности является *характеристика его досуга*. Несмотря на разнообразность интересов членов семьи важно понимать, что семья — единый коллектив. Поэтому необходимо правильно организовать ритм и режим жизни, труд и отдых как супругов, так и детей. Взаимное духовное обогащение составляет суть функции духовного (культурного) общения. Необходимо заметить, что именно при реализации этой функции семьи происходит большее единение и сплочение всех ее членов, выступающей основой формирования общего фонда смысловых образований семьи, так как совместная организация и совместное проведение досуга являются одним из видов деятельности семьи [47].

С вышеуказанными функциями тесно связана *функция первичного социального контроля* — обеспечение выполнения социальных норм членами семьи, в особенности теми, кто в силу различных обстоятельств (возраст, заболевание и т. д.) не обладает в достаточной степени способностью самостоятельно строить свое поведение в полном соответствии с социальными нормами.

Вообще тема духовности, культуры в современной психологии часто обсуждаема. Например, сейчас много говорят о сексуальной культуре личности. Эта культура формируется в процессе наблюдения и усваивания младшим поколением типов отношений родителей, которые являются одной из основных моделей будущих супружеских отношений. Семья не только обеспечивает биологическое воспроизводство общества, но и регулирует сексуально-эротическое поведение его членов. Удовлетворение сексуально-эротических потребностей членов семьи — *сексуально-эротическая функция* семьи.

Отметим, что в реализуемых семьей функциях с течением времени происходят изменения. Так, качественно изменилась функция первичного социального контроля. Повысился уровень терпимости к рождению внебрачных детей, супружеским изменам и т. п.

По мнению Т. Парсонса, семья утратила многие функции в связи с переходом развитых стран в фазу постиндустриального общества и существенной функцией семьи остается лишь воспитательная функция. Его позицию поддерживает В. Н. Дружинин, полагая, что воспитание детей всегда, во все времена и у всех народов было единственной специфической функцией семьи, а прочие функции были дополнительными и менялись на протяжении веков [25].

Для того чтобы семейные функции успешно реализовывались в процессе взаимодействия, члены семьи должны выполнять определенные роли. Социальная роль понимается, прежде всего, как функция социальной системы, «модель поведения, объективно заданная социальной позицией личности в системе объективных или межличностных отношений» [45].

Социальная функция личности, которая соответствует принятым нормам поведения людей в зависимости от их статуса или позиции в обществе, в системе межличностных отношений определяется как роль [79].

Семейная роль выступает как конкретизация социальных ролей мужа, жены, матери, отца, детей и т. д. В каждой семье важно определить способы ролевого взаимодействия и сформировать отношение ее членов к разным сторонам ролевого поведения в семье.

Становление семьи как социально-психологической общности, формирование межличностных отношений между супругами, их установки, выработка стиля семейной жизни во многом определяются нормами и правилами ролевого поведения членов семьи.

Сама возможность включения членов пары в совместную деятельность предстает в виде сочетания личностных и поведенческих характеристик, которое называется ролевым соответствием. Ролевое соответствие — это соответствие взятых на себя членами пары межличностных ролей и наличие базы для совместного взаимодействия с другими людьми, социальными системами или предметным миром. База эта выступает как определенное сочетание личностных характеристик членов пары, например, потребность в доминировании у одного из партнеров, сочетающаяся с потребностью в подчинении у другого [38].

В зарубежной психологии семейные роли рассматриваются через понятия половых ролей, полоролевой системы, полоролевой дифференциации.

Под половыми ролями большинство авторов понимает систему культурных норм, определяющих допустимые способы поведения и личностные качества на основе половой принадлежности. Иногда эту систему называют полоролевой системой.

Полоролевые системы — это культурные ожидания относительно социальных ролей, социальных деятельностей, подходящих для мужчин и женщин. Основной линией дифференциации ролей мужчин и женщин является линия «дом — работа». От мужчины традиционно требуется, в первую очередь, чтобы он стал профессионалом, занятым на постоянной, хорошо оплачиваемой работе. Семья рассматривается им как нечто подчиненное, второстепенное по отношению к работе. На женщину возлагается ответственность за дом, семью, детей, профессиональная деятельность допускается, но как нечто второстепенное по отношению к семье, в той мере, в какой она не мешает

основному назначению женщины. Такая дифференциация ролей мужчин и женщин называется полоролевой дифференциацией. Из разделения социальных ролей мужчин и женщин непосредственно следует и образец распределения семейных ролей [100].

Полоролевая дифференциация является основанием для классификации семей по ролевой структуре: традиционная и эгалитарная семьи.

Традиционная семья — это семья, где за супругами в соответствии с их полом закреплены определенные роли — жена исполняет роль матери и хозяйки, муж в основном ответственен за материальное обеспечение и сексуальные отношения.

В эгалитарной семье фактически все роли распределяются между мужем и женой преимущественно поровну. Известна и такая специфическая структура семейных ролей, как брак-супружество, где жена, хотя и выполняет, прежде всего, роли матери и хозяйки, но огромное внимание уделяет также выполнению роли друга (психотерапевта) по отношению к мужу.

Таким образом в процессе жизнедеятельности семьи, в тесной взаимосвязи с межличностными отношениями и общением членов семьи устанавливаются определенные правила ролевого поведения и ролевого отношения в семье.

Согласно Ю. Е. Алешиной, существует следующая классификация основных ролей в семье [4]:

- ответственный за материальное обеспечение семьи;
- хозяин — хозяйка;
- ответственный по уходу за младенцем;
- воспитатель;
- сексуальный партнер;
- организатор развлечений;
- организатор семейной субкультуры;
- ответственный за поддержание родственных связей;
- «психотерапевт».

В современной семье отношение ее членов к исполнению своих ролей во многом формируется принятым в данной семье ролевым образцом. Например, роль отца как главы семейства, обладающего властью, дополняется его умением реализовать воспитательную функцию, дать детям правильный совет, поддерживать их во всех начинаниях; быть сдержанным и урав-

новешенным, стать надежной опорой семьи, проявлять заботу и ласку по отношению к супруге.

Изменилась и роль женщины. Если ранее ее основные характеристики составляли материнство и воспитание детей, уход и забота о них, своевременная и полноценная эмоциональная поддержка, то сейчас наблюдается маскулинизация женского поведения, благодаря которой женщина нередко стремится доминировать и над мужем, и над детьми.

В идеале семейные роли создают атмосферу гармонии, которая, удовлетворяя многие психологические потребности членов семьи, способна создавать социально-психологический комфорт. Но такая сложная система семейных ролей не может не быть противоречивой. Важно определить, насколько противоречивость семейных ролей разрушительна и в какой мере сама семья ее регулирует. Существенным моментом является то, насколько мнение члена семьи о своей роли совпадает с представлением о ней других.

Таким образом на основе анализа психологических характеристик семьи как сплоченного коллектива и малой группы можно определить динамику ее жизненного цикла, функции, структуру. На основании структуры мы выделяем такие семьи, где руководство и организация всех ее функций сосредоточены в руках одного члена семьи, или те, в которых большинство обязанностей могут быть возложены на одного из членов семьи, либо обязанности распределяются равномерно.

По качеству исполнения семейных ролей можно судить об уровне межличностных взаимоотношений в семье. К конфликтности могут привести несогласованные, отвергаемые партнером ожидания и соответствующие требования.

В настоящее время как никогда членам семьи важно корректировать свое поведение в сторону чуткости, внимательности, эмпатии к окружающим их близким людям. Необходимо признавать самоценность каждой личности, независимо от возраста, пола, социального положения, а в межкультурных семьях и национальности.

Семья продолжает оставаться важным социальным институтом общества, в котором рождаются и социализируются дети, раскрываются и утверждаются их духовно-культурные ценности, внутренний мир, что выражается в различных формах поведения [47].

2.2. Понятие кризиса

Теория кризиса как самостоятельная дисциплина в психологии появилась сравнительно недавно. Значимые психологические исследования, посвященные теории кризисов, представлены работами Э. Линдерманна, Дж. Каплана, Дж. Якобсона и др.

Отличительные черты теории кризисов, согласно Дж. Якобсону, состоят в следующем:

— теория кризисов относится главным образом к индивиду, хотя некоторые понятия используются применительно к семье, а также к малым и большим группам;

— теория кризисов описывает не только деструктивные аспекты кризиса, но и его ресурсы и возможности в области роста и развития личности [74].

Кризис (от греч. *krisis* — решение, поворотный пункт) — это любое внезапное прерывание какими-либо обстоятельствами нормального хода событий в жизни индивида или общества, которое требует от человека переоценки существующих моделей мышления, деятельности, эмоционального отношения к происходящему и создания других, более адаптивных способов реагирования, адекватных новым условиям существования.

Значение слова *кризис* легче понять через другие понятия. Для слова *кризис* синоним можно взять из следующего ряда слов: глубокое расстройство, резкий перелом, период обострения противоречий в процессе развития какой-либо сферы деятельности. Как видим, значение кризиса определяется как негативное явление. Однако при этом роль кризиса подчеркивается как процесс обновления.

Сущность кризиса заключена в решении накопившихся проблем, диспропорций, нерешенных конфликтов, которые невозможно решить привычными методами для данной сложившейся структуры отношений конкретных людей. Термин «кризис» применяют для обозначения тех состояний, при которых существующие средства для достижения целей становятся неадекватными, а новые средства, которыми можно решить существующие конфликты, могут вызывать непредсказуемые проблемы и ситуации [71].

В работах В. В. Козлова отмечается, что кризисы человека могут быть абсолютно разными и затрагивать совершенно

несхожие аспекты его жизни, в частности, материальные, социальные и духовные [40].

Типы кризисов зависят от размеров системы, которую они захватывают, но, как правило, *последствия кризисов* выходят за рамки одной системы. Кризис — это крайнее обострение противоречий в какой-то системе, способное прекратить само существование системы в прежнем состоянии.

Дж. Каплан описал четыре последовательных стадии кризиса.

1. Первичный рост напряжения, стимулирующий привычные способы решения проблем.
2. Дальнейший рост напряжения в условиях, когда эти способы оказываются безрезультатными.
3. Еще большее увеличение напряжения, требующее мобилизации внешних и внутренних источников.
4. Повышение тревоги, возникновение депрессии, чувств беспомощности и безнадежности, дезорганизация личности — в случае если все действия, предпринятые на предыдущих стадиях, оказываются тщетными.

Кризис может закончиться на любой стадии, если опасность исчезает или обнаруживается решение.

Критериями диагностики кризиса могут служить следующие показатели:

- наличие события, вызывающего стресс, или длительный стресс, приводящий к фрустрации (эмоционально тяжелое переживание человеком своей неудачи, сопровождающееся чувством безысходности, крушения и неуспеха в достижении цели);
- переживание горя;
- чувство потери, опасности, унижения;
- чувство собственной неполноценности;
- неожиданность происходящего;
- разрушение привычного хода жизни;
- неопределенность будущего;
- отсутствие целостного видения ситуации (она воспринимается фрагментарно, на первом месте — ее эмоциональная окраска);
- страх;
- отчаяние;
- обесценивание имеющегося;

- потеря контакта с другими и собой;
- преобладание чувства одиночества и отверженности;
- чувство уникальности собственных переживаний;
- ощущение отсутствия поддержки со стороны окружающих;
- длительное страдание.

По временному параметру и интенсивности переживания кризисы подразделяются на:

- кратковременные и острые;
- затяжные и хронические (длительные по времени, например, тяжелая болезнь).

В соответствии с локализацией рассматривают:

- кризисы переходных периодов, связанные с возрастом;
- кризисы, не связанные с определенным возрастом.

Таким образом кризисом можно назвать ситуацию столкновения с препятствием в реализации важнейших жизненных целей при условии невозможности справиться с ней с помощью привычных средств.

Кризис не всегда несет в себе негативный смысл. В китайском языке понятие «кризис» определяется как «полный опасности шанс», как возможность роста человеческой личности, которую индивид обретает, проходя через кризисное состояние и испытывая различные сопротивления. Конструктивное преодоление кризисных ситуаций и периодов жизни дает их субъектам ресурсы для личностного роста и преодоления неизбежно сопровождающих жизнь переломных моментов [92].

Существующие на сегодняшний день теории кризисов описывают переживание кризисных событий на индивидуальном уровне, то есть анализируют процесс переживания кризисных событий отдельным человеком. Однако последний всегда является частью других, более крупных систем (семейной, профессиональной, социальной и др.) и находится с ними в диалектической взаимосвязи, обуславливающей характер прохождения кризисов. Теперь перейдем непосредственно к *семейному кризису* [71].

Семейный кризис — состояние семейной системы, характеризующееся нарушением гомеостатических процессов, приводящих к фрустрации привычных способов функционирования семьи и невозможности справиться с новой ситуацией, используя старые модели поведения.

В семейном кризисе можно выделить две потенциальные линии дальнейшего развития семьи.

1. Деструктивная, ведущая к нарушению семейных отношений и содержащая опасность для их существования.

2. Конструктивная, заключающая в себе потенциальную возможность перехода семьи на новый уровень функционирования.

Анализ литературы по проблеме кризисных ситуаций в семье позволяет выделить несколько подходов к описанию семейных кризисов.

Первый связан с изучением закономерностей жизненного цикла семьи. В русле данного подхода кризисы рассматриваются как переходные моменты между стадиями жизненного цикла. Подобные кризисы называются *нормативными*, или горизонтальными, стрессорами. Они возникают при «застревании», препятствиях или неадекватной адаптации при прохождении какого-либо этапа жизненного цикла семьи [102].

Второй подход связан с анализом событий жизненного пути семьи: кризисы семьи могут вызываться некоторыми событиями, влияющими на стабильность семейной системы. Подобные кризисы могут возникать независимо от стадий жизненного цикла семьи и называются *ненормативными*.

Третий подход основан на знаниях о кризисных ситуациях в семье или отдельных ее подсистемах, полученных в ходе экспериментальных исследований. Так, например, Плзак описал два критических периода в развитии супружеских отношений. *Первый критический период* наступает между 3-м и 7-м годом супружеской жизни и продолжается при благоприятном исходе около одного года. Его возникновению способствуют следующие факторы: исчезновение романтических настроений, активное неприятие контраста в поведении партнера в период влюбленности и в повседневном семейном быту, рост числа ситуаций, в которых супруги обнаруживают разные взгляды на вещи и не могут прийти к согласию, учащение проявлений отрицательных эмоций, возрастание напряженности в отношениях между партнерами вследствие частых столкновений. Кризисная ситуация может возникнуть и без влияния каких-либо внешних факторов, обуславливающих бытовое и экономическое положение супружеской пары, без вмешательства родителей, измены или каких-то патологических черт личности у одного из супругов [46].

Второй кризисный период наступает примерно между 17-м и 25-м годом совместной жизни. Этот кризис менее глубок, чем первый, он может продолжаться один год или несколько лет. Его возникновение часто совпадает с приближением периода инволюции, с повышением эмоциональной неустойчивости, появлением страхов, различных соматических жалоб, чувства одиночества, связанного с уходом детей, с усиливающейся эмоциональной зависимостью жены, ее переживаниями по поводу быстрого старения, а также возможных сексуальных измен мужа.

Согласно взглядам Н. В. Самоукиной, первый кризисный период (5—7 лет) связан с изменением образа партнера, а именно — с понижением его психологического статуса. Второй кризисный период (13—18 лет) вызван психологической усталостью друг от друга, тяготением к новизне в отношениях и образе жизни. Этот период особенно остро переживают мужчины. Менее болезненно он проходит в тех семьях, где обоюдно признаются условия для относительной свободы и самостоятельности супругов, а также там, где оба партнера начинают искать способы обновления своих отношений.

Кризисы в отдельных подсистемах (например, вышеописанные кризисы в супружеских отношениях) могут оказывать влияние на протекание нормативных семейных кризисов, интенсифицируя их проявления.

Семья, находящаяся в состоянии кризиса, не может оставаться прежней; ей не удастся функционировать адекватно изменившейся ситуации, оперируя знакомыми, шаблонными представлениями и используя привычные модели поведения [84].

Выделяют следующие характеристики семейного кризиса.

1. Обострение ситуативных противоречий в семье.
2. Расстройство всей системы и всех происходящих в ней процессов.
3. Нарастание неустойчивости в семейной системе.
4. Генерализация кризиса, то есть его влияние распространяется на весь диапазон семейных отношений и взаимодействий.

На каком бы уровне функционирования семьи ни возникал кризис (индивидуальном, микро-, макро- или мегасистемном), он неизбежно будет затрагивать другие уровни, обуславливая

нарушения в их функционировании. В результате можно обнаружить следующие проявления семейного кризиса.

1. *Проявление семейного кризиса на индивидуальном уровне:*

- чувство дискомфорта, повышенная тревожность;
- неэффективность старых способов коммуникации;
- снижение уровня удовлетворенности браком;
- ощущение непонятности, невысказанности, безысходности и тщетности усилий, предпринимаемых с целью изменить ситуацию, то есть ощущение ограничения своих возможностей, неспособность обнаружить в ситуации новые направления развития;

- смещение локуса контроля: член семьи перестает занимать субъектную позицию, ему начинает казаться, что нечто происходит «с ним» — то есть вне его, а значит, и изменения должны произойти не с ним, а с другими. В таком случае он искренне начинает полагать, что именно изменение отношения или поведения другого члена семьи приведет к улучшению ситуации [98];

- закрытость для нового опыта и в то же время надежда на «чудесное возвращение мира», не связанное с собственными изменениями;

- появление сверхценных идей у некоторых членов семьи;
- формирование симптоматического поведения.

2. *Проявление семейного кризиса на микросистемном уровне:*

- нарушения по параметру сплоченности: уменьшение или увеличение психологической дистанции между членами семьи (крайние варианты — симбиотическое слияние и разобщенность);

- деформация внутренних и внешних границ нуклеарной семьи, крайними вариантами которой являются их диффузность (размытость) и жесткость (непроницаемость);

- нарушения гибкости семейной системы вплоть до хаотичности или ригидности (механизм сохранения и усиления негибких способов реагирования — «инконгруэнтная адаптация» — почти универсален в кризисных ситуациях, однако при длительном его использовании нарушается естественный обмен энергии в семье);

- изменения ролевой структуры семейной системы (появление дисфункциональных ролей, жесткое, неравномерное распределение ролей, «провал» роли, патологизация ролей);

- нарушение иерархии (борьба за власть, перевернутая иерархия);
- возникновение семейных конфликтов;
- рост негативных эмоций и критики;
- нарушения метакоммуникации;
- нарастание чувства общей неудовлетворенности отношениями в семье, обнаружение расхождения во взглядах, возникновение молчаливого протеста, ссоры и упреки, ощущение обманутости у членов семьи;
- регресс или возврат к ранним моделям функционирования нуклеарной семьи;
- «застревание» на какой-либо стадии развития семьи и неспособность решать задачи следующих этапов;
- противоречивость и несогласованность притязаний и ожиданий членов семьи;
- разрушение некоторых устоявшихся ценностей семьи и несформированность новых;
- нарушение традиций и ритуалов;
- неэффективность старых семейных норм и правил в отсутствие новых;
- дефицит правил.

3. Проявления семейного кризиса на макросистемном уровне:

- актуализация семейного мифа;
- реализация архаичного поведенческого паттерна, неадекватного актуальному контексту существования семьи, но являвшегося эффективным в предыдущих поколениях;
- нарушения внутренних и внешних границ расширенной семьи, крайними вариантами которых являются диффузность и жесткость (непроницаемость) границ;
- нарушения иерархии (например перевернутая иерархия, межпоколенные коалиции);
- нарушения ролевой структуры расширенной семьи (ролевые инверсии, «провал» роли);
- нарушение традиций и ритуалов;
- неэффективность старых семейных норм и правил и несформированность новых.

4. Проявление семейного кризиса на мегасистемном уровне:

- социальная изоляция семьи;
- социальная дезадаптация семьи;
- конфликты с социальным окружением.

В кризисной ситуации может происходить блокировка актуальных потребностей членов семьи, что, в свою очередь, может стать причиной появления симптома у одного из них — чаще всего у ребенка. Последний становится носителем симптома, который позволяет поддерживать старые, сложившиеся взаимоотношения между членами семьи. Симптоматическое поведение появляется в результате стереотипных, «застывших» ролевых взаимодействий, отражая некоторые закрытые темы, прямое обсуждение которых нарушило бы семейные правила. Носитель симптома называется «идентифицированным пациентом» [84].

Теоретики системного подхода Р. Шерман, Н. Фредман в семейной терапии убеждены в том, что симптом, предъявляемый семьей, представляет собой не что иное, как метафору потребностей семейной системы [68].

Можно выделить следующие характеристики симптоматического поведения:

- оно сравнительно сильно влияет на других членов семьи;
- произвольно и не поддается контролю со стороны идентифицированного пациента;
- закрепляется окружением;
- может быть выгодно другим членам семьи;
- оно «обслуживает» избегание членами семьи других психологических проблем, актуализация которых могла бы быть разрушительной для семейной системы. Тем самым оно выполняет функцию семейного стабилизатора.

Идентифицированный пациент, или носитель симптома, может появиться в семье как при попытке сохранения гомеостаза во время прохождения какой-либо стадии жизненного цикла семьи, так и при переходе с одной стадии на другую. Обращаясь за психологической помощью, семья, как правило, желает избавиться от симптома, но при этом не хочет что-либо существенно менять. В этом случае на месте одного симптома впоследствии могут появиться другие, не менее серьезные. Например, супруг перестает пить, но при этом тяжело заболевает ребенок.

Для определения особенностей прохождения семьей кризисных периодов необходимы анализ и учет семейных «нормативных фильтров». Под «нормативными фильтрами» мы понимаем совокупность норм, правил, установок, ролевых позиций, представлений, характерных для данной семьи.

Их искажающее влияние может быть различным. Идеальными представлениями могут быть частично объяснены такие факты, при которых даже незначительные проблемы в семейной жизни субъективно переживаются семьей очень тяжело. В других семьях, наоборот, даже при наличии серьезных кризисов в развитии их члены могут не рассматривать ситуацию как катастрофическую, оставаться сплоченными, адекватно реагирующими на все происходящее и оказывающими поддержку друг другу. Обычно члены семьи представляют консультанту «откорректированную» картину семейной жизни, отражающую их идеальные представления. В соответствии с этим важным является умение семейного психолога рассмотреть эту картину, проанализировать и выявить зоны риска для данной семьи.

2.3. Структура нормативных семейных кризисов

Понятие «нормативный кризис» связано с термином «жизненный цикл семьи», который впервые был использован в 1948 г. Э. Дювалль и Р. Хилом на национальной общеамериканской конференции по семейной жизни, где они сделали доклад о динамике семейного взаимодействия.

Они рассматривали семью как динамическую систему, функционирование которой определяется действием двух законов: законом гомеостаза и законом гетеростаза (развития). Согласно закону гомеостаза, каждая семья стремится сохранить свое актуальное состояние, остаться в данной точке развития. В соответствии с законом гетеростаза каждая семейная система должна пройти свой жизненный цикл — некую последовательность смены стадий. При построении своей периодизации авторы опирались на идеи Э. Эриксона и других специалистов по психологии личности, предложивших рассматривать в качестве основы периодизации совокупность задач, специфичных для каждого периода развития [44].

В качестве признака разграничения стадий Э. Дювалль использовал факт наличия или отсутствия детей в семье и их возраст. На основании этой характеристики были выделены следующие стадии жизненного цикла семьи.

- I. Формирующаяся семья (0—5 лет), детей нет.
- II. Детородящая семья, возраст старшего ребенка до 3 лет.

III. Семья с детьми-дошкольниками, старшему ребенку 3—6 лет.

IV. Семья с детьми-школьниками, старшему ребенку 6—13 лет.

V. Семья с детьми-подростками, старшему ребенку 13—21 год.

VI. Семья, «отправляющая» детей в жизнь.

VII. Супруги зрелого возраста.

VIII. Стареющая семья.

Эта периодизация имеет ряд недостатков: громоздкость, невнимание к другим характеристикам брака, что явилось поводом для критики и создания ее новых вариантов. В последние годы появилось большое число различных периодизаций семейного цикла — психологических, социологических, демографических и т. д. Основанием для них послужили как различные теоретические соображения, так и результаты эмпирических исследований и консультативной практики. Для выделения стадий используются самые разнообразные показатели, выбор которых определяется конкретной направленностью исследований, национальными, демографическими и другими характеристиками.

V. Сатир разграничивает периодизацию семейных кризисов несколько иначе и выделяет десять критических точек в развитии семьи.

Первый кризис — зачатие, беременность и рождение ребенка.

Второй кризис — начало освоения ребенком человеческой речи.

Третий кризис — ребенок налаживает отношения с внешней средой (идет в детский сад или в школу).

Четвертый кризис — ребенок вступает в подростковый возраст.

Пятый кризис — ребенок становится взрослым и покидает дом.

Шестой кризис — молодые люди женятся, и в семью входят невестки и зятя.

Седьмой кризис — наступление климакса в жизни женщины.

Восьмой кризис — уменьшение сексуальной активности мужчин.

Девятый кризис — родители становятся бабушками и дедушками.

Десятый кризис — умирает один из супругов [85].

Одной из наиболее известных периодизаций в отечественной психологии семьи является периодизация, предложенная Э. К. Васильевой, выделившей пять стадий семейного цикла.

1. Зарождение семьи: с момента заключения брака до рождения первого ребенка.

2. Рождение и воспитание детей: продолжается вплоть до момента начала трудовой деятельности хотя бы одного ребенка.

3. Окончание выполнения семьей воспитательной функции: период с начала трудовой деятельности первого ребенка до того момента, когда на попечении родителей не остается ни одного из детей.

4. Совместное проживание родителей с детьми, хотя бы один из которых не имеет собственной семьи.

5. Супруги живут одни или с детьми, имеющими собственные семьи [18].

Эта периодизация в целом аналогична предложенной Э. Дювалль, хотя автор вводит в нее еще и такие признаки, как наличие семьи у детей, начало трудовой деятельности ребенка, проживание его совместно с родителями [4].

В рамках системного подхода первое подробное описание жизненного цикла семьи появилось в книге Дж. Хейли «Необычная психотерапия». Он отметил тот факт, что симптомы кризиса чаще всего возникают в точках перехода от одного этапа к другому. Во время переходных периодов перед членами семьи встают новые задачи, требующие существенной перестройки их взаимоотношений. Чтобы перейти на новую ступень своего развития, семье необходимо совершить изменения в своей структурной организации, адаптироваться к текущей ситуации и выработать свой новый образ. Периоды стабилизации в точке перехода сменяются кризисными периодами, успешность прохождения которых влияет на функционирование семьи на новых этапах. Но так как эти изменения, в отличие от ситуативно обусловленных, связаны с кризисами развития, в литературе они определяются как «нормативные». Именно в эти моменты способы достижения целей, прежде использовавшиеся в семье, уже не могут быть эффективными при удовлетворении возникших у ее членов новых потребностей [78].

Каждый новый этап связан с изменением всех основных параметров структуры семьи. Многие семьи успешно разрешают эту ситуацию, перестраиваясь и адаптируясь к новым условиям. Этот процесс, как правило, сопровождается личностным ростом членов семьи. Однако если семье не удастся перестроиться, то решение задач последующего периода жизненного цикла семьи затрудняется, что может, в свою очередь, усугубить прохождение очередного нормативного кризиса (табл. 8). Исследования жизненного цикла семьи показали, что в моменты нормативных стрессов семьи нередко возвращаются к ранним моделям функционирования (механизм регрессии) либо останавливаются в своем развитии, фиксируясь на определенном этапе (механизм фиксации).

Таблица 8

**Динамика отношений в семье
(интегрированная периодизация жизненного цикла семьи)**

Этапы и кризисные периоды жизненного цикла семьи	Задачи развития семьи
Период ухаживания	
	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формирование идентичности. 2. Дифференциация от родительской семьи и достижение эмоциональной и финансовой независимости от родителей. 3. Обретение молодым человеком адекватного возрасту статуса
Кризис 1. <i>Принятие на себя супружеских обязательств</i>	<p>Адаптация супругов к семейной жизни и друг к другу:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) установление внутренних границ семьи и границ общения с друзьями и родственниками; 2) разрешение конфликта между личными и семейными потребностями; 3) установление оптимального баланса близости/отдаленности; 4) решение проблемы семейной иерархии и областей ответственности; 5) достижение сексуальной гармонии (сексуальная адаптация); 6) решение жилищных проблем и приобретение собственного имущества

Этапы и кризисные периоды жизненного цикла семьи	Задачи развития семьи
Кризис 2. Освоение супругами родительских ролей и принятие факта появления в семье новой личности	Реорганизация семьи для выполнения новых задач: 1) уход за маленьким ребенком; 2) перестройка структуры семьи в связи с появлением ребенка; 3) адаптация к длительному периоду ухода за ребенком; 4) поощрение роста ребенка и обеспечение его безопасности и родительского авторитета; 5) согласование личных и семейных целей
Семья ребенка дошкольника и младшего школьника	
Кризис 3. Включение детей во внешние социальные структуры детского сада, школы)	Реорганизация семьи для выполнения новых задач: 1) перераспределение обязанностей в семье в связи с поступлением ребенка в детский сад или школу; 2) проявление участия при наличии проблем с выполнением режимных моментов, дисциплиной, учебой и др.; 3) распределение обязанностей в помощи ребенку при подготовке домашних заданий
Семья подростка	
Кризис 4. Принятие факта вступления ребенка в подростковый период, экспериментирование с его независимостью	Реорганизация семьи для выполнения новых задач: 1) Перераспределение автономии и контроля между родителями и детьми; 2) Изменение типа родительского поведения и ролей; 3) Подготовка к уходу подростка из дома
Фаза, в которой выросшие дети покидают дом	
Кризис 5. Выросший ребенок покидает дом	Реорганизация семьи для выполнения новых задач: 1) сепарация ребенка от семьи; 2) корректный уход из дома; 3) поступление в учебное заведение, на военную или иную службу

Этапы и кризисные периоды жизненного цикла семьи	Задачи развития семьи
Семья, в основном выполнившая свою родительскую функцию, — «опустевшее гнездо»	
Кризис 6. <i>Супруги вновь остаются вдвоем</i>	Реорганизация семьи для выполнения новых задач: 1) пересмотр супружеских взаимоотношений; 2) перераспределение обязанностей и времени; 3) адаптация к уходу на пенсию
Фаза, в которой кто-то из партнеров остается один после смерти другого	
Кризис 7. <i>Принятие факта смерти одного из супругов</i>	Реорганизация семьи: 1) адаптация овдовевшего партнера к одиночеству; 2) поиск новых связей с семьей; 3) принятие ухода и помощи от членов семьи или социального окружения

Таким образом семья в своем развитии проходит ряд этапов, каждый из которых включает в себе как кризисы, так и возможности личностного роста членов семьи и развития семейной системы в целом. С переживанием кризиса связан риск неопределенности будущего, естественный для любого развития, и столь же естественное стремление избежать этого риска. Если семья как система пытается избежать изменений, обусловленных ее естественной динамикой, то это может стать источником возникновения негативной симптоматики, у ее членов — психосоматических, сексуальных, эмоциональных расстройств. Выход из кризиса сопровождается либо установлением новых отношений между членами семьи, принятием новых ролей, нового уровня взаимопонимания и взаимодействия, либо (при попытке любой ценой сохранить прежний тип взаимодействий) — нарастанием степени эмоционального отчуждения и нарушением внутрисемейных отношений.

В течение пятой и шестой фаз может иметь место кризис, связанный с созданием детьми своих собственных семей и необходимостью родителей выстраивать отношения с новыми

членами семьи. О существовании данного кризиса упоминает В. Сатир, называя его «молодые люди женятся, и в семью входят невестки и зятья» [56].

Возможность перехода семьи на следующий этап развития обусловлена гибкостью семейной системы, определяющей ее готовность к изменениям. Она также связана со способностью супругов приносить в психологическую «жертву» достигнутые на предыдущей стадии равновесие и устоявшиеся способы взаимодействия друг с другом, с детьми и третьим поколением (бабушками и дедушками).

В то же время многое зависит от желания супругов сохранить семью, культуры их межличностных отношений и способности пересматривать свои ошибочные взгляды, от того, насколько выражено стремление поддерживать психологически благополучные, здоровые отношения с другими членами семьи. Наличие осознанной установки на совместное с партнером развитие и своевременное обнаружение трудностей во взаимоотношениях обуславливают возможность супругов корректировать свое поведение.

Первый нормативный кризис. Особо нужно отметить первые годы супружеской жизни. Этот период является одним из самых важных, который во многом определяет дальнейшее существование семьи. По первым годам супружеской жизни можно судить о потенциальном качестве брака и строить прогнозы относительно стабильности данной семьи. Несмотря на яркую эмоциональную окрашенность и романтизм, характерный для молодого супружества, начинается этап, в течение которого перед молодыми супругами встает ряд задач, связанных с адаптацией к семейной жизни и принятием новых ролей. Функционирование семьи в этот период определяется рядом факторов, среди которых можно выделить следующие:

— личностные особенности супругов (индивидуально-типологические свойства нервной системы, когнитивные и психологические особенности, система установок на брак, мотивы выбора супруга, ценностные ориентации и т. д.);

— микросистемные факторы (особенности внутрисемейных процессов в нуклеарной семье);

— макросистемные факторы (семейная история, специфика взаимоотношений в расширенной семье);

— внешнее социальное окружение (особенности государственного строя, семейной политики и функционирования

социальных институтов, национальные и религиозные особенности, регулирующие семейное функционирование в данной среде и т. д.);

— экономические факторы (уровень материального благосостояния, наличие отдельного жилья и т. д.).

Прохождение первого нормативного кризиса семьи могут осложнить следующие факторы.

1. Неадекватная мотивация создания брака.

• *Брак как возможность восполнить дефицит.* Наблюдается в случаях, когда один или оба супруга вступают в брак из-за желания перестать ощущать недостаток любви, общения, заботы, тепла, внимания, хотят избежать чувства одиночества и ненужности.

• *Брак как способ отделиться от родительской семьи.* Стремление молодых супругов дистанцироваться от родителей является одним из наиболее частых неадекватных мотивов вступления в брак. В этом случае создание новой семьи становится специфическим коммуникативным посланием родителям о том, что их ребенок стал взрослым и имеет право на независимые решения и самостоятельную жизнь.

• *Брак как способ преодолеть какой-либо кризис:* создание семьи из мести бывшему возлюбленному, как попытка справиться с утратой значимого человека, как способ пережить профессиональную несостоятельность и др.

• *Заключение брака с целью соответствовать нормам социального окружения, касающимся возраста вступления в брак и других аспектов брачного поведения. Данный брак является способом избежать давления социальной среды.*

• *Брак как компенсация чувства неполноценности.* Вступление в брак может быть способом восполнить дефекты в «я», обусловленные, как правило, патологичной я-концепцией, являющейся следствием неразрешенных интер- и интрапсихических задач развития. В этом случае присоединение к идеализированному партнеру позволяет повысить чувство собственной значимости и самоуважение.

• *Брак как достижение.* Наблюдается в случае получения одним из партнеров материальной или социальной выгоды вследствие заключения брака.

• *Вынужденный брак.* В данном случае вступление в брак является способом решить возникшие жизненные затруднения. К их числу можно отнести незапланированную беременность,

жилищные или материальные проблемы одного из супругов и др.

При неадекватной мотивации вступления в брак личность партнера не представляет собой ценности, важно только его наличие либо его функциональные характеристики, имеющие значение для удовлетворения потребностей.

Неадекватная мотивация вступления в брак может быть осознаваемой и неосознаваемой. В последнем случае практически неизбежно усугубление рано или поздно наступающего в любых отношениях разочарования в партнере и браке [93].

1. Значительные различия в семейных традициях, происхождении супругов и моделях их семейных отношений (например в религиозных убеждениях, образовании, социальной и национальной принадлежности, структурных особенностях расширенных семей, возрасте и т. п.).

2. Материальная, физическая или эмоциональная зависимость пары от членов расширенной семьи.

3. Заключение брака после периода ухаживания продолжительностью менее шести месяцев или свыше трех лет.

4. Личностные особенности одного или обоих супругов, связанные с установлением отношений привязанности, прежде всего, наличие у супругов способности устанавливать близкие отношения, присоединяться и отделяться друг от друга, не испытывая при этом сильного дискомфорта.

5. Наличие дисфункциональных семейных паттернов в расширенных семьях супругов [29].

Создавая семью, супруги оказываются перед необходимостью решить ряд важных задач, лежащих, прежде всего, в сфере эмоциональных отношений. Одна из них — усиление эмоциональной связи в супружеской подсистеме и отделение от родительской семьи без разрыва эмоциональных контактов с ней или реактивного бегства в другие заменяющие отношения.

Супруги, с одной стороны, должны научиться принадлежать друг другу, не теряя близости с расширенной семьей, с другой стороны — быть частью собственной семьи, не теряя своей индивидуальности. Только в этом случае брак становится процессом, в котором оба партнера и семьи в целом проходят путь индивидуации — сепарации, получая возможность переживать близость, сохраняя при этом ощущение своей отдельности и автономности [59].

На уровне семейной системы отделение супругов от родителей связано с установлением внешних границ молодой семьи — невидимого барьера, который регулирует объем контактов партнеров с внешним миром, в том числе и с членами расширенной семьи. Этот барьер защищает автономию молодой семьи посредством регулирования отношений близости и иерархии. В парах, не прошедших сепарацию от родительских семей, существенно осложняется формирование близких взаимоотношений между супругами. Последние боятся признать отличия друг в друге, поскольку их непохожесть может оказаться столь значительной, что будет представлять угрозу для их отношений.

Задача установления внешних границ включает в себя также решение вопросов, кто из знакомых и друзей мужа и жены будет допущен в семью и как часто, насколько разрешено пребывание супругов вне семьи без партнеров, как проводить отпуск и т. п. Наличие внешних границ и их гибкость обеспечивают молодым супругам определенную частную жизнь и возможность концентрировать усилия на построении взаимоотношений друг с другом.

Способность пары к близким и независимым отношениям зачастую определяется тем, насколько каждому из супругов удалось стать самостоятельной личностью в родительской семье. М. Боуэн утверждает, что тех, кому не удалось обрести автономию в рамках родительской семьи, отличает эмоциональная холодность или склонность к слиянию с партнером. Высокий уровень слияния супругов достаточно часто встречается в молодых семьях, что в определенной мере помогает паре достичь ценностно-ориентационного единства — своеобразного «мы» пары. Это процесс, в котором, по словам К. Витакера, двое отказываются от своего лица и становятся никем ради того, чтобы стать частицами симбиотического союза под названием брак. Данные отношения формируются, как правило, за счет сильного подавления индивидуальных потребностей одного или обоих супругов, что вызывает страх утраты своего «я» и приводит к аккумуляции напряженности в паре. Однако когда «нарциссический» период идеализации партнера проходит, попытки выйти из слияния и отстоять свое «я» могут стать источником высокого напряжения и конфликтов в паре.

Деидеализация является нормативным этапом развития эмоциональных отношений в паре, которому, как правило,

предшествуют бурные романтические переживания, приписывание партнеру идеальных черт, ощущение большой любви и эмоциональной близости с ним. Крушение иллюзий, происходящее в дальнейшем, неизбежно, так как идеализация является лишь фазой в эмоциональном цикле, следующий этап которого — разочарование, утрата позитивных эмоций, возникновение безразличия и скуки в отношениях партнеров, что может привести к их распаду [29].

Помимо решения эмоциональных проблем, связанных с установлением оптимальной психологической дистанции, молодым супругам также необходимо распределить семейные роли и области ответственности, решить вопросы семейной иерархии, выработать приемлемые формы сотрудничества, разделить обязанности, согласовать систему ценностей, пройти сексуальную адаптацию друг к другу. Именно на этом этапе партнеры ищут ответы на вопросы: «Каковы приемлемые пути разрешения конфликта?», «Выражение каких эмоций в семье считается допустимым?», «Кто за что несет ответственность и при каких условиях?». Таким образом в течение данного кризисного периода супруги адаптируются друг к другу, ищут такой тип семейных отношений, который удовлетворил бы обоих. Умение супругов разрешать проблемы, возникающие на начальном этапе семейной жизни, способствует выработке долговременных устойчивых форм поведения, действующих на протяжении всего жизненного цикла семьи и помогающих переживать последующие нормативные и ненормативные семейные кризисы.

Второй нормативный кризис традиционно рассматривается как переходный этап жизненного цикла семьи, обусловленный фактом рождения ребенка. При этом психологи, анализируя особенности протекания данного кризиса, часто игнорируют период зачатия ребенка и беременности матери. Тем не менее многие проблемы, по поводу которых обращается молодая семья, зачастую связаны с особенностями развития супружеских отношений во время ожидания рождения ребенка. По этой причине мы сочли необходимым проанализировать кризисные аспекты, связанные с беременностью и отношениями между супругами в этот период, а также после рождения ребенка.

Успешное прохождение данного кризиса предполагает, что супруги справились с задачами предыдущей, диадической

стадии. Здесь наиболее актуальным становится план ролевых отношений в семье. Пары, которым удалось достичь близости без существенного ущерба для автономии и успешно разрешить конфликты предыдущего этапа, с большей вероятностью безболезненно примут роли отца и матери.

Факторами, позволяющими быстрее и легче освоить родительские роли, являются:

— продолжительность периода ухаживания — не менее года и не более трех лет;

— наличие диадического периода в развитии супружеских отношений, в течение которого партнеры могут подготовиться к рождению ребенка и принятию новых социальных ролей. Рождение ребенка сразу после свадьбы либо в первый год супружества затрудняет процесс принятия факта материнства и отцовства.

Если первый ребенок, вопреки семейным сценариям супругов, не рождается в первые три-пять лет семейной жизни, это может указывать на наличие проблем в супружеской паре.

Переход к родительской роли обычно начинается с желания иметь детей. Как правило, решение зачать ребенка определяется совокупностью мотивов, часть из которых может не осознаваться супружеской парой. Эти мотивы взаимодополняют друг друга на фоне доминирования одного из них (табл. 9). Часто мотивы женщины и мужчины оказываются различными, и нередко супруги об этом узнают лишь на приеме у психолога. При этом необходимо различать конструктивные мотивы, способствующие укреплению семьи, личностному росту супругов, благополучному рождению и развитию ребенка, и деструктивные, приводящие к обратным результатам.

Данный мотив является конструктивным при его рассмотрении на макросистемном уровне психологического функционирования семьи. Он обеспечивает чувство принадлежности к своему роду и чаще всего является неосознаваемым. В случае его несовпадения с индивидуальными потребностями женщины этот мотив можно считать деструктивным [106].

Семья, ожидающая ребенка, стоит на пороге серьезных изменений и, по мнению многих специалистов, становится уязвимой и нестабильно функционирующей. Изменения, происходящие с женщиной в связи с фактом беременности, влияют на психологическую обстановку и характер взаимоотношений в супружеской паре. В свою очередь, семейная ситуация обу-

словливает психоэмоциональное состояние будущей матери и, соответственно, оказывает влияние на развитие плода.

Ожидание ребенка переживается многими женщинами как эмоциональный кризис, стресс, поворотный пункт или болезнь. Беременность, особенно первая, — это кризисный момент, связанный с формированием женской идентичности и подтверждением половой принадлежности будущей матери.

Рождение нового члена семьи является кризисным событием, которое дестабилизирует семейную систему и может привести к ряду трудностей. С появлением ребенка перед супругами встает необходимость снова перестраивать взаимоотношения (актуализируются проблемы иерархии, близости и т. д.), которые стабилизировались на предыдущей стадии. Изменяется состав семейных подсистем, возникают новые аспекты отношений с родственниками. Все это для некоторых членов семьи выступает источником болезненных переживаний. По словам С. Минухина, рождение ребенка знаменует появление в семье новой диссипативной (упорядочивающей) структуры. Это неизменно приводит к переструктурированию супружеского холона (супружеской подсистемы) и нередко ставит под угрозу существование всей семьи [71].

Таблица 9

Мотивация беременности

Конструктивные мотивы беременности	Деструктивные мотивы беременности
Стремление дать жизнь другому человеку со всей его уникальностью и неповторимостью	Стремление иметь существо, которое воплотит нереализованные планы, мечты и стремления матери. Стремление женщины избежать одиночества («чтобы был хоть один близкий человек», «чтобы чувствовать себя кому-то нужной»). Способ восполнения дефицита любви к самой себе («хоть кто-то будет меня любить»)
Беременность как способ принадлежать семейной системе («в нашей семье все женщины рожали первого ребенка в 22 года»)	Беременность как соответствие социальным ожиданиям («быть как все», «возраст вынуждает», «родители хотят иметь внуков», «у всех подруг уже есть дети», «муж очень хотел ребенка» и др.)

Конструктивные мотивы беременности	Деструктивные мотивы беременности
Беременность как выражение обоюдного желания супругов иметь ребенка («мы любим друг друга и хотим иметь общего ребенка»)	Беременность как способ сохранения отношений и удержания супруга в браке («привязать мужа», «вернуть мужа», «предотвратить его уход из семьи» и др.)
Стремление быть матерью как результат психофизиологической готовности женщины к материнству («хочу заботиться о ребенке», «хочу ощутить радость материнства» и др.)	Беременность как способ достижения псевдодифференциации от родительской семьи («показать родителям, что стал(а) взрослым человеком», «родила всем назло»). Беременность как способ легализации брака («вынудить родителей смириться с браком»)
	Материальные мотивы («улучшить жилплощадь», «приобрести статус многодетной семьи и получить льготы» и др.)
	Беременность ради сохранения собственного здоровья («аборт вреден для здоровья», «боюсь, что после аборта не смогу иметь детей», «беременность омолаживает организм»)
	Беременность как отказ от прошлого, как новый этап в жизни женщины или как способ перечеркнуть «бурное» прошлое

Факт рождения ребенка обозначает переход диадических отношений в семье к триадным: формируется треугольник отношений, включающий в себя родителей и ребенка. По сути триангуляция имеет место уже в период беременности, так как еще не рожденный ребенок имплицитно присутствует в семье.

Понятие «треугольник» было впервые введено М. Боуэном и в настоящее время широко используется в психологии и психотерапии семьи. Треугольники — это любые взаимоотношения с тремя каналами связи. Основной семейный треугольник состоит из отца, матери и ребенка. Существует предположение о том, что взаимоотношения любых двух участников треуголь-

ника зависят от его третьей стороны. Чем ближе друг другу двое людей, входящих в треугольник, тем больше дистанция между ними и третьим участником данной структуры. Формирование треугольников и вовлечение третьего во взаимоотношения обычно способствует снижению напряжения в первоначальной диаде. В период после рождения ребенка на периферии треугольника, как правило, находится отец, а между матерью и ребенком образуются симбиотические отношения. В то же время роль отца очень важна для существования диады «мать — ребенок». Она заключается в том, что он может периодически брать на себя функции ухаживающего объекта, позволяя матери на время дистанцироваться от ребенка и отдохнуть от интенсивных отношений с ним. Таким образом он на время становится «символической матерью жены».

В этот период отец может почувствовать себя исключенным из семьи, переживать чувство ревности, поскольку мать все свое внимание направляет на ребенка. В ответ на дистанцирование супруги у мужа нередко возникают чувство «эмоционального голода» и потребность искать близость с другими членами семьи, вне семьи, либо уходить в сферу профессиональных достижений, еще больше таким образом отдаляясь от семьи. Жена, ожидающая от мужа эмоциональной поддержки и помощи по уходу за ребенком и ведению домашнего хозяйства, не получая желаемого, может начать переживать обиду и предъявлять претензии к мужу. Результатом, как правило, становится усиление концентрации супруги на ребенке, что провоцирует новую волну дистанцирования мужа. Тем самым ребенок уже с первых дней жизни выступает регулятором психологической дистанции между родителями. Однако подобные циркулярные процессы могут привести к эмоциональному разрыву как дисфункции супружеской пары.

В это время вновь становятся актуальными проблемы внешних границ семьи. Рождение ребенка представляет собой факт объединения двух семей. Появляются новые роли — бабушки и дедушки; меняется интенсивность контактов с родительскими семьями. Брак, который в расширенной семье не признавался либо рассматривался как временный, с рождением ребенка часто легализуется [60].

Одним из обстоятельств, которое осложняет протекание данного нормативного кризиса, является послеродовая депрессия у матери. Причинами ее возникновения могут служить:

- особенности протекания беременности и родов;
- наличие эндокринных нарушений;
- токсикоз беременности;
- физическая незрелость и неготовность к беременности и родам, в том числе и психологическая неготовность к материнству;
- нежелательная беременность;
- нарушение полоролевой идентичности женщины;
- недифференцированность от матери;
- нарушение взаимоотношений с мужем;
- профессиональные и материальные проблемы, связанные с рождением ребенка.

А. Кемпински выделяет следующие формы послеродовой депрессии:

- неврастеническая, проявляющаяся в замученности, раздражительности, ухудшении умственных и физических способностей, потере либо увеличении веса женщины;

- безразличия и апатии, где на первый план выступают ощущение потери энергии, неспособность матери принять решение, трудности в выполнении привычных домашних обязанностей, ощущение пустоты жизни, равнодушие в отношениях с мужем и ребенком, жалобы ипохондрического характера;

- тревоги и страха, связанная со страхом женщины не справиться с функциями матери, с навязчивыми мыслями, что с ребенком может что-то случиться или она может причинить ему зло.

Достаточно острой в этот период является проблема дефицита самореализации у матери, деятельность которой ограничена лишь заботой о ребенке и семье. У женщин, ранее занятых собственной карьерой, могут возникнуть чувства неудовлетворенности и зависти по отношению к активной социальной жизни супруга. Иногда возникает сверхвовлеченность матери в уход за ребенком как способ компенсации недостаточно насыщенной жизни. Личностный кризис супруги может стать дополнительным фактором, дестабилизирующим семейную систему в этот период [57].

Третий нормативный кризис происходит в период, когда дети включаются во внешние социальные структуры. На этом этапе семья может переживать два кризиса, связанных с включением ребенка во внешние социальные структуры (детское

дошкольное учреждение и школа). Родители впервые переживают тот факт, что ребенок принадлежит не только им, но и более широкой социальной системе, которая также может оказывать на него влияние.

Иногда ребенок не посещает детский сад. В этом случае кто-то из членов семьи либо няня берет на себя заботу о нем, его развитии, социализации. Тем не менее большинство семей в нашей стране предпочитают отдавать своих детей в детские дошкольные учреждения. К моменту достижения ребенком возраста трех лет у него возникает потребность в расширении сферы его социальных контактов. К этому возрасту, после периода почти полного сосредоточения на самом себе и на матери, у ребенка возникает желание вступать во взаимоотношения с более широким социальным окружением, что сопровождается возрастанием самоконтроля и способности устанавливать отношения привязанности и доверия с другими людьми. Усиливается стимул к исследованию мира и отделению от матери («Я хочу это сделать сам»), к этому времени у матерей также может возникнуть потребность снизить интенсивность взаимодействия с ребенком, вновь приблизиться к мужу, который мог находиться на периферии треугольника вследствие ее концентрации на ребенке, а также заняться собственной профессиональной карьерой.

В связи с этими изменениями встает необходимость перераспределить обязанности и обозначить новые границы семьи. В случае профессиональной занятости обоих супругов они должны прийти к новому соглашению в следующих сферах семейной жизни:

— посещение ребенком детского сада: родителям необходимо договориться о том, кто будет отводить и забирать ребенка из детского сада, кто будет находиться дома, когда ребенок болеет, кто будет посещать детские мероприятия (утренники, родительские собрания и т. д.), кто занимается развитием ребенка вне детского сада;

— хозяйственно-бытовая сфера: требует своего изменения прежний супружеский договор относительно распределения домашних обязанностей (покупка продуктов, приготовление пищи, уборка квартиры и т. д.);

— сфера досуга: должны быть определены оптимальные для существования данной семейной системы формы и способы проведения свободного времени.

Переживание семьей данного кризиса зависит от степени готовности родителей к расширению сферы контактов их ребенка; от умения поддерживать его возрастающую самостоятельность; от гибкости семейной системы, обуславливающей способность всей семьи к изменениям; от уровня коммуникативных умений, определяющих способность супругов договариваться об изменениях [68].

В возрасте шести-семи лет большинство детей начинают посещать школу. На этом этапе проблемы в семейной системе возникают «в связи с тем, что ребенок все чаще занят вне семьи». У ребенка напряжение растет в связи с включением в новый социальный институт и изменением требований, тогда как у родителей — в первую очередь по причине того, что «продукт их воспитательной деятельности оказывается объектом всеобщего обозрения». Задача супругов на этом этапе — поддержать ребенка и помочь ему адаптироваться к новым социальным условиям, порождающим ряд трудностей и проблем:

- трудности, связанные с новым режимом дня. Наиболее значимы они для детей, не посещавших детские дошкольные учреждения, прежде всего вследствие низкой произвольной регуляции поведения и организованности;

- трудности адаптации ребенка к классному коллективу;

- трудности, связанные с взаимоотношениями ребенка с учителем, истоки которых могут лежать в сфере детско-родительских отношений, будучи обусловленными стилем семейного воспитания;

- трудности, вызванные необходимостью принять новые требования со стороны родителей.

Одной из распространенных проблем этого периода является школьная фобия у ребенка. Если у него при этом отсутствуют школьные проблемы, то с большой вероятностью школьная фобия может выступать симптомом, необходимым семейной системе для поддержания ее функционирования.

Поступление ребенка в школу требует от семьи гибкости, выражающейся в способности принять факт приобретения ребенком нового социального статуса и поменять свои структурные параметры. За счет расширения сферы социальных контактов ребенка происходят изменения внешних границ семьи. Важным оказывается организация родителями адекватной помощи школьнику. В связи с этим они зачастую вынуждены пересмотреть распределение обязанностей в семье, что

побуждает супругов достигать нового соглашения в следующих вопросах семейной жизни:

— кто в случае необходимости отводит и забирает ребенка из школы;

— кто помогает выполнять ребенку домашнее задание и в чем должна заключаться помощь;

— кто занимается развитием ребенка во внеурочное время (водит на занятия спортивной секции, в театр, играет в познавательные и развивающие игры и т. д.);

— будет ли ребенок посещать группу продленного дня и будет ли с ним кто-то находиться, если это не предусматривается;

— какие требования будут предъявляться к ребенку как к ученику и члену семьи;

— кто будет ходить на родительские собрания и участвовать в школьной жизни ребенка.

К этому времени в семье уже могут быть сформированы стереотипные паттерны взаимодействия, затрудняющие адаптацию ребенка к новым социальным условиям. Те способы взаимодействия, которые были приемлемы в семье, могут оказаться неэффективными при установлении новых отношений: способы получать поддержку, внимание, любовь, заботу, способы достигать желаемого и т. п. Если ребенок привык в семье удовлетворять свои потребности через капризы, он, скорее всего, будет вести себя точно так же и в школе, где данный способ поведения неприемлем. Сложности у ребенка могут возникнуть и в том случае, когда в семье нет ясных границ и нарушена иерархия (существует перевернутая иерархия) — это чревато проблемами, связанными с принятием школьных норм и правил. Адаптация к школе может быть затруднена, если ребенок не посещал детский сад и не имеет опыта внесемейных контактов (общение со сверстниками при посещении спортивных секций, кружков, летних оздоровительных лагерей и др.) [98].

Трудности переживания данного кризиса могут быть осложнены наличием разногласий или раскола в родительской диаде. Пара может попытаться теперь решать проблемы посредством ребенка. Он может использоваться в качестве козла отпущения, партнера в коалиции одного супруга против другого, примирителя в конфликтах, а иногда — единственного оправдания

брака. Вновь актуальными становятся проблемы, не решенные еще до его рождения.

Если супругам не удалось договориться и выработать общую воспитательную стратегию, то это может привести к войне, в которой каждый из супругов стремится перетянуть на свою сторону ребенка. Союз одного из родителей с ребенком против другого (межпоколенная коалиция), являясь одной из наиболее распространенных проблем существования семьи, особенно остро переживается в ее переходные (кризисные) периоды. Восприятие воспитательной модели брачного партнера как неприемлемой или неправильной может привести к тому, что каждый родитель пытается спасти ребенка от другого. Мать может чрезмерно опекать ребенка, а отец — держаться подальше, чтобы окончательно «не испортить его». Когда отец пробует выдвинуть свои требования к ребенку, мать вмешивается и пытается смягчить или обесценить их, подрывая тем самым попытки отца принимать участие в воспитании. Этот цикл может повторяться, причем ни один из родителей не в состоянии по-настоящему повлиять на ребенка. Споры по поводу воспитания ребенка могут выступать способом объединения супружеской пары. Парадокс происходящего заключается в том, что если супруги договорятся, то у них исчезнет повод для взаимодействия. Эта ситуация создает для ребенка большое поле для манипуляций родителями и может осложнить его адаптацию в любой среде, основанной на вертикальных отношениях.

В другом случае супруги формально могут договориться о воспитательной стратегии в отношении ребенка, однако его проблемное поведение все равно будет необходимо для объединения супружеской пары, и в связи с этим родители будут неосознанно его поддерживать [68].

Таким образом симптоматизация ребенка может являться одним из неконструктивных способов решения супругами данного кризиса.

На переживание рассматриваемого кризиса может оказывать влияние первый критический период супружеских отношений, возникающий примерно между третьим и седьмым годами совместной жизни. Он связан с деидеализацией партнера, исчезновением романтических чувств и настроений, с появлением чувства усталости от брака и разочарованием в партнере. Снижение толерантности и терпимости супругов

друг к другу в данный период по сравнению с первыми годами супружества, расширение ролевого диапазона и появление новых областей отношений, требующих от супругов умения договариваться, обостряет протекание третьего нормативного кризиса семьи.

Четвертый нормативный кризис. Этот кризис начинается по достижении ребенком подросткового возраста. В. В. Козлов считает, что среди множества различных кризисов с которыми приходится сталкиваться человеку в течение жизни, подростковый кризис играет особую роль. Он является самым длительным по времени и самым острым по эмоциональному накалу. Основными причинами этого кризиса являются физиологические и психологические изменения, происходящие в организме ребенка. Проблемы, не решенные во время подросткового кризиса, приводят к инфантильности и отсутствию уверенности в себе, что не может не сказаться во взрослой жизни [41].

Подростковый возраст — период вторичной индивидуации ребенка, которая, по мнению Блоса, включает в себя два взаимно переплетающихся процесса:

- 1) отделение, или сепарация;
- 2) отказ от родителей как главных объектов любви и нахождение заместителей вне семьи.

Подростку предстоит пройти свой кризис идентичности. При этом пребывание только в социальной роли сына или дочери становится уже недостаточным для того, чтобы адаптироваться ко взрослой жизни. В результате он находит новые модели жизни, расширяя сферу своих социальных контактов и выходя за пределы семьи. Фактором, облегчающим этот процесс, является наличие поддержки со стороны семьи и уверенность в ее стабильности и надежности.

Важнейшим аспектом процесса вторичной индивидуации является деидеализация родителей. Переживание любви к родителям и ее обесценивание, связанное с необходимостью сепарироваться от семьи, порождает внутриличностный конфликт. Подросток ощущает потерю внутренней поддержки вследствие символического «убийства» родителей, представленных в его внутреннем мире правилами, нормами и ценностями, регламентирующими жизнь в семье и социуме. Чтобы избавиться от чувства опустошенности, сопровождаемого ощущением болезненного отчуждения, и получить поддержку

по мере продвижения к независимости, он включается в интенсивные взаимоотношения со своими сверстниками [3].

В поисках собственной идентичности подросток может бросать вызов семейным правилам, регламентирующим его личную жизнь, шокировать семью нетипичными для нее ценностями и поведением. Это нередко приводит к росту конфликтности в семье, основными областями которой являются: аккуратность, помощь в домашнем хозяйстве, успеваемость в школе, общение со сверстниками, внешний вид подростка, вредные привычки, вопросы эротики и секса. Среди причин подобных конфликтов наиболее важными являются:

- различие опыта детей и родителей, прежде всего касающееся подросткового периода;

- несформированность четких этапов перехода от детской зависимости ко взрослой независимости;

- отсутствие правил, определяющих ослабление родительской власти;

- психологические и социальные различия между родителями и детьми.

Таким образом большинство конфликтов вытекает из напряженности, создаваемой потребностью подростков в самостоятельности и осознанием взрослыми ответственности за своих детей [74].

Сложность процесса вторичной индивидуации может выражаться в амбивалентном поведении подростка: он может казаться то очень взрослым, то совсем маленьким ребенком. Противоречивость процесса взросления, как правило, болезненно переживается самими родителями и вызывает полярные переживания, связанные с желаниями то чрезмерно контролировать ребенка, то поддерживать его автономность. В результате происходит столкновение взаимоисключающих тенденций: с одной стороны — стремления родителей видеть своего ребенка независимым и самостоятельным, а с другой — гиперпротекционистских установок, стремления контролировать жизнь подростка. Это является для них своеобразным испытанием в способности доверять ребенку.

В силу этих обстоятельств семья переживает чрезвычайно тяжелый период, который можно назвать «кризисом ответственности». Он связан с необходимостью перераспределить зоны ответственности в семье и, в частности, определить, какова доля ответственности подростка. Семье нужно выра-

ботать соглашение по поводу того, за что может отвечать ребенок, а за что нет, каковы теперь обязанности родителей. Этот процесс может быть очень болезненным, сопровождаться конфликтами, отсутствием взаимопонимания с обеих сторон, нежеланием считаться с чувствами друг друга, попытками родителей усилить контроль за подростком и эмоциональной отстраненностью от его реальных трудностей, неприятием его нового статуса.

Для самого ребенка подростковый возраст — весьма сложный период. Личность подростка еще не сформирована. Любое вмешательство в его жизнь вызывает тревогу и воспринимается им как угроза его целостности. Тело претерпевает изменения: девочка становится девушкой, мальчик — юношей. Эти изменения могут стать фактором осложнений детско-родительских отношений в том случае, если у родителей имеются собственные неразрешенные конфликты во взаимодействии с представителями своего либо противоположного пола [57].

К наиболее типичным вопросам, которые волнуют родителей в этот период, можно отнести следующие.

- Надо ли установить жесткие ограничения или дать подростку больше свободы?
- До каких пор можно предоставлять ребенку свободу?
- Как относиться к некоторым шокирующим моментам в поведении ребенка?
- Стоит ли контролировать общение подростка с друзьями?
- Какие особенности поведения ребенка можно считать типичными для данного возраста, а какие сигнализируют о неблагополучии в его развитии и др. [68].

С достижением ребенком подросткового возраста перед семьей вновь встает необходимость в структурных изменениях. Подростковый кризис на микросистемном уровне психологического функционирования семьи можно рассматривать как внутрисемейную борьбу за поддержание прежнего иерархического порядка. Родители больше не обладают всей полной властью и должны считаться с все возрастающей компетентностью подростка. В связи с этим им необходимо предоставить ему больше автономии и быть более гибкими в принятии его возрастающей независимости.

Разрешение проблем на данном этапе вновь будет зависеть от способов решения критических задач, коммуникации

и ведения переговоров, выработанных на более ранних стадиях развития семьи.

В тот период, когда дети входят в подростковый возраст, супруги часто сталкиваются с переменами в собственной жизни, что нередко вызывает переоценку и супружеских отношений. В случае если она приводит к расколу родительской (супружеской) диады, ребенок склонен объединяться с тем или другим родителем для обретения бóльшей свободы. В результате в семье может возникать такое структурное нарушение, как межпоколенная коалиция [71].

Проблемы в семейной системе, обусловленные поведением подростка, тесно связаны с опытом, имеющимся в расширенной семье. Как правило, на особенности переживания семьей данного кризиса оказывает влияние характер преодоления подростковых коллизий самими родителями. С позиции собственного опыта они могут стремиться оградить детей от ошибок, допущенных ими в том же возрасте. Некоторые родители пытаются реализовать через детей то, что им самим не удалось в свое время сделать либо получить от своих родителей. Так, например, родитель, с особым рвением относящийся к выполнению своих родительских обязанностей, может компенсировать недостаток внимания, участия и необходимого контроля в его подростковом опыте взаимодействия с собственными излишне либеральными родителями. В оправдание своего поведения родители обычно говорят, что хотели бы избежать ошибок, допущенных прародителями, избавить своих детей от боли, которую довелось испытать самим, а также уберечь детей от неприятностей, с которыми им пришлось столкнуться. Однако чаще всего они склонны воспроизводить собственный опыт детско-родительских отношений, взаимодействуя с ребенком так же, как это делали их родители.

Таким образом, если родители когда-то столкнулись с трудностями при отделении от своей семьи, для поддержания эмоционального баланса они будут склонны культивировать зависимость в собственном ребенке. Развитие его индивидуальности может таить в себе угрозу для семьи с проблемами в супружеской подсистеме, провоцируя тревогу расставания и страх одиночества у родителей. В этом случае супруги не будут способны признать возрастающую потребность ребенка в самостоятельности и последний, чтобы заслужить их одо-

брение, в свою очередь окажется вынужден игнорировать собственные желания [107].

По мнению Кемпинского А., у подростков, не способных отделиться от своих родителей, могут наблюдаться депрессивные симптомы. Депрессия может развиваться в случае, когда подросток пытается удовлетворить потребности родителей в ущерб собственным. Среди проявлений подростковой депрессии выделяют следующие:

- форма безразличия и апатии;
- форма бунта против старшего поколения;
- форма самоотречения (отсутствие веры в самого себя и отказ от прогнозирования своего будущего);
- лабильная форма (колебания настроения, в основе которых лежат гормональные изменения).

Подростковая депрессия может скрываться за проблемным поведением в школе, гиперсексуальностью и асоциальным поведением ребенка. В подобных случаях родители обычно применяют карательные меры воздействия, расценивая поведение подростков как немотивированное и нуждающееся в коррекции, что еще более усугубляет депрессию.

Протекание данного семейного кризиса может осложняться часто приходящимся на этот же период личностным кризисом «середины жизни» родителей.

Кроме того, интенсивность, длительность и болезненность переживания семьей данного переходного этапа во многом определяются качеством преодоления предыдущих кризисов и количеством неразрешенных задач развития семейной системы.

Пятый нормативный кризис: ребенок покидает родительский дом. Данный нормативный кризис связан с процессом отделения молодого человека от семьи и началом его самостоятельной жизни. Изменения структуры семьи, обусловленные уходом детей или появлением новых членов семьи, вызывают у всех участников этого процесса острые переживания.

В нашей культуре отсутствуют четкие традиции и церемонии, знаменующие приобретение молодым человеком нового статуса и требующие от родителей изменения отношения к нему. Несмотря на то что существует ряд событий, которые так или иначе связываются с переходом к взрослости (получение паспорта, поступление в среднее специальное (высшее) учебное заведение, призыв на военную службу, начало трудо-

вой деятельности, заключение брака, отдельное проживание и др.), их наличие не означает полного отделения и автономии детей от родительской семьи, так как молодые люди часто остаются финансово и эмоционально зависимыми от родителей.

В случае ухода детей из родительской семьи супруги оказываются перед необходимостью пересмотреть свои отношения. Если прежде они полностью фокусировались на ребенке (или детях), может так случиться, что у них не останется общих тем для разговоров и оснований для продолжения совместной жизни. Иногда, наоборот, пары достигают согласия по давним проблемам, решение которых было отложено из-за появления детей [44].

Данный кризис, по мнению А. В. Черникова, может переживаться не единожды, в зависимости от состава семьи, и с различной степенью интенсивности. В некоторых семьях проблемы, связанные с отделением детей, достигают максимальной остроты, когда самый старший ребенок покидает дом, в других обстановка ухудшается по мере того, как уходят все более младшие дети, и особенно острым становится кризис, когда последний ребенок должен покинуть семью. Нередко родители, успешно отпускаая некоторых детей, вдруг остро ощущают напряжение, когда критического возраста достигает определенный ребенок. Как правило, такой ребенок выполнял в семье важную, чаще всего гомеостатическую функцию, выступая либо как посредник в родительском общении, либо в качестве объекта их совместной любви и заботы. И в том, и в другом случаях этот «особый» ребенок служит для объединения супружеской подсистемы, в связи с чем его потеря ставит под угрозу ее стабильное существование. В семьях, где есть только один родитель, он может воспринять уход ребенка как начало одинокой старости [96].

Конфликт в семье, которая не может отпустить ребенка, нередко становится источником его проблемного поведения (например побегов из дома, злоупотребления запрещенных психоактивных веществ, промискуитета, суицида и др.). Для понимания процессов, происходящих в семье в этот период, весьма полезной может оказаться теория семейных систем М. Боуэна [108]. Согласно Боуэну семья — это эмоциональная система, представляющая собой трансгенерационный феномен. Центральным концептом данной теории

является понятие о дифференциации «ч». Недифференцированность на уровне семейной системы выражается в высоком уровне сплоченности или отчужденности между членами семьи в зависимости эмоционального состояния каждого члена семьи от одного и того же фактора семейной жизни. Низкий уровень дифференциации обуславливает ригидность семьи как системы и становится причиной ее плохой адаптивности, в частности, затрудняет переход от одного этапа ее развития к другому, то есть осложняет протекание нормативных кризисов. Используя концепцию М. Боуэна об уровнях дифференциации, можно обозначить несколько исходов данного кризиса.

1. Эмоциональное отделение, предполагающее сохранение отношений молодого человека с членами семьи при одновременном принятии родителями факта его взрослости. Способность молодого взрослого дифференцироваться от своей родительской семьи в перспективе ведет к развитию автономии в отношениях с будущими членами семьи и друзьями.

2. Эмоциональная зависимость молодого человека от семьи при общем низком уровне дифференциации ее членов. В этом случае существует два возможных варианта развития отношений в семье. В первом случае молодой человек продолжает сохранять очень тесные взаимоотношения хотя бы с одним из родителей. Во втором имеет место географическое и (или) психологическое дистанцирование от родительской семьи по принципу эмоционального разрыва, создающее иллюзию независимости и автономного существования. Оно возникает тогда, когда интенсивность эмоциональных связей в системе очень велика и тяга к слиянию слишком сильна. Данный процесс не может рассматриваться как подлинная сепарация вследствие незавершенности детско-родительских конфликтов. Такой тип дистанцирования не означает ослабления эмоциональных связей в семье. В результате молодой человек может испытывать напряжение и тревогу, неосознанно воспроизводя дисфункциональные семейные паттерны, выстраивая отношения в собственной будущей семье. Таким образом эмоциональный разрыв не только не исключает, а предполагает сверхблизость, являясь ее оборотной стороной [13].

Способ ухода молодого человека из родительской семьи определяет, в свою очередь, его позицию по отношению

к ней — респонсивную (выбирающую) или реактивную (вынужденную). При успешном отделении от родительской семьи молодой человек сохраняет возможность возвращения, если это отвечает его желаниям. Вынужденная позиция предполагает, что, независимо от собственных желаний, он вынужден либо находиться вне семьи, либо возвращаться в семью к выполнению своей привычной роли для поддержания пошатнувшегося с его уходом равновесия.

Молодой человек может продолжать выполнять функцию семейного стабилизатора, даже если живет отдельно от родителей — например, посредством симптоматизации или девиации его поведения. Он может оказаться несостоятельным в профессиональной либо личной сфере, у него могут появиться какие-либо проблемы (финансовые, правовые, проблемы со здоровьем и т. д.). В этом случае семья, поглощенная решением трудностей ребенка, вновь обретает стабильность и целостность, словно он и не покидал ее. Следовательно, до тех пор, пока молодой человек будет несостоятельным, родители могут проявлять свою совместную заботу о нем, избегая таким образом необходимости выстраивания отношений друг с другом [71].

Процесс сепарации в диаде «родитель — ребенок» обусловлен историей жизни нескольких поколений семьи. Чем более успешным было отделение родителей в юности от собственных родительских семей, тем легче им будет «отпустить» своего ребенка, поддержать его в приобретении автономии.

Шестой нормативный кризис семьи, в основном выполнившей свою родительскую функцию. Семью, в основном выполнившую свою родительскую функцию, часто называют «опустевшим гнездом». Этот кризисный период начинается с уходом из дома последнего ребенка. Он может протекать вполне гладко, если паре удалось отпустить детей и сохранить при этом близкие отношения с ними на фоне благополучия в супружеской подсистеме.

В связи с уходом детей изменяется структура семьи: существовавший на протяжении долгого времени треугольник, включавший мать, отца и ребенка, трансформируется в супружескую диаду. При успешном разрешении предыдущего кризиса взрослый ребенок приобретает свободу для выстраивания новых отношений, сохраняя способность приближаться к своей родительской семье, восстанавливая на время «треугольные»

отношения, и отдаляться от нее. Подобные преобразования требуют установления нового баланса близости — отдаленности и изменения ролевой структуры семьи.

Таким образом на первый план вновь выступают супружеские отношения. Протекание данного кризиса может обостряться при наличии не решенных на предыдущих этапах супружеских проблем: партнерам вновь предстоит научиться жить вдвоем. Однако даже достаточно гармоничные супружеские пары этот период могут переживать достаточно болезненно [38].

Фактором, затрудняющим решение семьей задач развития в данный кризисный период, является факт совместного проживания родителей с детьми, что довольно распространено в нашем обществе. Это может способствовать развитию следующих негативных тенденций:

- затруднение процесса сепарации выросших детей;
- сохранение старых (родитель — ребенок) и возникновение новых межпоколенных коалиций (прародители — внуки, свекровь — невестка и др.);
- сложности в выстраивании границ между родительской и молодой семьей;
- нарушения ролевой структуры расширенной семьи (ролевые инверсии).

Главной задачей развития семьи на этом этапе является адаптация к потере социальных ролей и социальной активности, так как данный кризис по времени часто совпадает с завершением профессиональной деятельности и выходом супругов на пенсию. Факт ухода на пенсию по-разному влияет на мужчин и женщин. Мужчины острее ощущают утрату продуктивности и социальных связей. Женщины переживают выход на пенсию более спокойно, особенно если они продолжают вести домашнее хозяйство. С выходом супругов на пенсию один из них может начать болеть, чтобы у пары появился смысл для дальнейшего существования. Тогда в паре появляются новые роли: «болеющего» и «заботящегося», «спасителя» и «нуждающегося в помощи», что позволяет стабилизировать данную систему и является способом компенсировать утрату родительских функций [10].

Проблемы, переживаемые супругами в связи с выходом на пенсию, касаются нескольких контекстов:

1) широкого социального (потеря социальных контактов, утрата значимой работы, значительное снижение доходов и др.);

2) внутрисемейного (проблемы, связанные с высвобождением времени для внутрисемейных контактов);

3) внутриличностного (снижение самооценки, кризис самоидентичности, появление эмоциональных и когнитивных расстройств).

Одним из наиболее важных аспектов данного кризиса является необходимость принятия супругами новых ролей бабушки и дедушки. Благодаря внукам поддерживается связь между пра-родителями и их взрослыми детьми. Роли бабушки и дедушки помогают супругам адаптироваться к уходу на пенсию, заново пережить родительство и дают возможность компенсировать неудачи, связанные с взаимоотношениями с собственными детьми [96].

Задачи семьи на этапе «опустевшего гнезда» пересекаются с проблемами взрослых детей и внуков, переживающих собственные этапы развития. Неспособность членов семьи справиться с задачами своего развития зачастую становится причиной конфликтов поколений. Симптоматизация пожилых супругов на данном этапе не всегда связана с ухудшением их здоровья, а может представлять собой неосознаваемую попытку получить внимание и заботу со стороны повзрослевших детей.

Существует несколько вариантов выхода из данного кризиса:

— конструктивный, связанный с личностным ростом супругов, появлением новых сфер для их самореализации, возможностью получать удовольствие от зрелых супружеских отношений и осуществлять планы, выполнение которых было затруднено или отложено в связи с воспитанием детей;

— неконструктивный, выражающийся в потере смысла жизни, возникновении ощущения ненужности, одиночества, снижении творческого потенциала супругов, разочаровании в браке, расколе супружеской подсистемы, невозможности найти удовлетворяющие сферы активности, замещающие воспитание детей и продолжающуюся концентрацию на жизни последних [99].

Повторный брак. В заключение нельзя не упомянуть такой феномен современной жизни, как повторный брак. Он пред-

ставляет собой еще один семейный кризис, который, однако, не является строго нормативным, поскольку его переживает не каждая семья. Вместе с тем для людей, вступающих в новый брачный союз, он сохраняет свою нормативность и знаменует начало жизненного цикла новой семьи.

Повторным называется брак, который создается человеком (людьми), ранее уже состоявшим(и) в брачных отношениях. Он подразумевает объединение уже не двух, а трех и более родов, в результате чего образуется смешанная семья, или семья повторного брака [79].

По данным статистики, в повторный брак вступают чуть менее половины разведившихся людей. Мужчины вступают в повторный брак чаще, чем женщины. Повторный брак отличается от первичной семьи. Он не хуже и не лучше; он — иной в своей основе. Они существуют по разным законам. Для повторного брака характерны свои специфические этапы, задачи развития, отличительные особенности и проблемы.

Среди психологов, изучавших проблему повторного брака, можно выделить В. Сатир; Ж. Лофаса, Д. Сова, Г. Фигдора. Вирджиния Сатир называет семью, созданную мужчиной и женщиной, имеющих детей от первого брака, смешанной семьей. Эти семьи являются объединением частей от ранее существовавших семейных систем. В пространство такой семьи включены и бывшие мужья, и бывшие жены.

По стадиям развития повторного брака Дж. Браун и Д. Кристенсен выделяют следующие этапы:

- 1) сепарация или развод;
- 2) неполная семья;
- 3) ухаживание;
- 4) повторный брак.

Существуют несколько типов повторных браков. Основаниями для классификации могут выступать.

1. *Характер прекращения предыдущих брачных отношений:*
 - брак, в котором хотя бы один из супругов пережил развод;
 - брак, в котором хотя бы один из супругов пережил смерть брачного партнера.
2. *Наличие или отсутствие опыта брачных отношений:*
 - брак, в котором один из партнеров имел опыт супружеских отношений;

— брак, в котором оба партнера имели опыт супружеских отношений.

3. *Число детей, рожденных в предыдущих браках:*

— брак, в котором ни один из партнеров не имеет детей от предыдущих браков;

— брак, в котором один из партнеров имеет детей от предыдущих браков;

— брак, в котором оба партнера имеют детей от предыдущих браков.

4. *Разница в возрасте между партнерами:*

— брак, в котором партнеры являются ровесниками или один из них незначительно старше другого;

— брак, в котором один партнер намного старше другого (разница в возрасте превышает десять лет).

Каждый тип повторного брака предполагает свой комплекс трудностей, с которыми могут столкнуться члены новой семьи при переживании данного кризиса. К числу последних можно отнести следующие:

— ролевая неопределенность;

— отсутствие общих традиций или норм;

— проблемы в определении границ новой семьи;

— сложности установления близких отношений с членами расширенных семей;

— если в семью попадают дети от предыдущих браков — трудности в детско-родительских взаимоотношениях;

— отягощение повторного брака проблемами, не разрешенными в предыдущем браке.

Длительность данного семейного кризиса и особенности связанных с ним переживаний носят индивидуальный для каждой семьи характер. Чтобы адаптироваться к новой ситуации, членам смешанной семьи может потребоваться достаточно много времени [71].

Ролевая неопределенность в семье, возникшей в результате повторного брака, может приводить к разнообразным, специфическим для данного кризиса, эмоциональным проблемам. Прежде всего, их появление связано с необходимостью принимать на себя родительские функции по отношению к детям, которые не являются родными, и делить эти функции с биологическими родителями, распределяя полномочия и зоны влияния. Родители, оставившие детей от предыдущего брака, в связи с возможным переживанием чувства вины часто стре-

мятся к установлению более близких отношений с пасынком или падчерицей.

Эти процессы нередко осложняются иррациональными представлениями партнеров о характере межличностных отношений в смешанной семье.

Наиболее распространенными семейными мифами о повторном браке являются:

- если партнер любит меня, то будет любить и моих детей;
- супруг (супруга) должен любить моих детей как собственных;
- мачеха (отчим) никогда не будет любить моего ребенка как собственного;
- ребенок никогда не сможет полюбить мачеху (отчима), так как он должен любить своего родного отца (мать);
- ребенок будет страдать от присутствия в семье чужого мужчины (женщины);
- мачеха (отчим) не должна вмешиваться в воспитание неродного ребенка;
- повторный брак всегда успешнее предыдущего;
- каждый последующий брак всегда хуже, чем предыдущий и др.

Формирование смешанной семьи связано с конфликтом лояльности у детей. Для ребенка крайне важно поддерживать контакт с кровным родителем, устанавливая одновременно позитивные взаимоотношения с приемным родителем. В то же время повторный брак родителя нередко сочетается с неопределенностью семейной принадлежности детей. Лояльность к кровным родителям может сопровождаться неудовлетворительными отношениями с мачехой или отчимом. И наоборот, принятие мачехи или отчима может переживаться ребенком как предательство родного родителя, не проживающего с ребенком. Одновременно дети могут опасаться, что их нелюбовь к отчиму или мачехе обидит проживающего с ними родителя [85].

Одной из задач, встающих перед семьей, переживающей данный кризис, является установление семейных границ: внутренних, касающихся взаимодействия между членами образовавшейся семьи, и внешних, регулирующих отношения с ближайшими родственниками и социальным окружением. Возникает целый ряд вопросов, касающихся состава семьи, определения семейной собственности, областей ответствен-

ности, особенностей детско-родительских отношений. Особую важность приобретает необходимость донесения до ребенка изменений, происходящих в семье, и правил, связанных с приходом в семью нового человека (людей). Дети в этот период особенно остро испытывают потребность в поддержке и помощи со стороны родного родителя.

Основная задача развития в семье повторного брака состоит в том, чтобы держать границы проницаемыми. Очень важно, чтобы между детьми и родителями, которые живут отдельно, продолжалось взаимодействие. Одновременно следует укреплять авторитет отчима или мачехи. В противном случае появляется опасность возникновения такого структурного нарушения, как перевернутая иерархия. Так, неродному родителю предпочтительно сначала установить с детьми дружеские отношения, и лишь по мере их укрепления постепенно начинать участвовать в воспитании. Важнейшей остается задача создания смешанной семьей четких внешних границ, позволяющих продолжать отношения с расширенными семьями и развивать новые взаимодействия в ее рамках. Преимуществом повторного брака является то, что партнеры уже лишены части иллюзий по поводу супружеской жизни и подходят к ней более рационально. В связи с этим они часто прикладывают больше усилий для сохранения нового брака. При возникновении семейных дисгармоний супруги с большей ответственностью подходят к изменению отношений и испытывают меньше страхов в случае необходимости разрыва неудачных отношений [60].

Вместе с тем неоднократное заключение людьми повторных браков нередко представляет собой «хождение по кругу», детерминированное действием их семейных сценариев. В таких случаях выбор партнера, как правило, бессознательно осуществляется по тем же основаниям, что и предыдущий. Если бессознательные конфликты, мотивирующие выбор партнера, не находят своего разрешения, велика вероятность распада и повторного брака [29].

Развитие эмоциональных отношений с новым брачным партнером зависит от того, насколько были завершены прежние отношения. Если в адрес бывшего супруга сохранилось много невыраженных чувств, прежде всего негативного характера (обида, злость и т. д.), и невысказанных претензий, это будет затруднять формирование новых эмоциональных свя-

зей. В таких случаях велика вероятность того, что в повторном браке начнут отыгрываться незавершенные конфликты предыдущих отношений.

Выстраивание новых отношений может быть сопряжено с рядом трудностей:

- стеснение и неловкость при знакомстве;
- страх близости из-за травматичных отношений в прежнем браке;
- опасения вновь пережить боль и разочарование;
- чувство вины перед детьми за отношения с другим мужчиной (женщиной);
- неприятие детьми новых отношений родителя (родителей). Часто такие отношения в глазах детей выглядят как предательство по отношению к бывшему супругу, особенно в случае его смерти [71].

Если повторный брак заключается людьми, у которых предыдущие отношения прекратились в результате смерти брачного партнера, то в новом браке возрастает риск «жизни втроем». Как правило, это обусловлено сильной идеализацией умершего супруга (супруги) или эмоциональной незавершенностью отношений с ним.

2.4. Составляющие ненормативных семейных кризисов

Кроме нормативных кризисов — трудностей, связанных с прохождением семьей основных этапов жизненного цикла, — семейная система может переживать и ненормативные кризисы.

Ненормативный семейный кризис — это кризис, возникновение которого потенциально возможно на любом этапе жизненного цикла семьи и связано с переживанием негативных жизненных событий, определяемых как кризисные.

Р. Хилл выделил три группы факторов, приводящих к возникновению семейных кризисов [109].

1. Внешние затруднения (отсутствие собственного жилья, работы и др.).

2. Неожиданные события, стрессы (семья или один из ее членов становится жертвой террористического акта, автомобильной, железнодорожной или авиакатастрофы и др.).

3. Внутренняя неспособность семьи адекватно оценить и пережить какое-либо семейное событие, рассматриваемое ею в качестве угрожающего, конфликтного или стрессового (серьезная болезнь или смерть одного из членов семьи, супружеская измена, развод и др.).

Первая группа факторов обычно является сферой деятельности социальных работников и социальных педагогов. С последствиями действий второй группы факторов имеют дело кризисные психологи, врачи, психотерапевты. Факторы третьей группы чаще всего приводят семью к специалисту в области семейной психологии и психотерапии.

Признаками семейного кризисного события могут выступать:

- сверхнормативность для данной семьи;
- угрожающий функционированию семьи характер события;
- резкое возрастание внутриличностной напряженности, кризисное состояние членов семьи;
- возникновение межличностных конфликтов в семье, требующих их разрешения, и отсутствие у членов семьи опыта в решении конфликтов такого уровня;
- истощение адаптационных ресурсов членов семьи;
- прогрессирующие негативные изменения в семейной ситуации;
- затруднения функционирования семьи в связи с возникновением ситуаций, аналогичных которым не было в семейном опыте;
- нарушение стереотипов поведения членов семьи.

В каждом ненормативном семейном кризисе можно выделить следующие взаимосвязанные компоненты.

1. Кризисное событие.
2. Восприятие и понимание членами семьи происходящего.
3. Отношение членов семьи к данному событию и особенности его переживания ими.
4. Изменения в семейной системе.
5. Возможные индивидуальные и общесемейные способы выхода из кризиса.

Большинство ненормативных семейных кризисов имеет свои закономерности протекания, знания о которых необходимы психологу для организации адекватной психологической помощи [71].

Измена. Супружеская неверность, измена, адюльтер (фр. *adultere*; синоним — прелюбодеяние) рассматривается как вступление лица, состоящего в браке, в половую связь с лицами из других брачных пар или с одинокими мужчинами и женщинами. Она может носить как эпизодический, так и систематический характер [79].

Отношение к измене в разных культурах и в разные времена было отличным. В историческом плане можно проследить постепенный переход от беспорядочных половых связей к моногамным отношениям, подразумевающим постоянную сексуальную связь с одним партнером. Однако за моногамией часто скрывались полигамные отношения, допускаемые, прежде всего, для мужчин, тогда как в отношении женщин декларировались требования абсолютной верности. В настоящее время в нашей культуре отсутствует половая дискриминация в отношении супружеской измены: нравственные законы, регулирующие это явление, в равной мере относятся и к женщинам, и к мужчинам.

Влияние измены на супружеские отношения в значительной мере определяется тем, на какой стадии развития брака она произошла (совпадая с нормативными семейными кризисами, она тем самым усугубляет их протекание), а также ее характером, длительностью и типом: была ли эта связь продолжительной или случайной, преимущественно сексуальной или отличалась эмоциональной привязанностью.

Мужчины заводят любовниц, как правило, для удовлетворения своих сексуальных потребностей, они ищут на стороне разнообразие сексуальных ощущений. Женщины же во встречах с любовником в большинстве случаев стремятся получить удовлетворение от атмосферы ухаживания, внимания, заботы, которая вокруг нее создается [4].

Существует две точки зрения на измену. Согласно первой, традиционной, измена — опасная, разрушающая супружество ситуация. Согласно другой, измена позволяет поддерживать умирающие супружеские взаимоотношения. Например, К. Витакер рассматривает любовника (любовницу) как «психотерапевта на стороне» одного из супругов. Между тем в боль-

шинстве случаев супружеская неверность все же угрожает целостности семьи как системы. Несмотря на то что измена возникает в супружеской диаде, ее последствия оказывают влияние на всю семью в целом. Могут нарушаться не только супружеские, но и детско-родительские взаимоотношения, что проявляется в возникновении различных структурных нарушений семьи, таких как межпоколенные коалиции, перевернутая иерархия, ролевые инверсии [19].

Измена обычно затрагивает чувства чести и достоинства обманутого супруга и сопровождается переживанием ревности, привносящей в семейную драму глубокие разрушительные для семьи аффекты. В. Бамберри рассматривает супружескую неверность как свидетельство супружеского тупика, мертвых отношений.

Супружеская измена может выполнять ряд функций, представляя собой:

— способ завершения супружеских отношений и констатацию факта несостоятельности брака;

— способ привлечения внимания брачного партнера и передачи ему метапослания о неудовлетворении определенных потребностей;

— способ сохранить супружеские отношения путем реализации потребностей, дефицит удовлетворения которых в браке ощущается довольно остро;

— проигрывание семейных сценариев;

— способ компенсировать чувство неполноценности, повысить самооценку [71].

Таким образом феномен измены может быть проанализирован на трех уровнях: индивидуальном, микро- и макросистемном. В зависимости от функции, которую выполняет измена, следует выбирать те или иные способы оказания психологической помощи.

Среди причин супружеской неверности можно выделить следующие.

1. *Индивидуальные особенности партнеров по браку:*

— нарушение полоролевой идентичности партнера по браку, вынуждающее доказывать свою мужественность (женственность), вступая в как можно большее количество сексуальных связей;

— патохарактерологические личностные особенности супругов (например страх быть поглощенным у брачного пар-

тнера с шизоидной организацией личности, побуждающий вступать во внебрачные связи, регулируя таким образом психологическую дистанцию в супружеской подсистеме).

2. Микросистемные факторы:

- нарушение супружеских отношений;
- супружеская несовместимость (прежде всего сексуальная);
- отсутствие эмоциональной близости между супругами;
- охлаждение чувств в браке;
- месть одного партнера другому за причиненные страдания;
- отсутствие взаимных чувств в браке (попытка любящего, но отвергнутого партнера компенсировать недостаток любви в браке);
- разочарование супругов друг в друге;
- сексуальная абстиненция партнера по браку, связанная с болезнью супруга, его длительным отсутствием и т. д.

3. Макросистемные факторы:

- актуализация семейных сценариев;
- трансгенерационные послания (например, женщина, всю жизнь хранящая верность своему мужу и вытесняющая сексуальные желания к другим мужчинам, может различными способами поддерживать измены или поведение промискуитетного типа у своей дочери) [46].

К числу факторов, сопутствующих супружеской неверности, относятся:

- неадекватная мотивация брака;
- обыденность брака;
- химические зависимости одного из партнеров;
- большая разница в возрасте между супругами;
- низкий материальный достаток семьи;
- отсутствие совместного досуга супругов;
- большое количество свободного времени у одного из партнеров [59].

Выделяют несколько видов супружеской неверности.

1. *Случайный внебрачный контакт* представляет собой единственный случай измены, мало связанный с конкретным лицом. Случайный контакт может возникнуть вследствие неудовлетворения сексуальной потребности в связи с вынужденной половой абстиненцией (разлука или болезнь одного из супругов). В других случаях он является способом доказать себе свою сек-

суальную дееспособность и др. Возможны следующие крайние варианты:

- 1) единичный внебрачный контакт, имевший место совершенно случайно при стечении определенных обстоятельств;
- 2) частые внебрачные контакты у индивидуума промикуитетного типа, который легко меняет половых партнеров, не имея с ними эмоциональной связи.

2. *Эротико-сексуальные приключения* — внебрачные сексуальные эпизоды, которые основываются на стремлении к разнообразию, получению нового сексуального опыта. Помимо сексуального влечения, для изменяющего очень важна эротическая привлекательность партнера и нежность как необходимый компонент отношений. Такие контакты дарят обоим партнерам разнообразные переживания, доставляющие много удовольствия. Большое значение в таких отношениях имеют сексуальные игры, в которых партнеры экспериментируют с новым телесным опытом. Эти эротико-сексуальные приключения бывают краткими, с отсутствием взаимных обязательств, и оставляют после себя приятные воспоминания. Они, как правило, не представляют опасности для супружеского союза каждого из партнеров.

Внебрачные половые контакты, единичные или повторяющиеся, и эротико-сексуальные приключения иногда обозначают как «ситуационные кратковременные измены». От них следует отличать продолжительную измену, обозначаемую как «внебрачная связь».

3. *Внебрачная связь* характеризуется большой продолжительностью и возникновением эмоциональной привязанности. Ей, как и супружеским отношениям, свойственны определенные стадии развития. Эта связь может иметь характер длительных, преимущественно сексуальных, отношений либо эмоциональной близости. Наличие внебрачной связи вынуждает изменяющего партнера вести так называемую двойную жизнь [71].

При раскрытии факта измены возможно возникновение нескольких типов реакций.

Агрессия. Обманутый партнер прерывает отношения, совместное с супругом ведение хозяйства, требует прекращения внебрачной связи и грозит разводом. Такое поведение, как правило, характерно для партнера, эмоционально не зависящего от брака. Агрессивный подход вынуждает «изменника» принять

решение: если у него еще сохраняется значительная связь с семьей и детьми, то такая постановка вопроса может привести к разрыву внебрачных отношений и возврату в семью.

Защита. Обманутый партнер прекращает супружеские отношения только частично. Он ограничивает эмоциональные проявления, а также проявления любви и расположения, но продолжает совместное ведение хозяйства и сексуальные отношения, а также использует различные способы удержания партнера в семье (начинает уделять больше внимания своему внешнему виду, организовывает совместный досуг, чтобы супруг(а) признал(а) его (или собственную) важность и незаменимость). Партнеру может предъявляться ультиматум, согласно которому он должен порвать внебрачную связь в течение определенного срока. Прекращаются разговоры о внебрачном партнере и пропускается любая информация о нем.

Игнорирование. Обманутый партнер делает вид, что не замечает либо не знает об измене, либо ведет себя так, словно ему все равно. Такое поведение может быть свойственно партнеру, не испытывающему эмоциональной привязанности к супругу (супруге), в случаях когда сохранение брачных отношений является выгодным, а также при наличии крайне созависимых и деструктивных отношений и др. [59].

Существует несколько моделей поведения супругов в ситуациях измены.

1. Модель, характерная для брачного партнера, смыслом жизни которого является завоевание лиц противоположного пола. С увеличением числа «побед» растет ощущение собственной ценности и значимости. Люди данного типа завязывают кратковременные знакомства, не задумываясь о возможных последствиях. Однако при этом они могут сохранять близкие эмоциональные отношения с брачными партнерами. Для взаимодействия в таких семьях характерна следующая цикличность: измена — обнаружение — покаяние — прощение — измена. Инициатором обращения в консультацию в некоторых случаях является обманутый партнер, в других — сам изменяющий, когда возникает угроза развода.

2. Модель поведения, более характерная для женщин, отличающихся несамостоятельностью, незрелостью и склонностью к зависимым отношениям. Они выбирают серьезных и стабильных брачных партнеров. В таких семьях секс может использо-

ваться как средство поощрения или наказания. Измены, как правило, возникают на том этапе семейной жизни, когда женщина вынуждена быть максимально включенной в семейное взаимодействие и заниматься воспитанием детей. Со стороны супруги появление внебрачных связей, которые могут привести к разрушению семейных отношений, возможно в случае возрастания материального интереса или стремления приобрести более высокий социальный статус. В консультацию чаще всего обращается отвергнутый партнер.

3. Модель поведения, связанная с ситуациями, когда после случайной измены или непродолжительной сексуальной связи любовник или любовница выступают инициаторами продолжения отношений и пытаются разрушить брак. В некоторых ситуациях в случае раскрытия факта измены изменивший супруг стремится образовать коалицию с партнером по браку против третьей стороны.

4. Модель, характерная для тех, кто постоянно пытается найти нового, «лучшего» партнера по браку. Встречается в тех случаях, когда сохранение не удовлетворяющего супругов брака осуществляется за счет непсихологических факторов: необходимости растить детей, жилищных проблем и др.

5. Модель, в которой измены обусловлены усталостью супруга от брака. Внебрачные связи в таких случаях являются приятной сменой домашней рутины.

6. Модель, основанная на длительных внебрачных связях при доминирующей ценности семейных отношений и стремлении сохранить собственный брачный союз. Внебрачная связь не создает проблем для семейной жизни, не препятствует выполнению супружеских и родительских функций. Эмоциональная зависимость от внебрачной связи незначительна: оба партнера рассматривают ее лишь как «дополнительное удовольствие» [71].

Развод. Под разводом понимают разрыв супружеских отношений в его юридическом, экономическом и психологическом аспектах, что влечет за собой реорганизацию семейной системы. Кризисный характер данного события (даже если развод осуществляется с согласия обоих партнеров) обусловлен продолжительностью и болезненностью переживаний членов семьи и его дестабилизирующим влиянием на всю семейную систему. Даже спустя длительный период времени после прекращения отношений сохраняются психологические послед-

ствия расставания (как правило, актуализирующиеся в связи с синдромом годовщины) [79].

Выделяют следующие факторы, способствующие росту количества разводов:

- укрепление экономической самостоятельности и социального равноправия женщины;
- либерализация взглядов на развод;
- освобождение от классовых, религиозных и национальных предрассудков;
- рост продолжительности жизни;
- снижение влияния родителей на выбор супруга;
- неадекватная мотивация вступления в брак одного или обоих партнеров.

В качестве основного мотива развода выступает невозможность удовлетворения в существующем брачном союзе потребностей и желаний супругов. Среди причин, приводящих к разводу либо увеличивающих его вероятность, можно выделить:

- семейные сценарии, включающие конфликтные отношения, либо развод родителей одного из супругов;
- поздний или ранний возраст вступления в брак;
- низкий уровень дифференциации супругов и размытые внешние границы семьи, что обуславливает постоянные вмешательства в ее функционирование третьего поколения, особенно при совместном проживании с родителями одного из брачных партнеров;
- разочарование в партнере;
- личностные особенности одного или обоих супругов, выражающиеся в склонности к конфликтному поведению;
- неравный уровень образования и социального статуса супругов;
- профессиональная занятость женщины, в том числе бикарьерная семья;
- вынужденное раздельное проживание супругов (командировки, разъезды, так называемая дистантная семья);
- бесплодие одного из супругов, невозможность иметь детей;
- добрачная беременность (так называемые стимулированные браки);
- рождение ребенка в первые 1—2 года брака;
- употребление алкоголя и наркотиков;

— супружеские дисгармонии (измены, сексуальная неудовлетворенность в браке и др.).

Развод, как правило, не является одномоментным событием и имеет свою динамику проживания. А. Маслоу предложил модель распада супружеских отношений, включающую в себя семь стадий [53].

1. *Эмоциональный развод* обусловлен разрушением иллюзий супружеской жизни, чувством неудовлетворенности, отчуждением супругов, страхом и отчаянием, попытками контролировать партнера, спорами, стремлением избежать проблем.

2. *Время размышлений и отчаяния перед разводом* сопровождается болью, злостью и страхом, противоречивостью чувств и поступков, зачастую шоком, ощущением пустоты и хаоса. Предпринимаются попытки вернуть любовь, получить помощь от друзей, членов семьи.

3. *Юридический развод* — оформление разрыва отношений происходит на формальном уровне. Эта стадия связана не только с судопроизводством, но и с участием все большего количества лиц в семейных отношениях партнеров. Отношения разводящихся супругов могут включать в себя конфликты, угрозы либо стремление к переговорам. Во время развода и периода правовых споров оставленный партнер может испытывать жалость к себе, беспомощность, чувство отчаяния и злости.

4. *Экономический развод* связан с прекращением совместного ведения хозяйства и разделением семейного бюджета (если до этого он был общим).

5. *Установление баланса между родительскими обязанностями и правом на опеку* связано с переговорами родителей по вопросу дальнейших взаимоотношений с детьми и распределения зон ответственности. Основными задачами данного этапа являются создание новых отношений между родителем и ребенком, а также обретение чувства собственного достоинства и независимости.

6. *Время самоисследования и возврат к равновесию после развода*. Основная проблема этого периода — одиночество и наличие амбивалентных чувств: нерешительности, оптимизма, сожаления, печали, любопытства, возбуждения, радости, грусти и др. Начинается поиск новых друзей, сфер активности, вырабатывается новый стиль жизни, определяются обязанности для всех членов семьи.

7. *Психологический развод*. На эмоциональном уровне — это принятие факта распада отношений, стабилизация эмоционального состояния, проработка негативных чувств, связанных с разводом. На когнитивно-поведенческом — готовность к действиям, уверенность в своих силах, ощущение самоценности, появление чувства независимости и автономии, поиск новых объектов для любви и готовность к построению новых отношений [52].

Для описания стадий развода может быть использована модификация модели переживания утраты, предложенная Э. Кюблер-Росс [48].

1. *Стадия отрицания*. Первоначально реальность происходящего отрицается. Обычно человек затрачивает на близкие отношения много времени, энергии и чувств, поэтому ему трудно сразу смириться с разводом. На этой стадии актуализируется работа защитных механизмов: рационализация («наконец пришло освобождение», «рано или поздно это все равно бы произошло»), обесценивание («на самом деле брак был ужасным», «мой муж полное ничтожество»), отрицание («ничего такого не случилось», «все хорошо») и др.

2. *Стадия озлобленности*. На этой стадии возникает чувство злости по отношению к партнеру. Покинутый партнер переживает состояние фрустрации, вызванное крушением его планов и надежд. Нередко он начинает манипулировать детьми, пытаясь привлечь их на свою сторону.

3. *Стадия переговоров*. Здесь предпринимаются попытки восстановить брак. Супруги используют различные манипуляции по отношению друг к другу, включая сексуальные отношения, угрозу беременности или беременность. Иногда прибегают к давлению на партнера со стороны окружающих.

4. *Стадия депрессии*. Когда отрицание, агрессивность и переговоры не приносят никаких результатов, наступает угнетенное настроение. Человек чувствует себя неудачником, его самооценка, доверие к людям падают.

5. *Стадия принятия*. Эта стадия связана с принятием факта развода и адаптацией к изменившимся условиям жизни. В случаях, когда в браке были дети, они тоже нуждаются в поддержке и помощи в адаптации к новой ситуации [48].

С. Дак предложил модель процесса распада эмоциональных отношений, включающую четыре фазы: интрапсихическую,

диадическую, социальную и фазу «отделки». Каждая из них имеет свои специфические особенности и цели.

Цель *интрапсихической фазы* состоит в понимании того, что именно в данных отношениях является неудовлетворительным, идентификации своих проблем с неопределенными аспектами отношений, поиске способов повышения удовлетворенности партнером и отношениями с ним. Результатом прохождения первой фазы могут быть:

- смирение с существующими в браке проблемами;
- принятие решения о том, чтобы выразить партнеру свое неудовольствие.

Цели *диадической фазы* иные. Это конфронтация с партнером и перестройка или прекращение отношений с ним. Начинают преобладать негативные эмоции, все больше возрастает тревожность, появляется чувство вины. Эта фаза может длиться годами. Для нее характерны «выяснения отношений» между супругами и попытки что-либо изменить в их взаимодействии. Прохождение второй фазы могут ознаменовать:

- перестройка и сохранение отношений;
- принятие решения о прекращении отношений.

В *социальной фазе* наблюдается постоянный переход от ссор к примирениям, актуализируются волнение и тревога по поводу своего будущего, страх одиночества и т. п. На этом этапе в процесс распада семьи вовлекаются другие люди (родственники, друзья). В результате супруги добиваются принятия ближайшим социальным окружением факта прекращения их отношений.

Фаза «отделки» включает реорганизацию пережитого опыта, его реинтерпретацию с целью создания более благоприятной и нетравмирующей истории эмоциональных отношений с бывшим партнером. Возможны следующие варианты исхода этой фазы:

- примирение с фактом распада отношений, извлечение позитивного опыта, личный рост партнеров;
- прошлый опыт, воспринимаемый как собственная неудача [71].

Одна из концепций, описывающая распад эмоциональных отношений, была предложена Дж. А. Ли, который выделил следующие фазы:

- 1) Осознание неудовлетворенности;
- 2) Выражение неудовлетворенности;

- 3) Переговоры;
- 4) Принятие решений;
- 5) Трансформация отношений.

Дж. А. Ли отмечает, что предложенная им очередность необязательна. Прохождение перечисленных фаз индивидуально для каждой супружеской пары. Процесс распада может быть направлен не на прекращение отношений, а на их трансформацию. Как полагает автор данной концепции, цикличность отношений, включающая предложенные им фазы, может повторяться всю жизнь.

Эмоциональная утрата в связи с разводом не будет столь острой, если пара сможет поддерживать контакты и после прекращения супружеских отношений. Это вполне вероятно, если бывшие супруги обладают достаточной психологической зрелостью и способны продолжать функционировать как родительская пара.

Типы реагирования на развод зависят от ряда факторов:

- особенностей развода (его формы, глубины, длительности, количества вовлеченных в него участников);
- отношения к нему со стороны супругов;
- имеющихся в наличии ресурсов (материальная и жилищная обеспеченность, здоровье, эмоциональное состояние, детские проблемы, возраст супругов).

Наиболее распространенными стратегиями поведения в ситуации развода являются.

1. Агрессивная, выражающаяся в желании разрушить жизнь партнера, причинить ему боль, отомстить за причиненные страдания.

2. Манипулятивная, связанная с желанием удержать, вернуть брачного партнера любым способом, даже ценой потери самоуважения и уважения партнера.

3. Принимающая, обусловленная адекватной оценкой реальности и принятием ее такой, какая она есть, что дает возможность сохранить с бывшим партнером отношения, не обесценивая совместно прожитые годы, и свести к минимуму негативные последствия для детей [2].

Постразводная ситуация может быть осложнена разными обстоятельствами. Несмотря на либерализацию взглядов на развод, все равно сохраняются стереотипы, согласно которым разведенные женщины обладают более низким социальным статусом, чем замужние. В связи с этим, пережив развод,

они могут неожиданно столкнуться с негативными реакциями в своем социальном окружении. В дальнейшем это может привести к критическому обострению и без того напряженной ситуации.

Если внешние границы распавшейся семьи были очень жесткими и супруги почти не имели собственных независимых отношений с другими людьми, то после развода бывшие партнеры могут переживать глубокие эмоциональные переживания [48].

Развод — это кризис, который затрагивает всю семейную систему и тяжело переживается не только супругами, но и детьми. Реакция детей на развод во многом определяется их возрастом. Наиболее травматичным он является для детей дошкольного и подросткового возраста. В возрасте 3, 5—6 лет ребенок не способен адекватно понять происходящие перемены в семье и нередко обвиняет во всем себя. В подростковом возрасте развод родителей может негативно сказаться на решении возрастных задач и затруднить процессы вторичной индивидуации и сепарации. Именно в этот период ребенку важна поддержка обоих родителей и прежде всего отца, играющего важную роль в социальной адаптации подростка. Детские переживания могут варьировать от вялой депрессии, апатии до резкого негативизма и демонстрирования несогласия с мнением родителей.

Травматичность развода родителей возрастает еще и в связи с тем, что разрушение семьи не является следствием выбора самого ребенка. Он вынужден просто смириться с родительским решением. Распад семьи может представлять для него крушение его мира и вызывать различные протестные, фобические и депрессивные реакции. На остроту детских переживаний могут оказывать влияние несколько факторов:

- характер внутрисемейных взаимоотношений до развода и степень вовлеченности ребенка в решение супружеских проблем;

- особенности протекания процесса развода;

- с кем из родителей остается ребенок после развода, отношения с этим родителем;

- характер взаимоотношений бывших супругов после развода.

Иногда родитель, с которым остается жить ребенок после развода, позволяет себе агрессивные выпады в сторону второго

родителя или транслирует ребенку свое негативное отношение к бывшему брачному партнеру. В некоторых случаях это могут делать оба родителя, пытаясь организовать коалицию с ребенком, для того чтобы получить от него поддержку или отомстить бывшему супругу. Ребенок таким образом оказывается втянутым в конфликт лояльности. Это чревато нарушением процесса формирования его эгоидентичности, снижением самооценки и самопринятия, появлением комплекса неполноценности, поскольку связано с обесцениванием образа родителя, являющегося неотъемлемой частью собственного образа «я» ребенка [2].

В результате развода образуется неполная семья — семья с одним родителем, что вызывает необходимость структурной реорганизации. При этом, несмотря на то что бывшие супруги утрачивают статус мужа и жены, они продолжают оставаться родителями для своих детей, принимая участие в их воспитании.

В ряде случаев родитель, не справляющийся с нагрузкой, может обратиться за помощью к старшему ребенку, передавая ему часть родительских функций. Такому ребенку может быть поручено присматривать за младшими детьми, а также выполнять некоторую работу по дому. Часто родитель, оставшийся в одиночестве, может искать у него эмоциональную поддержку, делегируя ребенку часть функций бывшего супруга. Размытость границ детско-родительской подсистемы способна стать источником ряда проблем ребенка, поскольку адресуемые ему обязанности не соответствуют его возрасту и статусу (статусная неопределенность) [71].

Таким образом развод является кризисом, переживаемым не только на уровне супружеской подсистемы, но и на уровне расширенной семьи, и требует глобальной семейной реорганизации.

Тяжелая болезнь одного из членов семьи является нелегким испытанием для всей семьи. К категории «семья с тяжелобольным человеком» относятся семьи, где один из членов страдает каким-либо серьезным соматическим либо нервно-психическим заболеванием, алкоголизмом, патологической ревностью и т. п.

Болезнь одного из членов семьи сопровождается нарастанием эмоционального напряжения в семье и физической нагрузки у отдельных ее членов. Жалобы на нервно-психиче-

ское напряжение, неуверенность в завтрашнем дне, тревогу наиболее часто встречаются при беседе с членами семей алкоголиков и ревнивцев [102].

Скандалы, неожиданные исчезновения больного из дома, мучительная тревога за него, невозможность строить перспективные семейные планы, — все эти события значительно осложняют жизнь такой семьи.

Все трудности, с которыми сталкивается семья больного, можно разделить на объективные и субъективные. К числу объективных относятся возросшие расходы семьи, неблагоприятное воздействие сложившейся ситуации на здоровье ее членов, нарушения ритма и распорядка жизни семьи. Среди субъективных трудностей выделяют разнообразные переживания и эмоциональные реакции в связи с психическим заболеванием одного из членов семьи:

- растерянность из-за полной беспомощности больного;
- замешательство, вызванное непредсказуемостью его поведения;
- постоянное беспокойство о будущем, связанное с неспособностью больного решать свои жизненные проблемы самостоятельно;
- чувство страха;
- чувство вины;
- депрессия;
- разочарование;
- фрустрация;
- ярость, вызванная неразрешимостью самой проблемы заболевания.

Такие реакции семьи нормальны и естественны, поскольку обусловлены чрезвычайной сложностью ситуации и невозможностью повлиять на нее [78].

Появление в семье психически больного приводит к значительному изменению ее структуры и взаимоотношений между ее членами. Как правило, наблюдается «расслоение» семьи на три подгруппы, члены которых в различной степени вовлечены во взаимодействие с больным и заботу о нем:

1. *Первая группа, или внутренний слой.* Представлена членом семьи, который берет на себя роль главного опекуна и на которого приходится основная тяжесть повседневного ухода, надзора, обслуживания. Как правило, это мать, сестра или жена. Жизнь этого члена семьи полностью сосредоточена

на больном. Если у последнего отсутствуют или ослаблены социальные контакты, то этот член семьи становится связующим звеном между ним и миром и несет ответственность за его социальную адаптацию. Он постоянно думает о потребностях и нуждах больного, заботится об их удовлетворении. Чаще всего именно этот человек занимается поисками причин болезни или попытками их рационального объяснения, обращается к специалистам за помощью, читает специальную литературу и контактирует с подобными семьями с целью поддержки и получения новых знаний о болезни. Как правило, этот человек несет ответственность перед социумом за поведение больного и возможные последствия его нарушенного поведения. Такой член семьи наиболее чувствителен и больше других страдает от любого ослабления и усиления симптомов болезни.

2. *Вторая группа* — это члены семьи, которые в меньшей степени участвуют в повседневной опеке, сохраняя возможность реализации личных планов и интересов. Они продолжают вести активную социальную жизнь (работают, учатся, встречаются с друзьями и др.), но при этом их эмоциональная связь с больным членом семьи достаточно сильная. Им труднее оторваться от своих многочисленных профессиональных, учебных, личных и других дел, вследствие чего они часто беспокоятся, что ухудшение состояния больного может стать угрозой для привычного образа жизни и их планов на будущее. Подобные опасения и возникающее чувство вины могут осложнять взаимоотношения с главным опекуном больного члена семьи и провоцировать защитное поведение (у них неожиданно могут появиться «сверхважные» профессиональные и другие внесемейные дела). В результате между главным опекуном и другими членами семьи нередко возникает отчуждение (нарушение параметра сплоченности).

3. *Третью группу* составляют близкие и дальние родственники, знающие о проблемах, связанных с больным, интересующиеся им, однако практически не имеющие с ним повседневного контакта. Как правило, они обладают собственным взглядом на происходящее, чаще всего связанным с обвинениями в адрес главного опекуна и других членов семьи, что может усиливать чувство вины и беспомощность последних [113].

Среди факторов, стимулирующих рост неудовлетворенности в семье в результате болезни одного из ее членов, Э. Г. Эйдмиллер и В. В. Юстицкис выделяли следующие [102].

1. *Ощущение вины (своей и больного) за болезнь.* Семья особенно тяжело переживает болезнь, если ее члены винят себя и больного в том, что произошло. Степень тяжести переживания зависит от представлений членов семьи и других родственников о болезни, ее причинах и о степени вины самого пациента в ее возникновении и продолжении. К. Теркельсен описывает две наиболее встречающиеся точки зрения членов семьи психически больного на причины болезни:

— биологическая: семьи, осознанно или неосознанно придерживающиеся этой теории, видят причины болезни в каких-то не зависящих от воли пациента изменениях в его организме. Они могут испытывать большую растерянность перед проявлениями болезни, переоценивать возможности медикаментозного лечения, их нередко терзает страх за детей (что болезнь передается генетически) или за себя (что болезнь, вопреки всем уверениям врача, заразна). В то же время они не склонны обвинять друг друга в болезни или видеть в ней наказание пациента за его действительные или мнимые грехи;

— психологическая: ее сторонники склонны обвинять себя и других членов семьи, самого пациента. Они могут считать, что «мать слишком опекала», «отец был слишком строг», «сестра отвергала», «брат не помогал» и т. д. и что, следовательно, все они так или иначе виноваты в том, что развилась болезнь. Кроме того, имеется определенная агрессивность и по отношению к больному («когда он хочет, он понимает», «если бы он сам постарался, дела шли бы лучше») — родственники нередко считают, что он сам виноват в том, что не выздоравливает, так как не прилагает к этому достаточных усилий. В этом случае члены семьи постепенно разделяются на обвиняющих и обвиняемых. Ради своего спокойствия они стараются не высказывать обвинений вслух и не обсуждать, кто же более всех виноват. Но скрытые взаимные обвинения могут создавать особую атмосферу тягостной тишины вокруг некоторых тем [113].

2. *Поведение больного члена семьи.* Психическое нарушение часто сопровождается изменениями в поведении больного

и приносит с собой деморализацию, более или менее глубокую утрату самоконтроля и эмпатии по отношению к чувствам других. Так, исследования психически больных показали, что даже самое причудливое поведение больного члена семьи (несвязная речь, галлюцинации и т. п.) создает не такое сильное напряжение в семье, как его раздражительное, агрессивное поведение.

3. *Длительность болезни.* Как начало болезни, так и все ее рецидивы — значимый источник субъективных трудностей для семьи. Большинство психических заболеваний имеют колебания клинических проявлений — временные улучшения сменяются временными ухудшениями. Каждое такое изменение глубоко затрагивает семью. Улучшение вызывает всплеск надежд на возвращение нормальной жизни, ухудшение порождает новое глубокое разочарование. Лишь накопление опыта приводит к тому, что семья постепенно освобождается и перестает эмоционально зависеть от временных колебаний в ходе болезни.

4. *Степень нарушения обыденной жизни семьи.* Болезнь одного из членов семьи приводит к тому, что образуются функциональные пустоты. Например, обычно отец выполняет в семье ряд чрезвычайно важных семейных функций, основанием для чего служат его авторитет, личностные качества, в силу которых его поведение является «обучающим» — на его примере дети учатся, как решать различные проблемы, возникающие в ходе их взаимоотношений с окружающими; суждения отца обладают повышенной значимостью, убедительностью для них. Прямая противоположность в этом отношении — ситуация, когда отец страдает алкоголизмом или обнаруживает психопатические черты характера. Безвольный, агрессивный, несамостоятельный отец, сам требующий опеки, создает «функциональную пустоту» в процессе воспитания [102].

Можно выделить несколько этапов переживания семьей данного кризисного события. Они проявляются в нарастании и затем спаде напряжения и сопровождаются различными по виду и выраженности субъективными переживаниями (чувством тревоги, растерянности, беспомощности и т. п.) и поисками разных способов адаптации (методом проб и ошибок, формированием защитных «семейных мифов», переоцен-

кой ценностей и др.). Существуют индивидуальные различия в переживании семьями данного ненормативного кризиса. Возможно застревание на одной из стадий, различная скорость и порядок их прохождения.

Этап шока характеризуется возникновением у членов семьи состояния растерянности, беспомощности, порой страха перед исходом заболевания, собственной неполноценности, ответственности за судьбу больного, чувства вины за то, что они не сделали ничего, чтобы предотвратить появление заболевания, или сделали что-то, обострившее положение. Эти переживания приводят к изменению привычного образа жизни членов семьи, зачастую становясь источником различных психосоматических расстройств и оказывая негативное влияние на взаимоотношения как внутри семьи, так и за ее пределами. Иногда несчастье объединяет семью, делает ее членов более внимательными друг к другу, но чаще длительное заболевание, отсутствие эффекта от проводимого лечения и формирующееся состояние безнадежности ухудшает взаимоотношения между членами семьи. В основном эта фаза достаточно кратковременна.

На *этапе отрицания* члены семьи оказываются просто не в состоянии адекватно принять и переработать полученную информацию и используют разнообразные средства защиты, позволяющие им уйти от необходимости признать факт наличия заболевания, что снижает адаптивный потенциал семьи. На системном уровне это может проявляться в возникновении семейных мифов, поддерживающих семейное функционирование, но основанных на неадекватном представлении о семье на данном этапе ее существования. Иногда беспокойство и растерянность членов семьи трансформируются в негативизм, отрицание поставленного диагноза, направленное на сохранение стабильности семьи. Для достижения этой цели могут тратиться огромные силы и средства, что приносит в дальнейшем лишь еще большее разочарование.

Отрицая факт болезни, члены семьи могут отказываться от обследования больного и проведения каких-либо коррекционных мероприятий. Некоторые семьи выражают недоверие к консультантам, многократно обращаются в разные научные и лечебные центры с целью отменить «неверный» диагноз. Именно на этом этапе формируется так называемый синдром хождения по кругу врачей [51].

Возможен вариант реагирования, когда семьи признают диагноз, но при этом с особым оптимизмом относятся к прогнозу развития болезни и возможности излечения.

По мере того как члены семьи начинают принимать диагноз и частично понимать его смысл, они погружаются в глубокую печаль — наступает *этап печали и депрессии*. Возникшее депрессивное состояние связано с осознанием проблемы. Наличие тяжелобольного члена семьи отрицательно сказывается на ее жизнедеятельности, динамике супружеских отношений, приводит к дезорганизации семейных ролей и функций. Чувство гнева или горечи может породить стремление к изоляции, но в то же время найти выход в формах «эффективного горевания». Нередко наблюдается снижение интереса к работе, отказ от привычных форм проведения досуга. Необходимость заботы о больном члене семьи и специального непрерывного ухода за ним могут приводить к амбивалентным чувствам. Этот синдром, получивший название «хроническая печаль», является результатом постоянной зависимости членов семьи от потребностей больного, их хронической фрустрации вследствие его относительно стабильного состояния и отсутствия положительных изменений.

Этап зрелой адаптации характеризуется принятием факта болезни, реалистичной оценкой прогноза развития заболевания и перспектив выздоровления. В это время все члены семьи способны адекватно воспринимать ситуацию, руководствоваться интересами больного, устанавливать контакты со специалистами и следовать их советам. На уровне системы происходят структурные реорганизации, прежде всего касающиеся ролевого взаимодействия.

Следует подчеркнуть, что наличие больного члена семьи может приводить к снижению социального статуса семьи в целом и ее отдельных членов. Проблемное поведение больного может стать причиной того, что семья попадает в поле внимания милиции и медицинских учреждений. Свидетелями отклонений в поведении становятся соседи, школа, сотрудники больного, то есть ближайшее социальное окружение. С другой стороны, члены такой семьи сами обычно стесняются того факта, что среди них есть больной человек, и всячески это скрывают: образуется своеобразный замкнутый круг: наличие в семье больного делает ее весьма чувствительной и уязвимой в отношении оценок окружающих. Это приводит к уходу семьи

от социальных контактов, что, в свою очередь, поддерживает ощущение отверженности. Особенно чувствительны к снижению социального статуса семьи дети школьного возраста: они часто становятся объектом насмешек, группового отвержения, что осложняет их отношения со сверстниками [71].

Инцест — интимные отношения между членами одной и той же семьи, например, между родителями и детьми, между сиблингами и т. д. Можно также встретить определение инцеста как кровнородственного кровосмешения (инцест первого рода). Данный термин происходит от латинского *incestum*, что означает «нечистый». Инцест в его узком понимании представляет собой сексуальный акт, в более широком — грубо отклоняющееся сексуальное поведение членов одной семьи.

Степень родства регламентируется правовыми нормами. Последние различаются в разных странах и, кроме того, имеют тенденцию с течением времени изменяться в одной и той же стране. Например, в Европе X в. инцестом была объявлена половая связь между родственниками вплоть до седьмой степени родства [89].

Ограничения, налагаемые культурой человеческого общества, запрещают инцест. В современном мире инцест считается преступлением, которое преследуется по закону. Лишь в немногих примитивных племенах в настоящее время инцестное сожительство принимается сообществом.

Юридически инцест определяется как сексуальный половой акт между лицами, которые по причине кровного родства или по причине родства, проистекающего вследствие брака, не могут вступить в брак законным образом. Зачастую инцест сопровождается актом прямого сексуального насилия по отношению к более слабым людям (детям), которые не могут оказать сопротивления. Сексуальное влечение матери к сыну носит название комплекса Пидэ (перевернутый Эдипов комплекс). Комплекс Арткелэ — сексуальное влечение отца к дочери (перевернутый комплекс Электры).

Запрет на инцест существует достаточно давно. В африканском племени зулусов мужчина, виновный в инцесте, приговаривался к смерти. В других примитивных культурах самоубийство для такого преступника было обязательным.

Библия также табуирует инцест путем включения запрета на него в Моисеевы законы. Наказаниями служили «остракизм», ритуальное публичное отлучение от церкви. В Вави-

лоне инцест наказывался изгнанием или смертью. В Англии в 1650 г. инцест считался преступлением и также карался смертью. Римляне считали физическую близость между членами одной семьи «противоестественной». Древние китайцы обезглавливали людей, виновных в инцесте. Законы, запрещающие инцест, вскоре стали всеобщими, распространившись в Европе и США [39].

Существуют различные психологические концепции инцеста. З. Фрейд считал, что инцестуозные влечения заложены в каждом из нас. Вместе с тем он никогда не говорил об инцесте как реальности, отмечая наличие переживаний, связанных с комплексом Эдипа, только в воображении пациентов. Фрейд считал, что эти переживания вытесняются и не реализуются. В результате такого подхода жалобы жертв инцеста долго рассматривались как фантазирование на сексуальные темы и проявление агрессии к родителям.

По мнению К. Г. Юнга, инцест — извращенный инстинкт достижения самости, основанный на феномене переноса. Согласно взглядам Э. Фромма, инцест является патологическим способом удовлетворения потребности в близости и безопасности. Психодинамически ориентированные концепции семейной психотерапии рассматривают инцест как следствие бессознательного стремления принадлежать своей семье или, другими словами, быть лояльным семейной системе [71].

Психологический смысл инцеста подразумевает определенные действия с сексуальным подтекстом, которые совершаются по отношению к объекту инцеста (ребенку, подростку, взрослому) для удовлетворения сексуальных потребностей агрессора, который эмоционально связан с зависящим от него человеком и авторитетен для него. Инцест не всегда включает сексуальную связь или прикосновения как таковые. Он может иметь только психологическую подоплеку, значение которой состоит в переживании жертвой чувства осуществляющегося над ней насилия.

Жертвой инцеста является ребенок или взрослый, по отношению к которому совершено:

— физическое насилие с сексуальным подтекстом или непосредственно половой акт;

— психологическое насилие, включающее моральное давление с сексуальным подтекстом; разговоры на сексуальные темы;

— демонстрация сексуальных действий в присутствии объекта инцеста.

По данным Д. Руссель и Д. Финкельхор [111], большинство жертв инцеста — лица женского пола, а 80 % лиц, его совершающих, — мужчины. Наиболее распространенной формой инцестного контакта является контакт «отец — дочь». Различают три типа отцов, вступающих в сексуальные отношения со своими дочерьми:

- отцы-интроверты;
- отцы-психопаты (со склонностью к промискуитету);
- отцы с психосексуальным инфантилизмом (со склонностью к педофилии).

Чаще всего такие связи возникают в многодетных семьях с безработными и отличающимися асоциальными формами поведения отцами [89].

Как одна из форм изнасилования могут расцениваться инцесты между взрослыми и детьми, поскольку ребенок не может дать сознательного и зрелого согласия на участие в подобных действиях. Даже согласие старших подростков, достаточно компетентных в сексуальных вопросах, не может быть приравнено к согласию взрослого человека. Особенности детско-родительских отношений, основанных на доминировании родителя и подчинении ребенка, взаимной любви, привязанности друг к другу, трансформируют понятие «свободного» выбора ребенка в силу его зависимости от родителя либо от родственника.

В действительности у ребенка нет выбора: он может бояться репрессий, которым будет подвергнут в случае отказа в близости. Родитель обладает достаточной силой, чтобы наказать ребенка, лишить его привычных удовольствий или причинить ему боль. Таким образом даже заявление родителя о согласии ребенка и подтверждение последним этого факта не может приниматься в расчет. Однако некоторые авторы считают, что возможны случаи, когда ребенок использует инцестуозную связь, чтобы получить выгоду для себя или контролировать родительское поведение [39]. Тем не менее это не освобождает родителя от ответственности за свое сексуальное поведение.

Существуют различные необоснованные убеждения — мифы об инцесте, связанные с большим сопротивлением общественного сознания значимости этой проблемы и широты ее рас-

пространения. Хотя в реальности инцест встречается часто вследствие того, что семьи, как правило, скрывают этот факт, его до сих пор считают редким явлением. Частота появления случаев инцеста в целом равна 2 % [31].

Наиболее распространенными являются следующие мифы об инцесте.

1. Инцест с детьми совершается людьми, не состоящими с ребенком в близкородственных отношениях. В действительности насилие обычно осуществляется близкими людьми, от которых ребенок полностью зависит. Большинство сексуальных преступлений совершается авторитетными для ребенка людьми, находящимися с ним в постоянном эмоциональном контакте.

2. Инцест происходит в основном в антисоциальных и (или) бедных, необразованных семьях, среди членов сект или в социальных группах, изолированных от других членов общества. В действительности инцест регистрируется в различных социальных группах. Комплементарным мифом является представление о том, что богатство и образованность — это факторы, обуславливающие невозможность инцеста.

3. Инцест — удел психопатов и лиц с антисоциальным поведением. В реальности дело обстоит значительно сложнее. Имеют значение не столько образование или принадлежность к той или иной социальной группе, сколько психологические особенности. Зачастую эти люди достаточно представительны, социально успешны, пользуются большим уважением, много работают. Поэтому сообщения жертвы об инцесте, как правило, не вызывают доверия.

4. Инцест связан с сексуальной депривацией, с невозможностью проявлять сексуальную активность по-другому. Эта точка зрения также ошибочна. Исследования показывают, что большинство лиц, совершающих инцест, ведут активную сексуальную жизнь не только внутри, но и вне брака.

5. Инцест всегда сопровождается насилием (инцест — это всегда растление малолетних). Иногда дети и подростки ведут себя провокационно и соблазняют взрослых, совершающих инцест. Несмотря на возможность такого поведения, ответственность за инцест несет только взрослый.

6. Инцест совершается в измененном состоянии сознания.

7. Заявление клиента (ребенка) об инцесте всегда является правдой [89].

Примерно в 90 % случаев жертвы инцеста скрывают информацию об инцесте. Среди причин сокрытия инцеста можно выделить следующие:

— угроза прямой или косвенной агрессии по отношению к ребенку. Нередко ему сообщают, что, если он расскажет о насилии, его убьют или избьют до смерти;

— убеждение ребенка в том, что ему никто не поверит;

— страх, появляющийся в результате запугивания со стороны агрессора, что если второй родитель (родители) узнает о случившемся, то не простит обоим участникам инцеста;

— опасение, что второй родитель (родители) этого не переживет, заболеет и вина за его состояние ляжет на ребенка;

— запугивание судом: отца (мать) посадят в тюрьму, а семья не сможет жить без него (нее);

— боязнь публичного осуждения [111].

Таким образом речь идет о разных формах эмоционального шантажа, которые, к сожалению, оказываются действенными. Причина молчания жертвы инцеста, с одной стороны, заключается в страхе за себя, а с другой — за то, что ситуация в семье ухудшится. Эти действия поддерживаются искаженными представлениями членов семьи о «лояльности» в отношении друг друга.

Последствия инцеста разнообразны и проявляются в эмоциональной, когнитивной и (или) поведенческой сферах личности. У детей, подвергшихся сексуальному насилию, создается повышенный риск развития следующих нарушений:

— аддикций: имеются данные о том, что такие дети в семь раз чаще злоупотребляют алкоголем или другими веществами, изменяющими состояние сознания;

— склонности к суициду: жертвы инцеста в десять раз чаще совершают суицидальные попытки;

— занятий проституцией: большое количество случаев детской и подростковой проституции сопровождается наличием в анамнезе ребенка сексуального насилия;

— психических нарушений: у детей — жертв сексуального насилия симптомы психических нарушений возникают чаще, чем у детей, не подвергавшихся насилию [110];

— посттравматического стрессового расстройства и сексуализированного поведения. Блюм указывает на риск возникновения сексуального аддиктивного поведения у детей, переживших инцест;

— развития в зрелом возрасте эмоциональных расстройств (фобий, депрессий), мазохистических тенденций, сексуальных и супружеских проблем [89];

— чувства стыда: в случае если жертва инцеста получает удовольствие, ее чувство стыда усиливается. У девочки может возникать характерный для многих жертв инцеста вид вины, при котором она ощущает себя женщиной, уведящей отца у матери, что затрудняет поиск поддержки и помощи у последней.

Сексуальное злоупотребление, характеризующееся высокой частотой сексуальных контактов, большой длительностью, применением силы, оральным, анальным или вагинальным проникновением, связано с более многочисленными симптомами психических нарушений. Отмечается также формирование тесной эмоциональной связи между ребенком и агрессором (так называемый стокгольмский синдром).

У агрессора часто возникает ощущение, что жертва инцеста должна принадлежать только ему. В отношениях «отец — дочь» отец может начать ревновать дочь к ее знакомым и мешать установлению контактов со сверстниками. И если большинство родителей испытывают лишь некоторую тревожность, когда их взрослеющие дети уходят на свидания, то агрессор воспринимает такой уход как предательство, нарушение лояльности, продуцируя реакции ярости, обвинения с последующим наказанием подростка. Такое поведение отца нарушает нормальное развитие дочери. Вместо того чтобы становиться постепенно более независимой от родительского контроля, жертва инцеста все в большей степени «сливается» с агрессором, что приводит к усилению ее изоляции от внешнего мира.

Анализ иерархической структуры семей, в которых выявлен инцест, указывает на следующие их особенности [39]:

1) инцестные отношения отца и дочери чаще имеют место там, где отец занимает доминирующую роль;

2) инцест между сиблингами характерен для семей с перевернутой иерархией;

3) инцестные отношения в диаде «мать — сын» в большинстве случаев возникают в матриархальных семьях.

Изучение семейных отношений (по воспоминаниям взрослых дочерей, переживших в детстве инцест) показывает, что во многих случаях девочки были злы на мать больше, чем на отца. Их постоянно преследовал вопрос, на который они

никак не могли ответить: «А знает ли об этом мать? Догадывается, испытывает тревогу, переживает, проявляет интерес к происходящему?» Многие из них были убеждены в том, что их матери должны были что-то знать, так как признаки насилия были слишком очевидны. Более того, они были уверены в том, что матери, если бы только захотели и обратили на происходящее в семье чуть больше внимания, то, безусловно, знали бы об инцесте. Однако матерям по ряду причин было удобнее не обращать внимания на тревожные симптомы.

Данный пример иллюстрирует, что инцест может возникать как результат дисфункции супружеской подсистемы, усугубленный фактом достаточно длительного проживания девочки вне семьи и искажением отношения отца к ребенку как к родному [71].

Анализ семейной ситуации жертв инцеста позволяет выделить следующие типы материнского поведения.

1. Мать действительно не знает об инцесте.

2. Мать знает об инцесте, но ничего не предпринимает. Такой вариант материнского поведения является наиболее деструктивным: ребенок чувствует себя преданным обоими родителями.

3. Мать предпочитает не знать об инцесте. Такая мать выступает как классический «молчаливый партнер» (соинцестор), игнорирующий инцест и выбирающий избегающее поведение. Это может быть связано с неосознанным стремлением матери уйти от решения существующих проблем, чаще всего касающихся супружеской подсистемы, и тем самым защитить себя от болезненных переживаний, чувства тревоги, неопределенности, растерянности, страха, беспомощности и т. д., связанных с необходимостью их решения. Психологическими особенностями таких женщин являются: пассивность, низкая самооценка, зависимость, инфантильность, потребность удерживать мужа и любым способом сохранить семью. Это приводит к возникновению защитного отрицания, которое может лишь усугубить ситуацию.

Инцест может существовать на микросистемном уровне (между членами нуклеарной семьи) и на макросистемном уровне (между членами расширенной семьи) функционирования семьи. Выделяют следующие факторы, способствующие возникновению в семье инцестных связей [31]:

- отсутствие матери (физическое или функциональное вследствие психических заболеваний);
- высокий уровень стресса, связанный с жизнедеятельностью семьи;
- многодетность;
- финансовые проблемы;
- выраженная материальная зависимость жертв от лиц, совершающих инцест;
- алкоголизм или злоупотребление алкоголем лицами, совершающими инцест;
- длительное отсутствие отца дома;
- патология супружества;
- социальная изоляция;
- импотенция;
- психопатии;
- длительное проживание ребенка вне семьи;
- социальная депривация ребенка, отсутствие друзей;
- эмоционально холодная, наказывающая мать, табуирующая любые проявления сексуальности в семье [89].

Согласно многоуровневой модели функционирования семьи, инцест можно трактовать как глубокое нарушение жизнедеятельности всей семейной системы. Подобная дисфункциональность семейной системы, как правило, представляет собой по каким-либо причинам ставший единственно доступным способ поддержания семьей ее существования, сохранения целостности и предотвращения ее распада. В данном случае инцест выполняет следующие функции.

1. *Гомеостатическая.* Инцестное поведение позволяет снизить напряжение и сохранить семью путем удовлетворения всех потребностей внутри семьи, включая потребность в сексуальных контактах. За фактом инцеста, как правило, скрывается полное или частичное разрушение супружеской подсистемы, сопровождающееся дефицитом сексуальных отношений между партнерами в браке. Между такими партнерами обычно имеется молчаливое соглашение сохранять брак независимо от обстоятельств.

2. *Контролирующая.* Инцест символизирует полное доминирование одного участника над другим (как правило, доминирование взрослого над ребенком), полный контроль над всеми сферами его жизни. Даже если не используется физическое насилие, часто взрослые угрожают ребенку, находящемуся

в зависимой позиции от родителя. Иногда это могут быть гомосексуальные взаимоотношения. Инцест может продолжаться много лет, с несколькими детьми в одной семье, одновременно или поочередно. Это характерно для семей с очень жесткими внешними границами и внутрисемейным слиянием [71].

Помимо инцеста первого рода, выделяют также *психологический*, или *символический (скрытый)*, инцест, не предполагающий сексуальных отношений между его участниками. При символических инцестных отношениях в семье ребенок может выступать как суррогат супруга или супруги. Квазисупружество находит выражение в том, что родитель начинает делиться с ребенком информацией глубоко личного или даже сексуального характера, делает сына (дочь) ответственным за собственные проблемы. При этом у ребенка возникают амбивалентные чувства и переживания: с одной стороны, гордость за оказываемое доверие, а с другой — отчаяние из-за невозможности нести ответственность, не соответствующую возрасту и статусу. Это приводит к ролевому дисбалансу в семье [39].

В случае символического инцеста поведение ребенка характеризуется следующими признаками:

- амбивалентные чувства любви и ненависти в адрес родителя: с одной стороны, ребенок чувствует себя в особом, привилегированном положении, а с другой — постоянно ощущает неуверенность в связи с невозможностью соответствовать ожиданиям. У него может появляться чувство ярости, злости, отчаяния, когда он ощущает неадекватность адресованных ему посланий;

- чувство вины, неспособность определить собственные потребности и ожидания, что вызывает трудности в самоидентификации;

- хроническое чувство неадекватности, недостаточной значимости, несамостоятельности;

- стремление устанавливать поверхностные и кратковременные отношения с большим числом лиц. Становясь взрослыми, такие люди впоследствии испытывают трудности в создании глубоких, основанных на взаимности, отношений, легко вступают в поверхностные контакты и, не получая удовлетворения, легко их прерывают, что способствует развитию аддикций, сексуальных дисфункций, компульсивности. Это связано с хроническим страхом быть покинутыми людьми, которые соперничают и заботятся о них. Характерен постоянный

поиск «совершенного» партнера, желание установления уникальных отношений, основанных на взаимной любви. После прекращения очередных отношений, как правило, возникает чувство вины, сожаления, угрызания совести и недовольство собой.

Инцест не типичен для хорошо функционирующих семей с прямыми и ясными внутрисемейными посланиями. С большей вероятностью он может возникать в семьях, для которых характерны нарушения сплоченности (сверхблизкие отношения или эмоциональная изоляция), ролевые дисфункции и нарушения внутренних границ семьи. Это позволяет рассматривать инцест как результат глубокой семейной дисфункциональности [71].

Смерть члена семьи — одно из самых сильных потрясений в жизни как отдельного человека, так и семьи в целом. Влияние этого события на семейную систему определяется значимостью для нее умершего, его функциональной нагруженностью, статусом, степенью эмоциональной близости с родственниками [43]. Потеря члена семьи (особенно взрослого) может привести к появлению «функциональной пустоты» в семейной системе, приводящей к необходимости перераспределения в ней ролей и функций [52].

Смерть ребенка. Реакция членов семьи на смерть ребенка зависит от его возраста, статуса и количества детей в семье. Исключительно тяжело она может переживаться, если речь идет о единственном или «особом» ребенке. Спектр чувств, вызываемых смертью ребенка, достаточно широк: родители испытывают отчаяние, тоску, смятение, злость к тем, кто остался жив или как-то виновен в смерти ребенка и др. Чувство вины, тайные страхи и заблуждения, иррациональные мысли, возникающие во время переживания такой потери, могут оказывать пролонгированное влияние на жизнь членов семьи. Проблема часто осложняется тем, что родители, погруженные в собственные переживания, не могут поддерживать других детей, способствуя таким образом возникновению у них ощущения отвержения, одиночества, наказанности и нелюбви.

Смерть родителя. Смерть родителя приводит к возникновению неполной семьи и образованию «функциональных пустот», что влечет за собой необходимость реорганизации структуры семьи (прежде всего ролевой).

Можно описать несколько типов реакций супруги (супруга) на смерть партнера.

1. *Адекватная реакция*, включающая нормативное переживание этапов горевания, поиск внутренних семейных ресурсов для преодоления горя при сохранении иерархических параметров семьи и избегании ролевых инверсий.

2. *Полная концентрация на детях*, поиск утешения в детско-родительских отношениях. Данная реакция может осложняться стремлением родителя найти воплощение умершего партнера в одном из детей, что впоследствии затрудняет сепарацию данного ребенка от семьи.

3. *Уход родителя в собственные переживания* и отстранение от семьи, от выполнения родительских функций, что приводит к появлению у детей чувства одиночества, отверженности и вины за произошедшее.

4. *Быстрое включение родителя в эмоционально близкие отношения с новым партнером* с целью компенсации травмы в связи со смертью супруга (супруги). В этом случае велика вероятность непонимания со стороны детей, возникновение у последних злости, агрессии, ощущения предательства умершего родителя.

Переживание потери ребенком родителя имеет свои особенности. Чем младше ребенок и чем менее адекватно его возрасту объяснение «ухода» родителя, тем больше риск возникновения в будущем различных личностных расстройств, проблем в построении межличностных отношений, особенно в случае внезапной трагической смерти [71].

Суицид члена семьи. Под суицидом (самоубийством) понимают осознанное лишение человеком себя жизни. В классификации основных суицидальных мотивов на первом месте стоят так называемые лично-семейные мотивы, связанные с семейными конфликтами, разводом (в том числе и родительским), болезнью, смертью близких, одиночеством, неразделенной любовью, оскорблениями со стороны окружающих. Роль семьи в контексте суицидального поведения ее членов была проанализирована А. Г. Амбрумовой и Л. И. Постоваловой. Они подчеркивали, что суицидологический семейный диагноз является составной частью диагностики семейных дисфункций, так как он позволяет определить, можно ли в процессе терапии опереться на семью либо, наоборот, необходимо оградить суицидента от ее травмирующего влияния [6].

Терапевтическая практика позволила выделить следующие микро- и макросистемные семейные факторы, детерминирующие суицид.

1. Фрустрация потребности в материнской любви.
2. Отсутствие отцовской фигуры в раннем детстве.
3. Инверсия иерархии (низкий авторитет родителей).
4. Доминирующая роль одного родителя и эмоциональная отстраненность другого.

5. Психопатология взрослого члена семьи, провоцирующая эмоционально нестабильную атмосферу в семье и телесные наказания ребенка.

6. Семейные дисфункции (измены, разводы, конфликты между супругами, враждебность, химические зависимости, длительные болезни членов семьи).

Суицидальное поведение — более широкое понятие, включающее в себя, помимо суицида, суицидальные покушения, попытки и проявления. Покушениями считают все суицидальные акты, не завершившиеся летальным исходом по причине, не зависящей от суицидента (например своевременная реанимация). Суицидальные попытки представляют собой демонстративно-установочные действия, при которых суицидент чаще всего знает о безопасности применяемых им средств самоубийства. Суицидальные проявления включают в себя суицидальные мысли, намеки и высказывания, не сопровождающиеся какими-либо действиями, направленными на лишение себя жизни. Суицидальное поведение в некоторых случаях может рассматриваться как манипулятивный способ привлечения к себе внимания. На индивидуальном уровне суицидальные проявления могут быть неэффективной попыткой удовлетворения членом семьи своих потребностей; на микросистемном уровне — способом стабилизации семейной системы; на макросистемном уровне суицидальное поведение может быть обусловлено действием семейных сценариев [52].

Суицид — тяжелое испытание для всей семьи. Суицид переживается с большей остротой из-за чувств стыда, вины, агрессии в адрес умершего. На индивидуальном уровне функционирования семейной системы актуализируются разнообразные защитные механизмы (отрицание, вытеснение, интеллектуализация, смещение и др.). На микросистемном уровне событие затрагивает всю систему: как и смерть, вызванная другими причинами, суицид одного из членов семьи ведет к перестрой-

ке структуры всей семейной системы и отношений внутри нее. В первый момент после трагического события семья может попытаться сплотиться, чтобы справиться со страхом, болью и стыдом. На макросистемном уровне для поддержания образа благополучной семьи часто создается легенда, скрывающая реальную причину смерти. Суицид может стать запретной для обсуждения темой: заключается негласный «договор умолчания» о суициде и самом суициденте, согласно которому члены семьи избегают говорить об умершем и обстоятельствах его смерти. Может табуироваться сама тема суицида. Однако наличие такой семейной тайны может оказывать влияние на жизнь членов семьи благодаря трансгенерационным связям.

Сходные стадии переживания утраты близкого человека были выделены рядом таких авторов как Б. Дейте, Г. Навайтис, Л. Б. Шнейдер, Дж. Браун, Д. Кристенсен, Э. Кюблер-Росс. Они выделили следующие этапы.

1. *Оцепенение, или шок.* Реакция взрослых на этой стадии, как правило, носит соматический характер и может проявляться в потере аппетита, мышечной слабости, апатичности, иногда сменяющейся временной суетливой подвижностью, ощущении нереальности происходящего. Ребенок на этой стадии часто начинает избегать контактов, проявляя тенденцию к аутизации, либо демонстрирует сильные эмоциональные реакции (плач, истерика, вспышки гнева).

2. *Отрицание смерти.* Члены семьи могут вести себя так, будто их близкий не умер; ждут его, разговаривают с ним.

3. *Страдание, острая скорбь, дезорганизация.* Данная стадия отличается появлением у членов семьи тоски, отчаяния, ощущения пустоты и одиночества, беспомощности, сожалений по поводу своих прошлых действий и мыслей в отношении умершего, злости на него. Подобная амбивалентность становится источником чувства вины, желания уединиться. На этом этапе отмечаются раздражительность, сложности в организации деятельности. Характерна погруженность в воспоминания об ушедшем и его идеализация. Иногда возникает ряд соматических реакций: затрудненное дыхание, мышечная слабость, астения, утрата энергии, снижение аппетита, нарушение сна.

4. *Реорганизация,* сопровождающаяся уменьшением интенсивности скорби, принятием утраты члена семьи и снижением ощущения подавленности. На этой стадии происходит норма-

лизация жизни семьи. Переживание утраты протекает в виде периодических кризисов, поводом для возникновения которых служат семейные даты и праздники (синдром годовщины).

5. *Восстановление.* Члены семьи начинают перестраивать свою жизнь, уменьшается зависимость от потери. Овдовевшие супруги могут начать строить новые отношения.

6. *Процесс горевания.* Это переживание утраты близкого человека. С его помощью человек справляется с болью потери, постепенно вновь обретая чувство равновесия и полноты жизни. Горевание является способом восстановления членов семьи после смерти близкого [6].

В процессе горевания выделяют следующие критические периоды времени.

- Первые 48 часов. Этот период характеризуется шоком от перенесенной утраты и отказом поверить в произошедшее.

- Первая неделя. Включенность в организацию и проведение похорон позволяет членам семьи отвлечься от тяжелых переживаний. Между тем у некоторых из них может наблюдаться ощущение эмоционального и (или) физического истощения.

- 2—5 недель. Члены расширенной семьи и друзья возвращаются к своим повседневным заботам после похорон, что может вызвать у пережившего утрату ощущение покинутости, одиночества, пустоты.

- 6—12 недель. Реакция шока проходит, и осознается реальность потери. В это время члены семьи могут переживать разнообразные эмоции: от тоски и отчаяния до вспышек гнева.

- 3—12 месяцев. Возникает ощущение беспомощности, может отмечаться регрессивное поведение членов семьи. Неосознаваемым механизмом, позволяющим семье справиться с переживанием потери, нередко выступает симптоматизация одного из членов семьи или появление идентифицированного пациента, стабилизирующего семейную систему. Некоторые члены семьи ощущают депрессию, другие с головой уходят в работу. В этот период может быть зачат или рожден ребенок, который, как правило, выполняет замещающую функцию.

- 12 месяцев. Первая годовщина смерти — это всегда значимое событие, специфика переживания которого зависит от особенностей проживания предыдущих стадий.

- 18—24 месяца. Семья, пережившая утрату, возвращается к прежней жизни.

Прохождение семьей описанных стадий носит индивидуальный характер. Их последовательность и длительность могут изменяться.

К. Изард отмечает, что горевание имеет чрезвычайно большое значение для психологической адаптации индивида [37]. Оно позволяет ему сжиться с утратой, адаптироваться к ней. В определенном смысле горе предоставляет возможность отдать последний долг навсегда ушедшему любимому человеку.

3. Фрейд назвал процесс адаптации к несчастью «работой скорби». Современные исследователи характеризуют ее как когнитивный процесс, включающий изменение мыслей об умершем и поиск своего места в новых обстоятельствах [112].

Типичное проявление скорби — тоска по умершему. Она сопровождается навязчивыми мыслями и фантазиями о навсегда ушедшем. Места и ситуации, связанные с ним, приобретают особую значимость. Его лицо кажется повсюду. Пропадает интерес к прежде важным событиям, к своей внешности.

Подобные реакции отражают работу скорби, однако в случае их гипертрофии и создания культа умершего они могут приобретать патологический характер.

Во время горевания происходят изменения идентичности членов семьи. Поэтому важная составляющая «работы скорби» заключается в выработке нового взгляда на себя, поиске новой идентичности.

Иногда смерть близкого человека оказывает на членов семьи настолько глубокое воздействие, что требуется профессиональная психологическая помощь. Риск осложненной реакции имеют родители, потерявшие ребенка, а также люди, близкие которых погибли насильственной смертью, в результате аварии, убийства, самоубийства.

Выделяют *три уровня риска* в ситуациях переживания горя.

1. *Минимальный риск*. Члены семьи открыто выражают свои чувства, оказывают поддержку друг другу и принимают ее со стороны расширенной семьи, друзей, соседей. Сохраняется способность идентифицировать проблемы и искать пути их разрешения.

2. *Средний риск*. Реакция горя протекает с осложнениями: у отдельных членов семьи могут наблюдаться депрессивные реакции; семья не принимает поддержку. Данные реакции

могут осложняться в случае наличия многочисленных предыдущих потерь, неразрешенных конфликтов с умершим.

3. *Высокий риск.* У членов семьи может появиться эксцентричное (грубое, жестокое) поведение; тяжелая депрессия; попытки и угроза суицида; злоупотребление лекарствами или алкоголем; тяжелая бессонница. К этой же категории относятся ситуации полного отсутствия проявления горя в семье [6].

Нередко смерть близкого человека вызывает у членов семьи патологические симптомы. К *патологическим симптомам*, сопровождающим переживание горя, можно отнести следующие:

- затяннувшееся переживание горя (несколько лет);
- задержка реакции на смерть близкого (нет выражения страданий в течение двух и более недель);
- сильная депрессия, сопровождающаяся бессонницей, напряжением, упреками в свой адрес;
- появление болезней психосоматического характера (язвенный колит, ревматический артрит, астма, мигрени, нейродермит и т. д.);
- ипохондрия и, возможно, развитие симптомов, от которых страдал умерший;
- сверхактивность: человек, перенесший утрату, начинает развивать активную деятельность, не ощущая боль утраты;
- неистовая враждебность, направленная против конкретных людей, часто сопровождаемая угрозами;
- полное изменение стиля жизни;
- снижение эмоциональной чувствительности;
- эмоциональная лабильность, резкие переходы от страданий к бурной радости;
- суицидальные мысли и намерения;
- изменение отношения к друзьям и родственникам, уход от контактов с ними или чрезмерная навязчивость;
- избегание социальной активности; прогрессирующая уединенность [37].

Несколько типов дисфункциональных реакций семейной системы в ситуации потери одного из ее членов были проанализированы и описаны такими авторами, как Н. И. Олифирович, Т. А. Зинкевич-Куземкина, Т. Велента, они выделили следующие виды реагирования:

1. *Реагирование по типу слияния.* Наблюдается в ситуациях, когда члены семьи конструируют в попытке справиться с болью

потери. Смерть близкого родственника нарушает целостность семьи и актуализирует различные страхи.

Ослабление (размывание) внутренних границ семьи, как правило, позволяет ее членам ощутить поддержку, уверенность в том, что они не одиноки в своем горе, однако это приводит к усилению внешних границ и социальной изоляции семьи. Снижается частота социальных контактов и возможность для членов семьи получать помощь извне. Такой способ реагирования не помогает семье справиться с горем, а хронифицирует его вследствие поддержки членами семьи болезненных реакций друг друга.

2. *Реагирование по типу изоляции.* Встречается в ретрофлексивных семьях, члены которых переживают горе путем «молчаливого ухода», не показывая друг другу своей боли. Такой тип реагирования характеризует жесткие внутренние границы семейной системы, обуславливает трудности получения членами семьи поддержки друг у друга и является источником их прогрессирующего одиночества.

3. *Реагирование по типу расщепления.* Характерно для семей, в которых функция горевания «делегировается» одному из ее членов. Он оплакивает умершего, организует ритуальные действия (годовщина смерти, день рождения умершего и др.), помогает сохранить память об ушедшем. С одной стороны, горящий член семьи оказывается в своеобразной изоляции и получает мало поддержки от остальных, иногда становясь объектом раздражения и агрессии. С другой стороны, «анестезированные» члены семьи инкапсулируют свою боль и дистанцируются от непереносимой ситуации, защищаясь таким образом от осознания неотвратимости произошедшего.

4. *Реагирование по типу замещения.* Проявляется в том, что спустя небольшой промежуток времени после смерти члена семьи появляется его «заместитель» (рождается новый ребенок, как, например, в случае Сальвадора Дали; овдовевший супруг вступает в новый брак).

5. *Реагирование по типу переключения.* Связано с появлением в семье идентифицированного пациента, который позволяет членам семьи отвлечься от болезненных переживаний, связанных с потерей, и сконцентрироваться на решении его проблем (внезапная болезнь, неожиданно появившиеся трудности в поведении или обучении у ребенка, алкоголизм и др.). Иногда появление идентифицированного пациента помогает

сохранить равновесие семейной системы, предоставляя семье возможность сплотиться в заботе об одном из ее членов [71].

Вышеперечисленные реакции являются дисфункциональными, так как мешают членам семьи в полной мере прожить свое горе и отреагировать связанные с ним эмоции. Наиболее оптимальным вариантом является ситуация, когда члены семьи сохраняют способность слышать, понимать друг друга, оказывать поддержку друг другу и принимать ее извне, не избегать разговоров об умершем, не подавлять и не скрывать свои переживания по поводу случившегося.

В последнее время широкое распространение получила концепция работы с горяющим клиентом Дж. В. Вордена. Он рассматривает реакцию горя в соответствии с четырьмя задачами, которые должны быть выполнены переживающим утрату. Ворден считает этот подход близким к теории З. Фрейда о работе горя («работе скорби»), удобным для клиницистов.

Первая задача горя — *признание факта потери*. Отрицание факта смерти члена семьи — одна из наиболее часто встречаемых реакций. Отрицание в семье может проявляться на различных уровнях (индивидуальном, микро- и макросистемном) и принимать разные формы (отрицание факта потери, ее значимости либо необратимости). Если семья не преодолевает отрицание, теряется возможность прожить до конца потерю близкого человека, принять этот факт и организовать свою жизнь по-новому.

Отрицание факта потери может варьировать от легкого расстройства до тяжелых психотических форм. Однако чаще встречается менее патологичная форма проявления отрицания, названная Горером мумификацией. В таких случаях человек сохраняет все так, как было при умершем, чтобы все время быть готовым к его возвращению.

Иногда члены семьи могут отрицать значимость утраты, считая факт потери не травматичным или даже воспринимая его как благо («он ничего хорошего для меня не сделал», «он был жестоким», «он испортил жизнь маме»). Члены семьи могут поспешно избавляться от вещей, напоминающих об умершем (поведение, противоположное мумификации), стараться о нем не вспоминать и не говорить. Данные семьи составляют группу риска развития патологических реакций горя. Как правило, в таких ситуациях бремя дани оплакивания умершего могут брать на себя последующие поколения.

Еще одним способом избегания осознания потери является отрицание ее необратимости. Родители после смерти ребенка могут думать, что у них будут другие дети, которые «займут место умершего». Некоторые пытаются найти утешение в религии, дающей надежду «встретиться на небесах».

Вторая задача горя, по Дж. В. Вордену, состоит в том, чтобы *пережить боль потери*. Вслед за принятием факта смерти члены семьи сталкиваются с разнообразными чувствами, многие из которых оказываются очень болезненными, невыносимыми. В этот период важно не прятать боль (гнев, злость, раздражение, обиду, ярость, вину и др.), не избегать своих переживаний, а попытаться прожить их, не теряя контакта с собой и близкими.

Способы избегания переживаний, связанных с потерей, могут быть различными:

- отрицание наличия боли или других мучительных чувств;
- избегание воспоминаний об умершем;
- прибегание к психотропным веществам, алкоголю или наркотикам;
- отказ от реальности путем переезда на новое место жительства, организации путешествия или ухода в непрерывную напряженную работу.

Третья задача, с которой должна справиться семья, — это *реорганизация ее жизни после потери*. Членам семьи необходимо перераспределить функции, выработать ритуалы, помогающие сохранить память об умершем.

Четвертая задача связана с необходимостью *завершить эмоциональные отношения с ушедшим и продолжать жить*. Если предыдущие задачи были решены успешно, члены семьи отреагировали чувства и эмоции, связанные с умершим и с фактом его потери, то рано или поздно это приводит к их эмоциональной стабилизации и возможности строить новые отношения.

Иногда выполнению этой задачи может мешать близкое окружение. Например, часто возникают конфликты с родственниками в случае появления новых отношений с мужчиной у овдовевшей женщины (с женщиной у овдовевшего мужчины). Реализации четвертой задачи могут также препятствовать семейные мифы о единственной любви и воссоединении на небесах, о том, что дети никогда не примут отчима или мачеху и т. д. [30].

Признаком незавершенности эмоциональных отношений с умершим является продолжающееся переживание членами семьи сильных чувств к нему или ощущение законсервированности, замороженности («жизнь остановилась», «после его смерти я как в тумане»), рост напряжения и беспокойства. Маркером позитивного выхода из кризиса можно считать возникновение у членов семьи ощущений, что можно продолжать жить и радоваться, не предавая при этом память об ушедшем.

Работа горя завершена, когда семья, пережившая утрату, оказывается способной выполнять свои функции, осваивать новые роли, взаимодействовать с окружением, не прибегая к дисфункциональным паттернам жизнедеятельности.

Особо необходимо отметить, что в период осознания и прояснения кризисной ситуации люди особенно чувствительны к помощи. Привычные защитные механизмы ослаблены, обычные модели поведения представляются неадекватными, и человек становится более открытым для внешних влияний. Минимальное усилие в этот период часто может дать максимальный эффект, и соответствующим образом направленная небольшая помощь может улучшить ситуацию эффективнее, чем более интенсивная помощь в периоды меньшей эмоциональной восприимчивости [42].

В заключение второй главы можно сделать следующие выводы. Семья — это малая группа, объединенная общей социальной деятельностью, находящаяся в личном общении и выполняющая определенные функции, ее члены имеют свои обусловленные роли. Кроме того что семья — это устойчивое и социальное образование, оно к тому же еще и динамично, и неизбежно проходит циклы своего развития, в связи с чем имеет некоторые затруднения, называемые нормативными кризисами, при переходе с одного этапа на другой. При зрелости и гибкости членов семьи эти процессы проходят естественно и бесконфликтно, в противном случае семья преодолевает этот период мучительно и трудно.

Помимо трудностей, связанных с переходами на другие этапы развития, некоторые семьи сталкиваются с такими кризисами, которые вызваны обстоятельствами и непосредственно деятельностью самих членов семьи. Такие кризисы называются ненормативными, они преодолеваются с большими трудностями, и часто заводят семейные отношения в тупик.

Подводя итог, необходимо особо подчеркнуть, что с какими бы кризисами не сталкивались семьи, они всегда преодолеваются более успешно, если члены семьи обладают гибкостью и зрелостью, способны к диалогу, компромиссу и взаимопониманию.

3. Психология общих и частных семейных кризисов

3.1. Общие и частные семейные кризисы

Статистические данные последних лет указывают на следующие причины разводов:

— приблизительно 42 % пар развелись из-за неподготовленности к семейной жизни (психологически или физически). Во время свиданий казалось, что так будет всегда, а зарегистрированный в ЗАГСе союз только укрепит отношения. Однако после вступления в брак приходит понимание, насколько супруги разные. Каждый из них требует постоянного внимания к себе, тогда как взаимность практически отсутствует, что приводит к системным конфликтам;

— 31 % представителей женского и 23 % мужского пола заявляют, что к разводу привела алкогольная или наркотическая зависимость партнера;

— 15 % жен и 12 % мужей требуют развода из-за измены второй половины;

— 9 % женщин подают на развод из-за того, что партнеры не помогают им в ведении домашних дел. Хотя отмечено, что 40 % мужчин делают это наравне с женой;

— 3,1 % пар расходятся из-за однообразия ежедневного быта;

— 1,8 % семей расстаются вследствие материальных проблем;

— 1,6 % расходятся на почве финансовых вопросов;

— 1,5 % супругов не выдерживают ревностных подозрений партнера;

— 0,8 % расходятся на почве сексуальной неудовлетворенности;

— 0,2 % пар расстаются из-за бесплодия одного из партнеров [115].

Как видим, наибольший процент разводов (42 %) происходит из-за неподготовленности к семейной жизни, или, как говорят сами супруги, по причине того, что «не сошлись характером». Если же внимательно проанализировать и обобщить все причины разводов, то основной, точнее главной, причиной будет являться *неправильный выбор партнера*. Все остальное будет лишь производной от этой причины.

Почему же так происходит?

Дело в том, что в основе неправильного выбора лежит незнание элементарных законов психологии, которая могла бы объяснить многие стороны нашей жизни. Современная система образования предусматривает обучение в школе в течение 11 лет и изучает примерно 32—36 предметов (в разных школах по-разному), за это время учащиеся получают огромный объем информации по самым разным вопросам. Получение всестороннего образования, несомненно, очень важно и нужно, однако большая часть знаний, полученных в школе, при повседневной жизни обычно остается практически невостребованной.

Выйдя в «большую жизнь», молодые люди сталкиваются с проблемами совсем другого плана. Взрослая жизнь требует от них умения правильно выбирать профессию, партнеров, супругов. Грамотно строить карьеру, распределять время и ресурсы, воспитывать детей, решать семейные и бытовые проблемы, улаживать всевозможные конфликты, и еще много чего другого, о чем ни в школе, ни в других учебных заведениях, к сожалению, ничего не говорится. Получается, что выпускники учебных заведений становятся если не профессионалами, то, по крайней мере, любителями иногда довольно высокого уровня в областях им не особо нужных, а в вопросах, которые им крайне необходимы, оказываются абсолютными дилетантами. И молодые люди начинают методом проб и ошибок получать необходимые знания, теряя время и силы, набивая себе синяки и шишки, часто страдая и нередко заставляя страдать своих близких. Считается, что набираться такого опыта дети должны у своих родителей, родных и близких, а приемам общения и т. п. непосредственно обучаются в социуме. Это действительно так, дети учатся у своих родителей и в социуме, но проблема в том, что сами родители, да и общество в целом не всегда могут научить детей поступать рацио-

нально и правильно. Родители, часто сами не сумевшие решить многие жизненные проблемы, имеющие различные моральные и душевные травмы, весь свой негативный опыт передают детям. Влияние социума также не всегда бывает положительным. В результате повзрослевший ребенок, вооружившись ошибками родителей и присовокупив к ним свои, добавив к этому знания, полученные в школе, которые в обыденной жизни мало что дают, вступает во взрослую жизнь. Конечно, так происходит не всегда и не со всеми, бывает и много положительных примеров, однако, судя по статистике, отрицательных примеров все-таки значительно больше. Специалистом в области образования стоило бы обратить на это самое пристальное внимание.

Все эти вопросы появились не вдруг и не сегодня, многим из них уже не одно тысячелетие, неслучайно на базальтовой стеле с законами Хаммурапи, которой 5000 лет, немалая часть текста посвящена этой стороне отношений.

Во многих племенах и народах в древности многие вопросы, включая супружеские отношения, регулировались «обычным правом». Обычаи вырабатывались в течение длительного времени и отражали все особенности быта, культуры и других особенностей конкретного народа. Закрепляясь со временем в отношениях, они передавались из поколения в поколение и становились законами. В то время дети действительно, глядя на родителей, могли учиться взаимоотношениям с противоположным полом и окружающими. Вырастая, они знали, как должны себя вести сами и как будут вести себя представители другого пола, представители другого пола знали то же самое. В результате этой предсказуемости и понятности многие супружеские проблемы, распространенные сегодня, в то время или полностью отсутствовали, или были в минимальном количестве. Однако со временем количество населения увеличивалось, изменялась хозяйственная деятельность и общественные отношения, народам в результате природных катаклизмов и завоеваний приходилось мигрировать, вступая во взаимоотношения с другими народами. Это, конечно же, сильно отражалось на законах и обычаях. Изменения, происходящие в жизни народов, приводили к преобразованиям и в правилах взаимоотношений. В результате таких перемен семейные отношения то приходили в упадок, то вновь «оказывались на высоте»,

но все же в бóльшей мере развитие семейного уклада поспевало за трансформациями, происходящими в обществе.

В современном мире семейные отношения находятся в тяжелом положении. Тут сказывается невероятное ускорение ритма жизни и общественных процессов, возросшая скорость коммуникаций и миграционных процессов, урбанизация вкупе с технической революцией, повысившийся уровень жизни вместе с возросшей образованностью общества. Эти перемены не могли не привести к изменениям в системе ценностей и социальных норм брака и семьи. В результате происходящих с такой скоростью трансформаций прежний уклад семейной жизни становится неактуальным, а новый просто не успевает вырабатываться. Все это ведет к глубочайшему кризису семейно-брачных отношений и требует немедленной выработки новых парадигм, способствующих улучшению и стабилизации института семьи.

Для решения этой проблемы были проведены исследования, содействующие пониманию протекающим в семье кризисным процессам.

Семьи, отношения в которых зашли в тупик и которые находятся на грани развода, практически никогда не распадаются сразу, а сначала проходят стадии конфликтов и семейных кризисов. Кризисы, как известно, бывают нормативные и ненормативные. Однако во время практической работы было замечено, что только 48 % желающих развестись супругов столкнулись с нормативными или ненормативными семейными кризисами, а остальные 52 % разводятся по причинам, не вписывающимся ни в тот, ни в другой вид, хотя все признаки наличия кризиса, упоминавшиеся ранее, были налицо:

Обострялись ситуативные противоречия в семье, и возрастала неустойчивость во всей семейной системе. Очень часто влияние кризиса распространялось на весь спектр семейных отношений.

На индивидуальном уровне очень четко просматривались повышение чувства тревожности и дискомфорта членов семьи, снижение их уровня удовлетворенности браком, ощущение непонятности, безысходности, неэффективность старых способов коммуникации и другие проявления, свойственные семейному кризису.

На микросистемном уровне отмечалось нарушение сплоченности, деформация внутренних и внешних границ нуклеарной

семьи. Нарастали негативные эмоции и критика по отношению друг к другу, часто возникали конфликтные ситуации. Семья, увязнув на одной стадии развития, была неспособна решать задачи следующих этапов. Нередко возрастала противоречивость и несогласованность притязаний и ожиданий членов семьи, разрушались прежде устоявшиеся ценности, а новые не были сформированы. Явно проявлялся дефицит правил.

На макросистемном уровне констатировались нарушения внутренних и внешних границ расширенной семьи, реализация архаичного поведенческого паттерна, неадекватного в данный момент, но эффективного в предыдущих поколениях, актуализация семейного мифа и другие проявления.

На мегасистемном уровне обнаруживалось резкое возрастание конфликтности с социальным окружением, социальная дезадаптация и изоляция семьи.

Часто в таких семьях кто-нибудь из ее членов (в большинстве случаев дети) начинал болеть, проявлять неадекватное поведение, совершать асоциальные поступки и прочее, то есть становился носителем симптома для стабилизации семейной системы, иначе говоря, превращался в «идентифицированного пациента».

Как уже указывалось выше, из анализа литературы по проблеме кризисных ситуаций в семье, известно три подхода в описании семейных кризисов.

Первый изучает закономерности жизненных циклов семьи, где кризисы рассматриваются как переходные моменты между стадиями жизненного цикла. Кризисы, возникающие на этих этапах, называются нормативными.

Во втором подходе анализируются события жизненного пути семьи, в особенности те, которые оказывают большое влияние на стабильность семейной системы. Такие кризисы могут возникать на любой стадии жизненного цикла семьи и называются ненормативными.

Третий подход основан на знаниях о кризисных ситуациях в семье или ее отдельных подсистемах, полученных в ходе экспериментальных исследований. Плзак описал два критических периода в развитии супружеских отношений. По его мнению, первый критический период наступает между 3-м и 7-м годом супружеской жизни и может продолжаться в лучшем случае около 1 года. Его причинами являются: исчезновение романтических настроений, неприятие контраста в поведении пар-

тнера в период влюбленности и в повседневном быту, рост числа ситуаций, где взгляды супругов вступают в противоречия и приводят к конфликтам. Кризисные ситуации могут возникнуть и без влияния внешних факторов, обуславливающих бытовое и экономическое положение супружеской пары, без вмешательства родителей, измены или каких-то патологических черт личности у одного из супругов.

Второй кризисный период наступает между 17-м и 25-м годом совместной жизни. Он не такой глубокой, как первый, и продолжается от года до несколько лет. Возникновение этого кризиса в основном приходится на период инволюции, повышение эмоциональной неустойчивости, появления страхов и чувства одиночества, связанного с уходом детей, с усиливающейся эмоциональной зависимостью жены, ее переживаниями по поводу быстрого старения, а также возможных сексуальных измен мужа.

По мнению Н. В. Самоукиной, первый кризисный период (5—7 лет) связан с понижением психологического статуса партнера. Второй кризисный период (13—18 лет) вызван психологической усталостью друг от друга и отсутствием новизны в отношениях. Кризис «протекает» менее болезненно, если супруги признают относительную взаимную свободу и самостоятельность друг друга, а также ищут способы обновления супружеских отношений.

Сопоставив эти подходы с собственными исследованиями, стало ясно, что наиболее приближенным к личным изысканиям стал третий подход, частично затронутый Мирославом Плгаком и Натальей Васильевной Самоукиной. Однако в работах этих исследователей привязка кризисов происходит к временным периодам и связывается в большей степени с бытовой рутинной, эмоциональным выгоранием, а также с психической и биологической инволюцией. Вопросы, связанные с психологическими, социальными, эмоциональными, культурными, сексуальными и прочими индивидуальными особенностями супругов, приводящие к кризисам, а также влияние внешних факторов затрагиваются только вскользь либо не упоминаются вовсе.

Исходя из результатов проведенных собственных изысканий были сделаны выводы, что существует еще несколько видов семейных кризисов, которые в меньшей степени влияют на развитие семейно-брачных отношений, но не нашли

достаточного отражения в психологической литературе и не раскрыты полностью. С учетом отличительных особенностей и характеристик этих кризисов они были разделены на *общие и частные семейные кризисы*.

В чем же главные отличительные особенности этих кризисов?

Исследования показали, что в супружеских парах, где имеется одно и более различие или противоречие, иначе говоря — *несовместимость*, на психологическом, социальном, культурном, сексуальном, эмоциональном и других уровнях (пользуясь четырехуровневой градацией А. Н. Обозовой на психофизиологическом, психологическом, социально-психологическом и социокультурном. — *Прим. авт.*) там со временем возникают противоречия, непонимание и разногласия, приводящие к конфликтам, ссорам и скандалам, перерастающим в семейные кризисы.

В качестве примера рассмотрим несколько семей.

Пример 1

За консультацией обратилась семейная пара, состоящая в браке около пяти лет. Поводом обращения послужили бесконечные ссоры и скандалы, в результате которых семья оказалась на грани развода. Выяснилось, что супруги постоянно ругаются из-за неаккуратности мужа, хотя во всех остальных вопросах царит полная гармония и понимание. Оказалось, что супруга была единственным ребенком в интеллигентной, городской семье, где был культ чистоты и порядка, в то время как муж происходил из многодетной деревенской семьи с пьющим отцом, и хотя, переехав в город, он многого добился в жизни, его представление о порядке и чистоте в корне отличались от представления супруги. В начале семейной жизни оба супруга не придавали этому большого значения, но со временем это привело к большим проблемам и довело семью до кризиса в семейных отношениях. (Налицо различия супругов на социальном уровне. Социально-психологическая несовместимость по А. Н. Обозовой. — *Прим. авт.*)

Пример 2

В психологической помощи нуждалась семья со стажем супружеской жизни два года. Супруга из семьи музыкантов, все дети в которой играли на клавишных инструментах,

увлекались классической музыкой и театром. Супруг, бывший спортсмен (боксер), занимался автомобильным бизнесом. Кроме бокса и автомобилей, ничем не интересовался. Познакомились, когда он защитил ее от хулиганов. Случайная встреча переросла в роман, она была очарована его мужеством и щедростью, подруги называли их брак идеальным. Со временем отсутствие общих интересов привело к взаимному безразличию и отчуждению, стало приводить к ссорам и, как следствие, желанию развестись. (Несовпадения культурного плана. Социокультурная несовместимость по А. Н. Обозовой. — Прим. авт.)

Пример 3

На прием пришла семейная пара со стажем супружеской жизни десять лет, имеющая двух детей пяти и девяти лет. Супруга выросла с матерью, младшим братом и сестрой. Мать постоянно работала на нескольких работах и ей, как старшей сестре, приходилось следить за младшими и помогать матери по хозяйству. По словам мужа, очень тихая и спокойная жена, к тому же экономная и бережливая. Муж понимает, что она его надежный тыл, но ему с ней очень скучно. В молодости он был гуляка-парень, который происходил из очень обеспеченной семьи, любил вечеринки и развлечения, звал супругу с собой, но та часто отказывалась, не запрещая ему ходить одному. Пока супруг был молодой, его это все вполне устраивало, но с годами надоело, и он начал устраивать скандалы. Жена все покорно терпит, что раздражает его еще больше. К тому же его злит ее вечная экономность и желание чинить и исправлять то старье, которое, по его мнению, давно пора выбросить. Жить с ней он не хочет, но и уйти не может. (Различие эмоционального и социального уровня. Психофизиологическая и социально-психологическая несовместимость по А. Н. Обозовой. — Прим. авт.)

Пример 4

В семье со стажем шесть лет и двумя детьми (мальчиками четырех и пяти лет) постоянно происходили скандалы между супругами по причине разных взглядов на воспитание детей. Отец, воспитанный в патриархальной семье, с суровым и даже жестоким отцом, считал, что мальчиков надо держать в строгости (в ежовых рукавицах), что в будущем позволит им стать

стойкими, твердыми и самостоятельными. Мать, выросшая в эгалитарной семье, напротив, считала, что строгость при воспитании детей оттолкнет их от родителей и ввиду недостатка любви и внимания приведет в будущем к отчуждению по отношению к родителям и к робости во взрослой жизни. Супруги постоянно спорили и доказывали друг другу правильность своих взглядов, но никто из них не признавал правоту другого, и споры постоянно заканчивались ссорами и скандалами. В конце концов ссоры перешли в затяжной семейный кризис, который обострился до такой стадии, что оба супруга стали задумываться о разводе. (Несовпадение представлений о супружеских ролях. Социально-психологическая несовместимость по А. Н. Обозовой. — Прим. авт.)

Пример 5

Несколько похожий, но более сложный случай произошел с еще одной семьей. Семейная пара, прожившая в браке более 18 лет и имеющая дочь, подростка 15 лет, решила прибегнуть к помощи семейного психолога после того, как в течение двух лет жила в состоянии тяжелейшего семейного кризиса. Причиной кризиса являлась дочь подросток, которая была поздним ребенком в семье и с детства росла в атмосфере всеобщей любви и обожания. Иерархия в семье была перевернутой, любой каприз ребенка выполнялся немедленно. По достижении подросткового возраста дочка стала абсолютно неуправляемой. Мать, видя, к чему приводит вседозволенность и попустительство, стала проявлять к ней строгость и требовательность, которые девочка восприняла в штыки, начались бесконечные скандалы, в которых отец постоянно вставал на сторону дочери. В разговорах с супругой он соглашался, что девочку надо воспитывать в большей строгости, но когда происходили конфликты между матерью и дочкой, отец, считая что мать излишне требовательна, неизменно становился на сторону последней. Девочка, чувствуя поддержку отца, объясняла разногласия с матерью не своими недостатками, а материнской неадекватностью. Полностью исчерпав в этом замкнутом треугольнике все душевные и моральные силы, члены семьи были готовы на все, лишь бы быстрее закончить этот семейный кризис. (Соединение четвертого нормативного кризиса (по В. Сатир) и социально-психологической несовместимости (по А. Н. Обозовой). — Прим. авт.)

В затруднительном положении оказался молодой человек, состоящий в браке около пяти лет. После заключения брака выяснилось, что у них с супругой полная дисгармония в сексуальном плане (до брака супруги воздерживались от сексуальных контактов), супругу постоянно хотелось близости, в то время как супруга не нуждалась в ней в таких количествах и регулярно избегала интимной связи. Не желая разрушать семью, молодой человек нашел себе партнершу на стороне. Какое-то время все было хорошо, однако со временем он привязался к своей сексуальной партнерше, а та, в свою очередь, сначала тонко намекала, потом просила, а затем и начала требовать, чтобы он перешел жить к ней. Кончилось тем, что она поставила ультиматум «или жена, или она» и дала ему три месяца на размышления. Молодой человек, любя свою жену, к тому же находясь в материальной зависимости от ее родственников, разводиться с ней не хотел, но он также не мог себе даже представить, как будет жить без своей сексуальной партнерши. По его словам, у него было много связей с разными женщинами, однако эта затмила всех, к тому же он успел к ней сильно привыкнуть и, может быть, в глубине души любит ее тоже. За два прошедших месяца молодой человек полностью извелся сам и извел жену, которая, видя, что с мужем творится что-то неладное, пыталась поддержать супруга, (сама толком не зная в чем), но становилось только хуже. Стоит заметить, что чем больше длился этот семейный кризис, тем чаще молодому человеку приходили мысли о суициде. (Различия сексуального уровня. Психофизиологическая несовместимость по А. Н. Обозовой. — *Прим. авт.*)

Кризисы подобного плана могут произойти на любом этапе супружеской жизни вне зависимости от других факторов, хотя надо заметить, что наличие или отсутствие других проблем может спровоцировать либо наоборот, оттянуть, усугубить либо ослабить проявление таких кризисов. Следует также отметить, что эти кризисы сами могут являться спусковым механизмом для появления или осложнения других проблем в семейно-брачных отношениях, включая нормативные и ненормативные семейные кризисы. Подводя итог, необходимо признать тот факт, что появление таких кризисов неизбежно в любой семье, где вовремя не были правильно решены вопросы этого плана. Таким образом эти кризисы с полным основанием можно

назвать *общими семейными кризисами*. С некоторыми оговорками (уточнениями) сюда же можно отнести и кризисы, причиной которых являются бытовая рутина, эмоциональное выгорание, психическая и биологическая инволюция, затронутые в работах М. Плзака и Н. В. Самоукиной.

В отличие от общих семейных кризисов, которые имеют в своей основе нерешенные проблемы на указанных выше уровнях и которые происходят в каждой семье, обладающими этими проблемами (что отчасти делает их схожими с нормативными семейными кризисами), *частные семейные кризисы*, подобно ненормативным кризисам, происходят далеко не в каждой семье. Для их появления необходимы условия, события и внешние факторы, являющиеся причиной появления разногласий на различных уровнях и приводящие к возникновению этих кризисов.

В качестве примера рассмотрим несколько случаев из психологической практики.

Пример 7

На консультацию пришла семейная пара с семейным стажем семь лет, у которой все было в порядке до тех пор, пока родители жены не переехали в их город и не поселились неподалеку. Само событие никак не является кризисным, но проживание родителей жены рядом с этой парой привело к тому, что мать супруги начала постоянно вмешиваться в их жизнь, что привело к появлению противоречий на психологическом и культурном плане, и, как следствие, появлению семейного кризиса. (Социально-психологическая и социокультурная несовместимость по А. Н. Обозовой . — *Прим. авт.*)

Подобное происходит и тогда, когда кто-либо из родных или близких супругов поселяется непосредственно в их семье либо сами супруги поселяются в семье родственников. Независимо от того, произошло это сразу в момент создания семьи или после истечения какого-то времени, данные события неизбежно ведут к появлению кризиса в таких семьях.

Пример 8

В качестве другого примера можно рассмотреть семейную пару, состоящую в браке 3,5 года. Супруг нашел хорошо оплачиваемую работу в другом городе и был вынужден постоянно

на длительный срок уезжать в командировки. В результате постоянных длительных расставаний супруги начали отвыкать друг от друга, что вылилось в проблемы психологического уровня. (Социально-психологическая несовместимость по А. Н. Обозовой. — Прим. авт.)

Пример 9

Интересен случай, когда почти одновременно на консультации начали ходить две семейные пары, в которых в одной семье супруг стал начальником и стал проводить на работе значительно больше времени, причем с учетом специфики работы ему пришлось стать жестким, твердым и требовательным. В другой семье у супруга на работе поменялся начальник, который в силу своего стиля управления постоянно держал своих подчиненных в состоянии стресса. В результате супруги в обоих парах создали у себя дома невыносимую эмоциональную атмосферу, приведшую к семейным кризисам. (Проблемы эмоционального уровня. Социально-психологическая несовместимость по А. Н. Обозовой. — Прим. авт.)

Пример 10

Также следует упомянуть семейную пару, находящуюся в браке два года, в которой супруга во время отпуска по уходу за ребенком завела знакомства, перешедшие в дружбу с двумя девушками крайне феминистских взглядов (по мнению мужа) и в скором времени, попав под их полное влияние, полностью изменилась как в психологическом, так и в социальном плане, что не могло не отразиться на взаимоотношениях супругов и чуть не привело семью к разводу. (Социально-психологическая и социокультурная несовместимость по А. Н. Обозовой. — Прим. авт.)

Пример 11

Заслуживает внимания семья, которая, прожив вместе более 20 лет, оказалась на грани развода. Муж, простой скромный парень из обычной семьи, всю жизнь проработал водителем. Жена тоже из простой рабочей семьи, но с детства обладала большими амбициями. После заключения брака она практически сразу всерьез занялась построением своей карьеры.

Родив двоих детей, забота о которых в основном лежала на муже и его матери, женщина полностью посвятила себя работе. Приложив большие усилия, она к 43 годам достигла немалых высот на своей работе (экономист), в связи с чем у нее полностью поменялся круг общения, взгляды, запросы и интересы. Муж ей стал казаться неказистым, заурядным и скучным. Как раз по времени это совпало с моментом, когда повзрослевшие дети покинули родительский дом и начали жить своей жизнью. Посчитав свой долг перед детьми полностью выполненным, женщина решила разорвать отношения с мужем для того, чтобы провести остаток своей жизни с человеком, который будет ей близок и интересен. (Интеграция пятого нормативного кризиса (по В. Сатир) и социально-психологической несовместимости (по А. Н. Обозовой). — *Прим. авт.*)

Анализируя семейные кризисы, происходящие в этих и многих других семьях, сталкивающихся с подобными проблемами, явно просматривается тенденция, что вполне благополучные семьи постепенно переходят в состояние кризиса под воздействием внешних событий и факторов.

Таким образом *частные семейные кризисы* — это кризисы, вызванные внешними факторами, событиями и условиями, вызывающими противоречия на эмоциональном, психологическом, социальном и других уровнях (пользуясь четырехуровневой градацией А. Н. Обозовой на психофизиологическом, психологическом, социально-психологическом и социокультурном. — *Прим. авт.*).

Нужно также отметить, что противоречия или несовместимость могут быть как на одном уровне (Общие семейные кризисы — примеры 1, 2, 4, 6; частные семейные кризисы — примеры 8, 9), так и на нескольких уровнях (общие семейные кризисы — пример 3; частные семейные кризисы — примеры 7, 10).

Для избегания путаницы противоречия (несовместимость) на одном уровне следует называть *простыми*, а на нескольких уровнях *сложными*. (Аналогичным инструментарием можно пользоваться и при классификации нормативных и ненормативных семейных кризисов.)

В случаях интеграции (соединения) общих, частных, нормативных или ненормативных семейных кризисов между собой (примеры 5, 11), их правильно именовать *интегративными (комплексными) семейными кризисами*.

В отличие от нормативных и ненормативных семейных кризисов, возникающих непосредственно после кризисного события, общие и частные семейные кризисы появляются не сразу, а развиваются постепенно в результате многократно повторяющихся схожих разногласий, ссор и конфликтов.

Процессам проявления общего и частного семейных кризисов предшествует несколько стадий:

- 1) Докризисная стадия.
- 2) Предкризисная стадия.
- 3) Стадия квазикризиса.
- 4) Стадия начала кризиса.
- 5) Стадия кризиса.

Противоречия (несовместимость) могут быть как на одном, так и на нескольких уровнях. Различия на одном уровне называются *простыми*, а на нескольких уровнях *сложными*. (Аналогичным инструментарием можно пользоваться и при классификации нормативных и ненормативных семейных кризисов).

При интеграции (соединение) общих, частных, нормативных или ненормативных семейных кризисов между собой они именуются *интегративными (комплексными) семейными кризисами*.

3.2. К вопросам о совместимости и несовместимости

Во время супружеской жизни партнеры постоянно взаимодействуют друг с другом, в случае полного понимания и принятия установок другого их брак гармоничен, в случае разногласий и противоречий супруги часто находятся в состоянии конфликта. Эта сторона супружеских отношений позволила исследователям сделать вывод о существовании между супругами таких особенностей, как совместимость и несовместимость. Познакомимся с этими терминами поближе.

Совместимость — довольно старое понятие в словаре социальной психологии, однако научное изучение явления, обозначаемого этим понятием, заинтересовало социальную психологию сравнительно недавно. Сейчас трудно установить, в какой именно области социально-психологической проблематики впервые зашла речь о совместимости. При изучении группо-

вых конфликтов, психологического климата в группах, эффективности групповой деятельности, при исследовании процессов и результатов коммуникаций, динамики межличностных отношений и других социально-психологических явлений было обнаружено, что они определенным образом обусловлены соотношением свойств взаимодействующих людей. В одних случаях это соотношение негативно сказывалось на изучаемом явлении (снижало эффективность деятельности группы, ухудшало климат и т. д.), в других положительно. Сочетание характеристик, которое оказывало позитивное влияние на изучаемое явление, стало обозначаться как совместимость людей.

В настоящее время накоплено довольно много эмпирических фактов, установлены некоторые закономерности и механизмы совместимости. При изучении совместимости основной задачей является определение этого понятия. Это понятие общенаучно, оно употребляется в медицине, биологии, кибернетике, философии. Однако общего определения совместимости пока не существует. Данное понятие не включено ни в Большую советскую энциклопедию, ни в Психологический словарь под редакцией Ф. Кликса. В Философском словаре оно трактуется в узком смысле: «...если пренебречь некоторым психологическим и формально-логическим различием, термины “непротиворечивость” и “совместимость” являются синонимами».

В теории систем различают два понятия: «соответствие» и «совместимость». «Соответствие — одна из форм совместимости явлений действительности, — пишет М. И. Сетров. — Это термин, близкий к целесообразности». При исследовании этого вида совместимости ставится вопрос о согласовании характеристик системы и окружающей ее среды. Оно также употребляется для обозначения уровневой совместимости — совместимости систем различного уровня развития (атом и молекула, индивид и группа). Этот вид совместимости еще обозначают как иерархическое соответствие систем, что подчеркивает факт неравнозначности систем в этом объединении.

Термин «однопорядковая совместимость», или просто «совместимость», употребляется для обозначения согласования характеристик систем одного уровня развития (две молекулы, два индивида и т. п.). Этому виду совместимости М. И. Сетров дает следующее определение: «...совместимость есть такое

отношение двух систем, при котором обнаруживается сродство или общность систем по некоторым параметрам или по существу, обеспечивающая возможность их взаимодействия».

В психологических работах дается лишь описательное определение совместимости. Например, определение, данное Ф. Д. Горбовым и М. А. Новиковым: «Совместимость — это понятие о взаимном соответствии свойств участников группы. В него входят: взаимная симпатия, положительный характер эмоциональных установок, взаимовнушаемость, общность интересов и потребностей, сходство динамической направленности психофизиологических реакций при операторской деятельности и отсутствие в данной группе выраженных эгоцентрических устремлений» [64], *несовместимостью* же является полная или частичная противоположность этих качеств.

В крайнем своем выражении несовместимость вызывает осложнение, болезнь, т. е. нарушает процесс жизнедеятельности. Только вот в одном случае страдает организм, а в другом — психика человека [75].

Применительно к социально-психологическим исследованиям было предложено различать понятия «срабатываемость» и «совместимость». Срабатываемость — это согласованность характеристик субъектов, обеспечивающая им эффективное выполнение какой-либо совместной деятельности. Понятие срабатываемости применимо лишь к деловым, профессиональным, производственным отношениям — отношениям в рамках совместной деятельности. Так как эти отношения направлены на получение определенного продукта совместной деятельности, то проявлениями совместимости этого типа будут характеристики деятельности: эффективность с точки зрения количества и качества затраченного времени и энергии партнеров. Явление совместимости, в отличие от срабатываемости, — межличностный феномен, существующий в рамках личных отношений, основанных на симпатии, притяжении и служащих общению ради общения. Можно выделить единое содержание понятий «деятельность» и «общение». Как «совместимость», так и «срабатываемость» являются понятиями для обозначения объективного соответствия свойств взаимодействующих людей по отношению к целям их взаимодействия. Это рабочее определение сущности совместимости мы принимаем как отправную точку дальнейших рассуждений.

Неясность понятия совместимости обусловила вторую трудность исследования этого феномена: выбор критериев, или индикаторов, совместимости. В работах, посвященных исследованию совместимости, мы обнаруживаем использование самых различных критериев: высокую сплоченность группы, устойчивость ее во времени, высокую эффективность групповой деятельности, низкую конфликтность в группе, высокое взаимопонимание между партнерами, — словом, любое из социально-психологических явлений, взятое в его позитивном значении. Однако ни один из применяемых ныне критериев совместимости не является достаточно обоснованным и сильным. Можно представить доказательства уязвимости каждого из них. Например, длительность отношений может быть вызвана объективной невозможностью прервать отношения: в условиях ограниченного поля выбора партнеров (особенно в изолированных группах), при давлении других факторов, сдерживающих распад отношений (например в браке). Наличие конфликтов и их частота также малопоказательны, так как не учитывается различие в качестве этих конфликтов: так называемые конструктивные конфликты желательны и даже необходимы для развития отношений. Вывод неодинаковых критериев обуславливает большинство противоречий в выводах разных авторов относительно закономерностей совместимости.

Полагается, что критерии будут различаться для совместимости и срабатываемости, совместимости в разнополюх и однополюх отношениях. Так, основными критериями срабатываемости должны быть показатели эффективности групповой деятельности, учитывающие специфику данного вида деятельности. Критериями совместимости могут служить выбор партнера для общения, удовлетворенность отношениями, характер межличностных чувств.

Основной задачей исследования совместимости является установление закономерностей этого явления. В настоящее время наметились три основных подхода к решению этой задачи: структурный, функциональный и адаптивный.

Структурный подход ориентирован на поиск оптимальных сочетаний характеристик членов группы. Это оптимальное сочетание обозначается как гармония, соответствие характеристик партнеров. Структурный подход базируется на мысли, что совместимые партнеры образуют некую устойчивую,

адаптивную и в определенном смысле эффективную структуру. При анализе эмпирических фактов, полученных различными авторами, отчетливо прослеживается, что совместимость выступает как подобие (сходство) или различие (контраст) характеристик партнеров. При этом обнаруживается, что те свойства, которые базируются на врожденных особенностях индивида (например обусловленные свойствами нервной системы, половой принадлежностью), у совместимых партнеров скорее контрастны, чем подобны. Свойства, обусловленные влиянием воспитания, воздействиями социокультурной среды (например установки, ценностные ориентации), чаще всего подобны. Однако этот вывод можно сделать лишь с большой осторожностью вследствие противоречивости и разрозненности эмпирических фактов. Он хорошо согласуется с исследованиями по проблемам структур системных объектов в теории систем. Все многообразие структур там сводится к трем основным типам, наиболее распространенным в обществе и природе: иерархическому (или централистическому, жесткому), дискретному (или корпускулярному, скелетному) и звездному (смешанному). Жесткие системы построены из контрастных элементов, образующих «плюс-минус пару», дискретные — из унифицированных подобных. Жесткие структуры более распространены на высших ступенях организации материи. Как показано Б. Г. Ананьевым, принцип антагонистов (жесткая система) проявляется и в регуляции психических функций, а индивиды как субъекты социального взаимодействия являются сложными системами со множеством характеристик различных уровней (психофизиологических, психологических, социально-психологических, социальных). Можно предположить, что для каждого из уровней характеристик наиболее оптимально подобие или контраст этих характеристик для совместимости субъектов.

Для подавляющего большинства работ в этой области характерен структурный подход. Однако он имеет существенные недостатки: во-первых, полное изучение законов совместимости предполагает апробирование на соответствие всех мыслимых характеристик индивидов. Исследование такого сорта чрезвычайно громоздко; во-вторых, даже полная картина не дает нам возможности судить о том, какие из характеристик наиболее существенны для прогноза совместимости партнеров в реальной группе; в-третьих, парциальный подход к личности

игнорирует факт ее целостности. При таком подходе личности партнеров рассматриваются как носители отдельных психических характеристик, из которых, по мнению Б. Ф. Ломова, «сложить» целостную личность не удастся.

В ряде работ намечается использование функционального подхода к исследованию совместимости. При функциональном подходе группа рассматривается как целенаправленное образование, смысл существования которой — реализация определенных функций. Так, Я. Зеленецкий отмечает: «...реализация целей является смыслом существования любых организованных коллективов». Партнеры при данном подходе рассматриваются как носители определенных функций — в социальной психологии они обозначаются как роли. Мера согласования ролей служит показателем совместимости. При этом исследователи намеренно отвлекаются от изучения свойств, которые обеспечивают участнику исполнение своей групповой роли. Правда, некоторые психологические характеристики predisполагают к овладению и принятию определенных ролей, однако жесткой связи здесь нет. Как известно из исследований лидерства, принятие этой роли зависит от трех переменных: личных качеств индивида, группы и ситуации.

Использование функционального подхода предполагает изучение функций системы, установления необходимой для нее структуры распределения ролей между индивидами и анализа ролевого сотрудничества партнеров при достижении целей системы. Так, этот подход использован для изучения совместимости в браке К. Киркпатриком и нами, и его эффективность подтвердилась результатами исследования.

Использование функционального подхода требует переосмотра представлений о группе и ее членах. Оно предполагает изучение функций, целей, задач группы, которые являются системообразующими факторами — основанием для объединения в группу. Достижение этих целей обуславливает содержание жизнедеятельности группы, является мотивом участия в ее деятельности, так как достижение общей цели «принесет участникам какого-то рода удовлетворение». В соответствии с функциями группы формируются групповые роли: роль делового, или эмоционального, лидера, роль эрудита, генератора идей, исполнителя (например в научной группе), роль хозяйки, родителя, эмоционального лидера (в семье). Однако функциональный подход не получил распространения в со-

циальной психологии, хотя его продуктивность обоснована теоретически в работах философов и специалистов по общей теории систем.

Третий подход к проблеме совместимости — адаптивный — получил наибольшее распространение в клинике и психологической практике. Собственно говоря, этот подход ориентирован на изучение не совместимости, а ее результатов: позитивных межличностных отношений, эффективного общения. Можно с большой долей уверенности утверждать, что такие характеристики общения и отношений, как взаимопонимание, уважение, эмпатия, идентификация, позитивные межличностные чувства, являются проявлениями совместимости, но не ее содержанием. Смешение причин и следствий здесь происходит из-за того, что совместимость является объективной основой сплоченности, интеграции, высокого взаимопонимания. В свою очередь, совершенствование процессов общения и межличностных чувств также результирует в повышении сплоченности, интеграции и снижении конфликтности.

Адаптивный подход ориентирован на улучшение процессов общения в группах и совершенствование межличностных отношений. Исследователи этого направления сосредоточивают свои усилия на диагностике характеристик общения и поиске методов их совершенствования. Можно вслед за Пером признать, что в данном случае речь идет о совместимости как толерантности партнеров.

При адаптивном подходе вниманием исследователей пользуются «высшие этажи» личности: я-образ, установки, ценностные ориентации, мнения, оценки, — словом, культурный фонд личности. В исследованиях когнитивистского направления зарубежной психологии доказано, что согласование этих характеристик партнеров является источником их совместимости. Так как многие из этих характеристик поддаются коррекции в ходе взаимодействия людей, а также под влиянием целенаправленной работы терапевта, то исследования в рамках адаптивного подхода к совместимости имеют большое практическое значение.

Создание законченной теории психологической совместимости требует дальнейшей серьезной методологической работы, совершенствования понятийного аппарата, методов исследования этого важнейшего социально-психологического

явления, интеграции существующих подходов и обобщения уже полученных фактов. Настоятельная необходимость разработок вопросов совместимости вытекает из запросов практики: из задач подбора малых групп, из задач совершенствования характеристик уже существующих групп и коллективов, особенно семьи [64].

Также не существует единого мнения относительно явления психологической совместимости членов малой социальной группы. И если А. Н. Обозова видит совместимость как эффект взаимодействия, характеризующийся возможной субъективной удовлетворенностью друг другом и ощущением целостности, единства друг с другом, то Волкова понимает под ней такое соотношение характеристик членов группы, при котором группа наиболее эффективно выполняет свои функции. При этом А. Н. Обозова приписывает совместимости супругов два аспекта:

1) совместимость по реализации функций семьи (согласованность установок на семейный уклад и распределение ролей);

2) личностная совместимость.

Кроме того, согласно Волковой, у совместимых супругов характеристики, значительно опосредованные воспитанием и условиями развития, имеют тенденцию к подобию, а характеристики, обусловленные преимущественно наследственностью, — к контрасту.

Последняя часть утверждения вторит мнению А. Аугустинавичюте, которая считает наиболее гармоничными те пары, где супруги имеют противоположные типы характеров, например, сочетание открытого, общительного человека и замкнутого.

Другие авторы — Ю. Орлов, С. Гильд и С. Хрусталеv — выделяют два подхода к пониманию совместимости.

1. Совместимость как два набора качеств, которые соответствуют друг другу (стремление лидировать у одного подкрепляется желанием подчиниться у другого; спокойствие и рассудительность у обоих супругов приводит к полному взаимопониманию).

2. Совместимость на основе стремления супругов к уступкам и к поиску гармоничных отношений.

Авторы полагают, что первый вариант прогнозирует, а второй — гарантирует успешность брака.

С другой стороны, Д. Майерс считает гипотезу о взаимодополняемости супругов, удовлетворяющих некомпенсированные потребности друг друга, спорной: люди склонны жениться на тех, чьи потребности и личностные качества подобны их собственным.

А. Кемпински именно в сходстве супругов по глубинным личностным характеристикам видит причину эмоционального отчуждения и конфликта партнеров.

Заметим также, что с использованием понятия совместимости связаны попытки систематизации факторов, влияющих на качество брака. Так, Волкова считает, что удовлетворенность браком — это проявление совместимости на социально-психологическом уровне. А Дмитренко полагает, что эти оба компонента (а также функционально-ролевое взаимодействие супругов) образуют единство трех блок-факторов, влияющих на стабильность брака. Е. Ф. Ачильдиева также рассматривает три уровня стабильности брака:

- 1) устойчивость брака (отсутствие развода);
- 2) приспособляемость в браке (согласованность взглядов на семейные роли);
- 3) успешность брака (совпадение ценностных ориентаций супругов).

По мнению А. Н. Обозовой, взаимодействие супругов происходит на четырех уровнях и вопросы совместимости-несовместимости здесь занимают первостепенное значение. Исходя из этого в ее работах выделены четыре уровня супружеской совместимости:

- 1) психофизиологический;
- 2) психологический;
- 3) социально-психологический (семейно-ролевой);
- 4) социокультурный (духовный) [114].

Психофизический уровень совместимости. Выходит за рамки непосредственного сексуального контакта. Поэтому для физиологического общения имеют значение не только чисто сексуальные характеристики партнеров (тип половой конституции, половой потенциал и т. п.), но и особенности телосложения, реактивность организма, психодинамические характеристики поведения, оформление внешности. Вследствие этого причиной неудовлетворенности является не сексуальный контакт, а форма эротических игр, проявление сексуальной заинтересованности, внешность партнера [67].

Старменбаум в своей книге «Любовь против одиночества» приводит следующие варианты комбинаций личностей супругов:

Женщина-мать и маленький сын. Она увлекается слабыми, больными, неудачниками, стремится их опекать. Он психически и физически инфантильный, зависимый, часто тревожный, капризный.

Агрессивная жена и муж-подкаблучник. Мужеподобная женщина, любит одерживать верх над мужчинами, язвительна, носит мужскую прическу, любит одеваться по-мужски. Мужчина, склонный идеализировать свою приниженность, ищет приказов, наказаний от нее.

Мазохистка и садист. Ее идеал — «сильный мужчина». Он склонен к элементам насилия, его суждения безапелляционны, ласки грубы. Он любит причинять боль, страдания.

Мужчина-отец и папина дочка. Он интересный, импозантный, имеющий большой жизненный опыт. Она инфантильная, восторженная, склонная к идеализации. Его обожает; в ласках предпочитает искусство, а не силу, любит «отдаваться», склонна к психологически возбудимым влияниям; речевым, музыкальным [90].

Психофизиологическая дисгармония выражается в двух видах нарушений: сексуальной жизни (физиологический аспект) и эротических контактов (психологический аспект). Если в первом случае пара нуждается в помощи квалифицированного сексолога, то во втором — нередко достаточно помощи психолога [67].

Психологический уровень совместимости предполагает совмещение темпераментов, характеров, потребностей, мотивов поведения супругов. Психологический уровень супружеских отношений имеет много общего с интимно-исповедальной формой дружбы и любовными отношениями (например добрачные отношения молодоженов). Известно, что главной функцией этих видов межличностных отношений является избирательный контакт, способствующий наиболее полному самовыражению личности, поддерживающий и стимулирующий развитие ее неповторимой индивидуальности, дает терапевтический эффект понимания, одобрения, принятия личности, является источником моральной и эмоциональной поддержки... При детальном изучении психологической совместимости в браке были обнаружены две основные закономер-

ности: совместимые партнеры характеризовались подобием одних и контрастом других личностных черт. При этом черты, обусловленные скорее природными факторами (например черты темперамента), у совместимых партнеров обнаруживают тенденцию к контрасту (по опроснику Кеттелла, такими оказались факторы шизотомии А, реализма I, доверчивости а, тревожности О, консерватизма Q1, смелости Н, доминантности Е, искушенности N). Те характеристики, которые зависят от прижизненных влияний, у совместимых партнеров оказались подобными (интеллектуальность В, беспечность F, практичность М) [67.]

Какие темпераменты сходятся?

Если расположить темпераменты в ряд: холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик, то можно предположить, что лучше уживутся соседние темпераменты, хуже — «через одного» и совсем непрочным окажется союз холерика с меланхоликом [90].

В другой литературе дело обстоит иначе.

Нервические темпераменты решительно предпочитают союз с полярными темпераментами — флегматиками и пылками.

Нервические мужчины в союз вступают так: треть выбирает женщин-флегматиков, треть — пылких. Еще заметнее такое предпочтение у нервических женщин: две пятых вступили в союз с флегматиками, две пятых — с пылками.

Психологи считают, что здесь действует закон дополнительности, притяжений, их тянет к активным — больше всего к тем же флегматикам и пылким.

Переменчивые ощущения бессознательно тянутся к стойким, малодетельные — к деятельным. Они как бы ищут в них защиту для себя, ищут плюсы, которыми обделены сами. Нервические — люди с повышенной детскостью ощущений — испытывают смутную, но глубокую жажду застраховать, обезопасить себя, и потому тяготеют к людям повышено взрослых ощущений. А флегматики, которым не хватает детской яркости ощущений, тянутся к этой яркости у нервических [83].

Источник трудностей в семейной жизни может заключаться прежде всего в особенностях личности одного или обоих супругов. При изучении личности супругов особого внимания заслуживают свойства, обусловленные темпераментом, — такие полярные черты, как экстравертность — интравертность, рационализм — романтизм, доминантность — подчинен-

ность, враждебность — дружелюбие, ригидность — гибкость, вспыльчивость — спокойствие, стабильность — лабильность, оптимизм — пессимизм, активность — пассивность, беспечность — ответственность, а также способность к социальной адаптации, психическая уравновешенность и самообладание.

В супружеской терапии могут быть использованы и классические понятия типологии Гиппократов. Холерик характеризуется повышенной возбудимостью, вспыльчивостью и властностью, склонность к подавлению легко приводит к спорам и конфликтам. Флегматик — реагирует замедленно, спокоен. В отношении вносит стабильность, покой. Меланхолик не уверен в себе, нерешителен, склонен к пессимизму. Способен к глубоким чувствам. В браке ему нередко достается роль порабощенного и обманутого; он выносит немалые страдания от агрессивного поведения своего партнера. Жизнь с меланхоликом предъявляет партнеру серьезные требования. От него требуется самообладание и деликатность, особенно осторожное и тактическое поведение. Сангвиник — живой, активный и веселый человек. Склонен к непостоянству и поверхностным отношениям. Бывает менее заботлив и менее ответственен, что может раздражать более серьезного партнера по браку. С сангвиником не требуется никакой особой тактики поведения. Однако, учитывая его беспечный образ жизни, надо стараться загружать его семейными заботами, но в меру. Иначе в неприятных ситуациях он может попытаться ускользнуть из дома туда, где ему приятнее и спокойнее [46].

«Индивидуальный стиль деятельности», ИСД, — такая система приемов и способов действий, которая характерна для данного человека и целесообразна для достижения успешного результата. ИСД ярко проявляется в быту. Например, один из супругов выполняет домашние работы быстро, а другой медленно. Об этом необходимо постоянно помнить и не стремиться «перевоспитать», «переделать» другого партнера, а приспособиться к свойствам его натуры, к его ИСД.

Существенной чертой ИСД может быть ригидность — постоянная тенденция человека к сохранению в неизменности своих нравственных, эстетических, мировоззренческих и других взглядов, шаблонов и стереотипов поведения, особая закоренелость привычек, способов мышления, решения различных жизненных задач. Как бы антиподом такой важной черты может быть лабильность, подвижность, пластичность нервной

системы человека, достаточная легкость в смене работы, места жительства, привычек, мнений и взглядов.

Эти два противоположных типа людей могут встречаться в браке. В таком случае супруги дополняют друг друга и подобное дополнение во многих случаях может быть весьма эффективным.

Другая ситуация возникает, когда супруги, например, оба ригидные, т. е. консервативны, стереотипны в своих взглядах, привычках, наклонностях. Ясно, что они будут встречаться с одними и теми же жизненными трудностями, которые сочтут просто непреодолимыми [92].

Совместимость супругов основывается на возможности совместного удовлетворения в браке ряда основных потребностей (общения, познания, материальных и ролевых потребностей). Наиболее значимы пять потребностей.

1. *Потребность супругов в исполнении определенных ролей в семье:* матери, отца; мужа, жены; хозяина, хозяйки; женщины, мужчины; главы семьи, большинство из которых является новыми для вступающих в брак. Одной из причин конфликтов в семье служит расхождение представлений супругов об исполнении каждым из них семейных ролей.

2. *Потребность супругов в общении друг с другом и с друзьями:*

а) брачные партнеры рассматриваются как совместимые или несовместимые по параметру общительность — замкнутость. Предполагается, что в случае асимметрии этих качеств общительность одного из супругов может вступить в противоречие с аутизмом другого;

б) общение выполняет в семье очень важную психотерапевтическую функцию. В общении, основанном на сопереживании, взаимном уважении, супруги находят поддержку своих поступков, настроений, чувств, переживаний, получают эмоциональную разрядку. И напротив, взаимное отчуждение, дезорганизирующее общение супругов, формирует у них чувство одиночества, незащищенности, взаимной неудовлетворенности, провоцируя семейные конфликты.

3. *Познавательные потребности супругов.* Проведившиеся ранее исследования показали, что интеллектуальные ценности являются наиболее важными для супругов.

4. *Материальные потребности,* включающие потребности в совместном приобретении необходимых семье материальных

ценностей и в обеспечении благополучия. Предполагается, что эгоистические тенденции одного или нескольких супругов, проявляющиеся в стремлении максимально удовлетворить собственные материальные потребности в ущерб интересам другого партнера и всей семьи в целом, могут привести к возникновению конфликтов.

5. *Потребность в защите я-концепции* как совокупности образов «я», обеспечивающих представление человека о самом себе как об известной целостности и определенности, которая возникает не только на основе восприятия индивида, но и как результат восприятия его другими людьми. Поскольку я-концепция формируется, развивается и поддерживается в социальном взаимодействии, постольку для идентификации человека с самим собой, для поддержания целостности и ценности его личности крайне необходимо, чтобы собственное представление о себе совпадало с тем, что, по его мнению, думают о нем окружающие. Особенно важно в этом плане мнение значимых других, в соответствии с которыми человек ожидает и определенного отношения к себе окружающих, устойчивых проявлений в общении с ним, поддерживающих у него чувство своей определенности, значимости, важности [70].

Понятие «совместимость» достаточно широко использовалось психологами, изучающими установку. Установка, по определению Узнадзе, — целостное состояние, определяющее поведение человека. Любому физическому, умственному действию, поведенческому акту предшествует момент принятия решения и образования установки. Вступая в целенаправленное взаимодействие, например для удовлетворения потребности в общении, два индивида X и Y должны вырабатывать (осознанно или неосознанно) единые оценки, мнения, единообразное поведение. Система двух индивидов может функционировать только в случае своей целостности, единства. В результате взаимодействия, если X выбирает A (мнение, образец поведения), а Y выбирает сходное или тождественное A_1 (мнение, образец поведения), система приходит в равновесное совместимое состояние. Процесс взаимодействия, развития системы продолжается в случае выбора несходных (не тождественных) мнений, образцов поведения. В дальнейшем система приходит либо в равновесное состояние, либо в конфликтное состояние вплоть до ее распада на две самостоятельные подсистемы [65].

Подведем некоторый промежуточный итог по законам совместимости: полнее всего совмещаются люди с полярным темпераментом, близкой половой силой и глубоким духовным родством; со средним развитием психологических и нервных свойств (умеренные экстраверты и интроверты): это люди со средними показателями возбудимости, активности и долготы ощущений; с мягкими и насыщаемыми ощущениями.

Труднее совместимы люди с высоким развитием своих главных нервно-психологических свойств: крайние интроверты — экстраверты, очень возбудимые и активные; люди с жесткими и ненасыщаемыми ощущениями [83].

Несходство характеров является одной из наиболее частых причин разводов. Так распадается примерно одна треть семей. И «несходство характеров» — не только формальная причина распада семьи. Эта формулировка имеет и свое психологическое содержание. Характер — это совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, складывается и проявляется в деятельности и общении, обуславливая типичные для индивида способы поведения. Он всегда индивидуален, поэтому нельзя говорить о полном совпадении характеров, лучше говорить о близости черт характера. Но и близость не является условием гармоничных отношений. Так, двое эгоистов вряд ли будут хорошо ладить, хотя эта их черта и одинакова.

Одни из главных черт характера, от которых во многом зависит успех семейной жизни, — отношение к себе, самооценка и отношение к супругу. Человек, слишком хорошо оценивающий себя, должен постоянно бороться, чтобы и другой его тоже оценивал. Он старается увеличить психологическую дистанцию между собой и другим, постоянно подчеркивает важность своих интересов, прав, обязанностей, возможностей. Такое поведение иногда становится обидным для других. Человек, низко ценящий себя, ту же самую психологическую дистанцию создает с другой стороны: он не может принять любовь другого, по его мнению, более значимого человека. Он начинает искать в этом человеке или недостатки, или притворство. Таким образом можно сделать такой практический вывод: можно прогнозировать, что брак будет удачен, если отношения супругов к самим себе положительны, если они реально оценивают свои достижения [61].

Определенные черты характера партнеров имеют немаловажное значение для супружеского благополучия. Охарактеризуем некоторые черты личности.

Демократ — уравновешенный, реалист, деликатный, сильный, наделенный чувством ответственности перед обществом и семьей, всегда готовый бескорыстно прийти на помощь, обязательный, умеющий соглашаться, терпимо относящийся к недостаткам других.

Труженик — чрезвычайно старательный, самоотверженный, односторонне нацеленный на выполнение обязанностей, порой забывающий о других сторонах жизни.

Добряк — самоотверженный, бескорыстный, скромный, терпимый ко многим вещам, иногда довольно пассивный или наивный, без чрезмерных личных амбиций.

Раб — полностью подчиненный, готовый терпеть все, что угодно. Лишь бы сохранить совместную жизнь.

Эгоист — думает прежде всего о своем благе и удобстве, не утруждает себя, избегает излишних усилий, пользуется бескорыстием других.

Романтик — вечно мечтающий, неудовлетворенный, живущий нереальными идеалами.

Авантюрист — неукротим в своих интимных запросах, постоянно ищет любовных приключений.

Индивидуалист — нетерпимый, не стремящийся к семейной жизни.

Сварливый — постоянно конфликтующий, вздорный, вечно недовольный и все критикующий, вносящий постоянное беспокойство.

Калькулятор — живущий в соответствии с принципами «не делаю ничего даром», «получаю от всего выгоду».

Догматик — не допускающий возражений, подчиняющий себе других, часто склонный к насилию.

Наиболее благоприятным для брака является первый тип. В гармоничном браке живут, как правило, люди, относящиеся ко второму и третьему типам. Особенности остальных типов личности не способствуют созданию прочного супружеского союза.

Среди положительных, скрепляющих брачный союз качеств назывались такие, как умение познавать психологию партнера, считаться с его внутренним миром, отказаться от личных желаний, умение слушать другого, смотреть на жизнь реально, быть

веселым, способность радоваться успехам другого, сомневаться в своей правоте. Высоко оценивались порядочность, последовательность в соблюдении принципов, установленных обоими супругами, умение уступать. Мудро заметила одна из опрошенных женщин: «Любовь как цветок, за которым нужно ухаживать каждый день, поливать, заботится о нем, создавать хорошие условия и климат».

Отмечались и отрицательные черты характера, которые, по мнению опрошенных, наиболее способствуют разрушению брачного союза. Чаще всего в этой связи назывались неуступчивость, привычка жить удобно, сварливость, склонность к ссорам, недовольство, легкомыслие, обидчивость, нервозность, стремление навязать свое мнение другому, сильная эмоциональная зависимость от родителей, самовлюбленность, постоянный контроль за другими, безответственность, неряшливость, притворство, сарказм, высокомерие, скупость [20].

В психологический уровень совместимости также входит тип поведения супругов в браке. Сагер предлагает следующую классификацию типов поведения в браке.

1. Партнер, ориентированный на равноправие: ожидает равных прав и равных обязанностей.

2. Романтический партнер: ожидает любви, важное значение для него имеют сентиментальные символы. Он чувствует себя обманутым, когда партнер отказывается играть с ним в эти романтические игры.

3. «Родительский» партнер с удовольствием заботится о другом, воспитывает его, тогда как этот другой занимает «детскую» позицию.

4. «Детский партнер» — привносит в супружество некоторую спонтанность, непосредственность и радость, но одновременно приобретает власть над другими путем проявления слабости и беспомощности.

5. Рациональный партнер: следит за проявлением эмоций, точно соблюдает права и обязанности. Ответственен, трезв в оценках. Хорошо приспосабливается к жизни, несмотря на то что партнер не ведет себя таким же образом.

6. Товарищеский партнер хочет быть сотоварищем и ищет для себя такого же спутника, с которым мог бы разделить повседневные заботы. Не претендует на романтическую любовь и принимает как неизбежное обычные тяготы семейной жизни.

7. Независимый партнер сохраняет в браке определенную дистанцию по отношению к своему партнеру, стремится избежать излишней интимности в отношениях и хочет, чтобы партнер относился с уважением к этим требованиям.

Некоторые партнерские комбинации вполне конгруэнтны (например независимый с независимым или с рациональным), другие комплементарны (родительский с детским), третьи конфликтны (романтический с независимым).

Другие, близкие по динамической ориентации классификации можно найти в работах Миттельмана, Чекре, Моксома, Мартина и др.

1. *Жена, страстно мечтающая о любви*, и эмоционально холодный муж. В типичном случае приходится лечить жену по поводу нервов и депрессии. Жена подчеркивает, что способна на глубокие чувства, разговорчива, нередко обладает вкусом, художественными наклонностями, может быть даже одаренной и привлекательной. Муж в таком браке обычно интеллигентен, образован, обладает чувством ответственности, успешно продвигается по службе и пользуется уважением в обществе. У него преобладает примитивная защита своего «я», его эго и суперэго доминирует в ущерб либидо, он имеет фиксированную ригидную структуру психики.

2. *Муж, который видит в своей жене мать*. Как правило, такие мужья нуждаются в помощи психотерапевта, когда в супружеской жизни наступает кризис и появляются невротические нарушения. Обычно такой муж имеет любовницу, на которой хотел бы жениться, но обстоятельства препятствуют выполнению его планов. Жены похожи на мать в отношении надежности, последовательности и терпения.

3. *Браки с двусторонней зависимостью*. Согласно Мартину, это супружество пассивно-зависимого мужа с пассивно-зависимой женой. Речь идет о союзе, в котором «оба не умеют плавать и топят друг друга, толкая под воду». Лиф Берман характеризует такой брак как союз, где оба зависимы и незрелы. Оба супруга мечтают о любви, и каждый из них думает, что в супружестве он дает больше, нежели получает. Никто из них не догадывается проявить достаточный интерес к проблемам другого.

4. *Паранойяльные супружеские отношения*. Супруги могут, например, чрезмерно ревновать друг друга или иметь такие

проявления по отношению к окружающим. Различают два типа таких браков:

— муж с паранойяльными проявлениями и жена со склонностью к депрессии. Муж ревнивый, подозрительный, враждебно настроенный. У жены низкая самооценка, она легко позволяет обвинять себя, считает, что не найдет себе никого лучше. Может воспринимать мужа как повторение отца, который ее не признавал или отказался от нее;

— муж склонен к депрессии, а жена — к паранойяльному поведению. Ревнивая жена выбирает мужа, склонного к депрессии. Подозрительность жены служит мужу оправданием в том, что он не должен стремиться к контактам с окружающим миром, который представляется ему угрожающим [46].

В статье Олейника «Исследование уровней совместимости в молодой семье» приводятся некоторые выводы по изучению психологического уровня совместимости по методике Лири:

— при сходстве характеров партнеров в паре женщины более адекватно оценивают своего партнера;

— психологическая удовлетворенность мужчин, вступающих в брак, выше, если характеры партнеров сходны;

— в благополучных семьях психологическая удовлетворенность одного из партнеров тесно связана с психологической удовлетворенностью другого;

— знание характерологических особенностей супругов позволяет прогнозировать развитие их дальнейших отношений.

Для сохранения брака важна тенденция к симбиотическим отношениям по типу: «Я не могу жить без тебя». Таких людей называют однолюбам, настолько они привязываются к своему партнеру. Пожалуй, самый счастливый вариант — когда сходятся два однолюба [90].

Психологическая дисгармония часто выражается в виде отчуждения брачных партнеров, напряженной атмосферы, столкновений и конфликтов личностного порядка, когда критике и неприятию подвергаются особенности темперамента и характера партнера. Психологически несовместимые партнеры испытывают трудности в распределении инициативы, власти и главенства. Наиболее явными признаками психологической дисгармонии являются утомление и раздражение, невозможность найти приемлемые способы общения друг с другом, затяжные нарушения психологического конфликта

в семье. При этом партнеры часто отрицательно отзываются друг о друге как об обладающих негативными личностными чертами.

Психологическая несовместимость в длительном контакте выражается в симптомах невротизации личности. При этом на первом этапе расстройства личности у всех сходны и выражаются в расстройствах настроения. В дальнейшем личность развивает присущую ей симптоматику: ипохондрические, неврастенические, психопатические, параноидные и прочие симптомы. У мужчин нередко добавляется склонность к алкоголизму.

Психологическая дисгармония вызывает появление у личности неадекватных защитных механизмов. Характерологическая индивидуальность супруга, принимаемая и одобряемая другими людьми, в данном партнерстве подвергается критике и насмешке, что и вызывает протест личности. Вследствие этого довольно распространенным является отчуждение супругов, отход от семьи, поиск внесемейного общения.

Коррекция психологической несовместимости эффективна на первых этапах супружества. Нередко бывает достаточно простого информирования партнеров об их личностных особенностях, выработки приемлемых способов обращения друг с другом. Хороший эффект оказывает включение в пару третьих лиц: рождение детей или проживание с психологически приемлемыми родственниками. Понимание специфики своей пары помогает супругам легче относиться к рекомендации — периодически отдыхать друг от друга (на досуге, в компаниях друзей и т. д.) [67].

Семейно-ролевой уровень совместимости. Речь идет о согласованности в распределении семейных ролей, о том, какую нагрузку берет на себя каждый из супругов [88]. Это сотрудничество брачных партнеров при реализации семейных функций. Для современной семьи характерны следующие функции: рождение и первичная социализация детей, экономическая поддержка нетрудоспособных, организация бытового потребления, моральная и эмоциональная поддержка, защита и представительство семьи перед более широким социальным окружением, организация досуга. Полнота и благополучие семейной жизни зависит от того, насколько партнеры могут обеспечить выполнение всех семейных функций.

Семейно-ролевая совместимость имеет два аспекта. Во-первых, согласованность семейных ценностей. Семейные функции, преломляясь в сознании личности, выступают как установки относительно семейных ценностей: для чего существует семья, что она должна приносить. Эти ценности образуют иерархическую шкалу. Рассогласование шкал семейных ценностей — одна из причин семейной дисгармонии супругов. Это рассогласование проявляется в том, что партнеры критикуют друг друга за излишнее внимание к тем или иным сторонам семейной деятельности, пренебрежение к другим, по их мнению, более важным.

Дисгармония семейных ценностей является следствием различий в образовании и воспитании. Семейные ценности формируются под влиянием родительской семьи и являются довольно стойкими установками. Личность стремится построить уклад собственной семьи в соответствии с этими установками [67].

Сипора обосновывает гипотезу о влиянии родительской модели семьи результатами наблюдений нескольких тысяч супружеских пар с использованием теста Лира (межличностные связи). Результаты исследований можно обобщить следующим образом.

Ребенок учится у родителя того же пола (муж или жена) роли, которая в дальнейшем сохраняется.

Образ родителя противоположного пола оказывает существенное влияние на выбор партнера по супружеству. Если роль родителя противоположного пола в семье положительна, выбор подобного ему брачного партнера создает предпосылки к супружеской гармонии. Если родитель противоположного пола играет в семье недостойную роль и ребенок не может ее принять, то партнер с подобными характеристиками становится источником негативных реакций. В этом случае, став взрослым, он ищет себе партнера с другими характеристиками. Однако такой выбор является источником внутреннего конфликта, даже если человек делает, по его мнению, правильный выбор, он все же чувствует, что с некоторыми особенностями партнера он не может примериться. В таком случае он склонен относиться к партнеру так, как если бы он соответствовал сложившемуся образу.

Модель родительской семьи определяет в главных чертах модель семьи, которую создают впоследствии их дети. Напри-

мер, у ребенка из патриархальной семьи будет проявляться тенденция к установлению в своей семье патриархальных отношений, т. е. к реализации усвоенной модели. Например, в браке партнеров из семей, представляющих явно противоположные модели, постоянно происходит борьба за власть (или отмечается их ошибочное поведение). Вероятность гармонического союза тем выше, чем ближе модели семьи, из которых происходят супруги. Врач-психотерапевт может подвести супружескую пару к компромиссной модели союза, в настоящей степени приближающейся к модели отношения их родителей.

Модель брата или сестры. Томан на основании своих обширных исследований влияния семейной конституции (около 3000 семей) утверждал, что для стабильного супружества решающее значение имеет то, в какой мере в нем повторяется положение, которое каждый из супругов занимал среди своих братьев и сестер. Взаимодействие и сотрудничество легче всего достигаются в общении с индивидуумом, занимающем комплементарное положение. Например, старший брат, у которого была младшая сестра, может создать исключительно устойчивый союз с женой, также имевшей старшего брата. Аналогично этому младший брат, у которого была старшая сестра, ожидает, что жена будет заботиться о нем, оберегать его, ухаживать за ним. Жена, имевшая в родительской семье младшего брата, будет к мужу проявлять подобное отношение, сохраняя прежнее поведение. Союз будет стабильным и гармоничным.

Роль, которую играл каждый из супругов в родительской семье, может охарактеризоваться его положением (порядок, пол) среди братьев и сестер. Следовательно, с этой точки зрения супружеские связи могут быть комплементарными, частично комплементарными и некомплементарными. В последнем случае могут возникать конфликты на почве главенства в семье.

Комплементарный брак — это такой союз, в котором каждый из супругов занимает то же положение, какое он имел по отношению к братьям или сестрам в родительской семье. Муж, например, был старшим братом двух сестер. Следовательно, он научился обращению с девочками, чувствует себя ответственным за них, оберегает их и помогает им. Если его жена имела старшего брата, то она легко приспособляется к мужу, принимает его защиту, поддается его влиянию. Роли

обоих супругов дополняют друг друга. Подобным комплементарным браком является брак мужчины, который имел в родительской семье старшую сестру, с женой, имевшей младшего брата. В этом случае следует ожидать, что жена возьмет на себя все заботы и руководство семьей.

Частично комплементарные отношения устанавливаются в том случае, когда один или оба партнера в родительской семье имели несколько типов связей со своими братьями и сестрами, из которых по крайней мере один совпадает с таковой у партнера.

В некомплементарном браке разногласия и противоречия могут возникать на почве главенства в семье. Примером таких разногласий может служить супружеский союз, в котором муж был старшим среди братьев в родительской семье, а жена имела только младших сестер. Оба супруга будут претендовать на главную роль; у каждого из них были только братья или только сестры, и они не привыкли жить со сверстником противоположного пола.

Лица, не привыкшие в родительской семье к контактам со сверстниками, скорее будут искать в партнере черты отца (или матери). Наилучший прогноз для таких лиц имеет брак с партнером, имевшим младшего брата или сестру. Наихудший прогноз имеют браки, в которых каждый из супругов был единственным ребенком в семье.

Томан различает идентичность и комплементарность ролей супругов в родительской семье. В первом случае речь идет об идентификации отношений, во втором — о взаимодействии. Партнеры, которые занимали одинаковое положение среди братьев или сестер в родительской семье, легче узнают друг друга и быстрее достигают взаимопонимания. Они легко понимают друг друга и могут подменять друг друга при необходимости, но плохо сотрудничают. Партнеры с идентичным типом только тогда сохраняют полное согласие в браке, когда они работают в разных областях, обеспечивают друг другу предельную свободу в личной жизни, имеют разные компании друзей и параллельно воспитывают детей либо поручают их воспитание кому-то другому.

Взаимодополнение означает, что каждый из партнеров хочет делать то, чего другой выполнять не желает. Один из них планирует, другой осуществляет эти планы. Один хочет идти

на работу — другой предпочитает остаться дома. Партнеры взаимодополняют друг друга [46].

Таким образом для гармонического союза в семье каждому из супругов надлежит исполнять определенную обязанность, которая должна ему подходить. Ролей множество, они требуют от человека совсем разных качеств, и распределение их происходит не всегда безболезненно. Кто-то должен стать хозяином в доме, обеспечивать материальный достаток, следить за порядком, кто-то должен стать лидером в воспитании детей, кто-то — поддерживать контакты семьи с родителями и друзьями, кто-то — утешителем и эмоциональной отдушкой [88]. Спротивление партнера, столкновение семейных ценностей супругов мешает им наладить устойчивый уклад семейной жизни.

Итак, второй аспект семейно-ролевой совместимости — согласованность ролевых представлений о функциях мужа и жены в семье. Ролевые установки личности проявляются в том, какие из видов семейной деятельности она берет под свою ответственность и какие адресует партнеру. Ролевое несоответствие выражается в недовольстве мерой и активностью участия супруга в ведении домашнего хозяйства, воспитании детей, инициативности при организации семейного досуга.

Семейно-ролевые представления также формируются под влиянием образцов родительской семьи, но испытывают влияние со стороны ближайшего значимого окружения, рода занятий, режима работы, личных склонностей человека. Наиболее часты ролевые конфликты в семье работающих женщин, особенно при творческом и неофициальном характере их труда; также ролевые конфликты характерны в первый период рождения детей.

Семейно-ролевое несоответствие легче поддается коррекции в молодых семьях, на первых этапах супружества [67].

Социокультурный уровень совместимости. Социокультурный уровень супружеских отношений позволяет супругам согласовать общую направленность и мотивацию поведения. Духовное общение супругов позволяет им согласовать жизненные позиции, ценностные ориентации, взгляды на окружающий мир и свое место в нем, интересы и мотивы социального поведения. Духовная совместимость проявляется как совпадение вышеназванных установок, оценок, ценностей. Наиболее

показательными признаками духовной гармонии являются: высокое взаимопонимание, одобрение жизненных позиций партнера, высокое уважение к нему как к члену общества.

Известно, что супружеская гармония или дисгармония является результатом взаимодействия множества факторов, которые трудно перечислить в порядке их значимости:

Отношение к труду. Люди, проявляющие ответственность при исполнении служебных обязанностей, в супружеской жизни легче достигают гармонии. Вероятно тот, кто лучше осознает свои возможности и умеет сделать правильный выбор, более удачлив как на работе, так и в личной жизни. Исследования показали, что работники, выполняющие тяжелую физическую работу, чаще бывают довольны своей семейной жизнью. Хорошие супружеские отношения чаще наблюдаются и у тех, чья деятельность требует большого умственного и душевного напряжения. Семья — эмоциональное убежище для таких людей.

Удовлетворенность трудовым коллективом. Взаимоотношения в коллективе часто отражаются на атмосфере в семье работника, так же, как семейные и другие личные заботы могут отрицательно влиять на его поведение и самочувствие на работе.

Отношение к супружеской верности. Люди, соблюдающие принцип супружеской верности, живут в гармоническом браке гораздо чаще, чем те, которые этот принцип нарушают.

Реакция на жизненные ситуации. Оптимального супружеского равновесия трудно достигнуть при двух крайних типах реакции: быстрой и излишне эмоциональной с одной стороны и медлительной, заторможенной с другой. Самые хорошие взаимоотношения оказались у людей, способных решать всевозможные проблемы спокойно и обдуманно (88,7 % гармоничных браков). Благоприятная ситуация наблюдалась также и у тех, кого, по их мнению, невозможно вывести из себя, — 81 % гармоничных браков.

Духовные интересы. Эти интересы обогащают человека, расширяют его кругозор, благоприятно сказываются на его умении создавать хорошие супружеские отношения.

Любовь и преданность друг другу. Как показали исследования, самые счастливые браки — те, в которых господствует любовь и преданность друг другу. В группе, где решающим фактором брака была любовь, доля счастливых браков составляет

92,1 %, среди тех, у которых основой брака была преданность друг другу, — 91,5 %, в браках, существующих ради детей, — 75,3 %, там, где главную роль играет сексуальная гармония, счастливые браки составляют 74,3 %.

Совпадение ценностей является важнейшим фактором супружеской гармонии. Здесь важно, с одной стороны, насколько различны их оценочные критерии, а с другой — насколько индивидуальные критерии соответствуют общепризнанным ценностям. Можно выделить четыре варианта.

1. «Двойная гармония», т. е. когда ценностные установки супругов совпадают между собой и одновременно с общепринятой системой ценностей.

2. Совпадение интересов только одного из партнеров с общепринятым уровнем ценностей.

3. Соответствие ценностных критериев обоих партнеров при одновременной дифференциации их точек зрения по отношению к общепринятым ценностям.

4. «Двойная дифференциация», т. е. когда системы ценностей партнеров расходятся между собой и при этом интересы обоих не отождествляются с общепризнанными критериями [20].

Интересно, что в исследовании, проведенном Олейником, по иерархии семейных ценностей женщины на первое место ставят организацию досуга, на второе — рождение и воспитание детей, а мужчины наоборот.

Духовное несоответствие проявляется в двух видах несоответствия: ценностных ориентациях и способах достижения жизненных целей. Выделяют два вида конфликтов:

1) терминальный (несогласие по таким вопросам, как важное и второстепенное в жизни, престижное и непрестижное, хорошее и плохое);

2) конфликт инструментальных ценностей (выражается в различиях взглядов на способы достижения жизненных целей: честных и нечестных, достойных и недостойных, порядочных и непорядочных и т. д.).

Особого драматизма духовное несоответствие достигает у супругов с высоким образовательным уровнем, умственным трудом как родом занятий, у работников сферы искусств, у людей широкой эрудиции и культуры. Обнаружено, что причинами духовной дисгармонии являются различия в образовании супругов, возрасте, культурном развитии.

Проявление духовной дисгармонии: непонимание, неуважение, отсутствие интереса к общению с партнером, неприятие жизненных ценностей [82].

В отличие от других видов супружеской дисгармонии духовное несоответствие чаще и отчетливее осознается супругами. Поэтому и корректирующая работа возможна на уровне рациональной терапии: дискуссии между супругами, в ходе которых происходит сближение взглядов, принятие ценностей партнера [67].

Практика консультирования показывает, что конкретные супружеские пары могут характеризоваться конфликтом одной, двух и более областей контакта. Нередко конфликт иррадирует на другие области контакта, тем самым маскируя первопричину затруднений. Конфликты могут также отличаться по глубине, силе, времени существования. Глубина, значимость и затяжной характер конфликта свидетельствуют об особой личной значимости для супругов той области взаимоотношений, которая оказалась дисгармоничной [67].

По мнению Л. Б. Шнайдера, семейная совместимость как способность членов семьи согласовывать свои действия, оптимизировать взаимоотношения в различных областях и видах совместной деятельности образует много слоев:

— 1 слой — физическая и психофизиологическая совместимость, предполагающая телесную совместимость, совместимость темпераментов, согласованность сенсомоторных действий;

— 2 слой — сексуальная совместимость;

— 3 слой — интеллектуальная совместимость. Едва ли муж и жена смогут общаться долгое время, если они интеллектуально несовместимы. Их разговоры будут либо однообразны, либо они совсем не будут понимать друг друга;

— 4 слой — совместимость характеров;

— 5 слой — согласованность функционально-ролевых ожиданий. В этом случае значимы представления членов семьи о том, что, как, с кем и в какой последовательности они будут делать для достижения общих задач. Принято считать, что согласованность структуры ролей, понимание и распределение ролей внутри пары обеспечивают стабильность и благополучие семьи;

— 6 слой — ценностно-ориентационное единство. У каждого есть интересы, потребности, цели существования и средства

их достижения, которые являются самыми важными в жизни. Если будущий супруг не разделяет приоритетов другого, едва ли брачный союз будет успешным и стабильным, даже если в других областях люди идеально подходят друг другу;

— 7 слой — личностная и социальная зрелость супругов.

Для гармоничного брака необходима личностная и социальная зрелость, подготовленность, активность и устойчивость в профессиональной сфере, способность материально обеспечивать свою семью, готовность заботиться о воспитании детей.

Психологически зрелых супругов отличает чувство долга, ответственность за свою семью, самообладание, гибкость, выдержанность, трудолюбие, деликатность.

Всесторонняя совместимость бывает очень редко. Куда чаще встречается неполная совместимость, и ее обычно хватает для хороших отношений, если только бережно к ней относиться.

Особенно большую значимость в семейно-брачных отношениях имеют ценностная и психофизиологическая совместимость людей. Все остальные виды совместимости или несовместимости подвержены динамическим изменениям и достаточно легко изменяются в процессе взаимной адаптации членов семьи или в ходе психотерапии. Ценностная и психофизиологическая несовместимость не поддается или с большим трудом поддается коррекции.

Психофизиологическая, и в частности сексуальная, несовместимость способна привести к распаду брака. А рассогласование ценностей во взаимодействии людей, особенно в повседневных контактах, приводит к почти необратимому разрушению общения и супружеских взаимоотношений. Здесь важно, с одной стороны, насколько различны оценочные критерии супругов, а с другой — насколько индивидуальные критерии соответствуют общепризнанным. Можно говорить о двойной гармонии, когда ценностные установки супругов совпадают между собой и с общепринятой системой ценностей; о совпадении взглядов с общепринятой системой ценностей только одного из супругов; о соответствии ценностных критериев обоих партнеров общепринятым ценностям при одновременной дифференциации их точек зрения; о двойной дифференциации, когда системы ценностей расходятся и интересы обоих не отождествляются с общепризнанными критериями.

Психологическая совместимость предполагает совмещение темпераментов, характеров, потребностей, мотивов поведения супругов. «Психологический уровень супружеских отношений имеет много общего с интимно-исповедальной формой дружбы и любовными отношениями (например добрачными отношениями молодоженов). Известно, что главной функцией этих видов межличностных отношений является избирательный контакт, способствующий наиболее полному самовыражению личности, поддерживающий и стимулирующий развитие ее неповторимой индивидуальности, дает терапевтический эффект понимания, одобрения, принятия личности, является источником моральной и эмоциональной поддержки. При детальном изучении психологической совместимости в браке были обнаружены две основные закономерности: совместимые партнеры характеризовались подобием одних и контрастом других личностных черт. При этом черты, обусловленные скорее природными факторами (например черты темперамента), у совместимых партнеров обнаруживают тенденцию к контрасту.

Практика же показывает, что в большинстве случаев прочность брака зависит от того, насколько люди могут и желают идти навстречу друг другу, удовлетворяя потребности друг друга и жертвуя своими потребностями [115].

Интересной видится градация А. Н. Обозовой, раскрытая в статье «О супружеской совместимости» психолога-консультанта Н. Холиной, по ее мнению, это может выглядеть следующим образом:

К психофизиологическому уровню можно отнести такие параметры, как:

— возрастная совместимость (учитывая хронологический возраст, а также психологическую зрелость супругов);

— индивидуально-психофизиологические особенности личности (такие как, например, темперамент, уровень эмоциональности и реактивности организма, устойчивости психики и пр.);

— физиологическая совместимость (так называемое нравление по ряду показателей);

— сексуальная совместимость;

— общий уровень физического и особенно психического здоровья;

— совпадение по суточным биоритмам и пр.

К психологическому уровню можно отнести следующее:

- совместимость характеров;
- совместимость по уровню интеллекта;
- отсутствие барьеров в общении;
- отношение к вредным привычкам (таким как алкоголь, курение и пр.);
- кулинарные предпочтения супругов и пр.

К социально-психологическому уровню можно отнести следующие важные факторы:

- социальная среда и уровень воспитания супругов;
- отношения супругов с родителями, друзьями и родственникам друг друга, а также личные отношения каждого со своим ближайшим окружением;
- образовательный уровень супругов;
- единство взглядов в вопросах семьи, деторождения и воспитания детей;
- взаимодополняющие социальные роли в семье;
- согласие в финансовых вопросах (стабильность материального положения семьи);
- условия проживания супругов;
- совместимость в вопросе ведения хозяйства (в том числе разделение обязанностей в семье);
- единство взглядов в отношении домашних животных и пр.

К социокультурному уровню можно отнести такие факторы, как:

- религиозные взгляды супругов;
- политические взгляды/убеждения;
- профессиональная совместимость;
- общность увлечений/интересов (кино, ТВ, музыка, театр, литература, искусство и пр.);
- отношение к спорту;
- схожие предпочтения в проведении досуга (ежедневный и еженедельный отдых, отпуска);
- общность целей, позиций, взглядов на жизнь и пр. [116].

Анализ вышеизложенной информации, а также сведений, предоставленных в другой литературе по этому вопросу, позволяет предложить следующее.

Для облегчения диагностирования области несовместимости, приводящей к конфликтам и кризисам, практикую-

щим психологам рекомендуется использовать градацию уровней супружеской совместимости, разработанные А. Н. Обозовой, которая хоть и представляется довольно упрощенной, но все же является наиболее подходящей по сравнению с другими и позволяет облегчить диагностику кризисного сегмента, что, несомненно, повысит эффективность терапии. Кроме того, считаю, что разделение на четыре большие группы различий следует и впредь называть уровнями, а градации внутри уровней имеет смысл наименовать подуровнями.

Подводя итог, можно констатировать следующее — совместимость имеет огромное значение в супружеских отношениях, так как при несовместимости и противоречиях в браке возникает конфликт — происходит столкновение как субъективных, так и объективных тенденций в мотивах, отношениях, действиях и поведении супругов. При несовместимости партнеров в браке наблюдается неспособность в критических ситуациях понять друг друга, несинхронность психомоторных реакций, различия во внимании, мышлении и в других врожденных и приобретенных качествах личности, что существенно влияет на качество брака, так как нарушает его устойчивость.

При не решенных правильным образом затяжных конфликтах, вызванных несовместимостью и разногласиями супругов, семейно-брачные отношения обычно переходят в стадию общего семейного кризиса, что очень портит супружеские отношения и часто приводит брак к распаду.

3.3. Внешние факторы в супружеских отношениях

К влиянию внешних факторов, которые нередко провоцируют появление противоречий и разногласий (несовместимости) в супружеских отношениях, можно отнести влияние родителей и близких родственников, друзей, знакомых и соседей, изменения, произошедшие на работе, в социальной, экономической, политической ситуации и прочее. Рассмотрим наиболее распространенные стрессоры.

Влияние родителей и близких родственников. Отношения супругов с родителями представляют множество различных и иногда труднорешаемых проблем. Это зависит от возраста родителей, от того, с кем связаны проблемы — с родите-

лями мужа или жены; важно и то, живы ли оба родителя или только один из них, проживают ли они вместе с супругами или отдельно. Прежде всего необходимо помочь супругам понять особенности отношения стареющих родителей к взрослым детям, причем речь здесь идет не о какой-то «вине», а лишь об обычных психологических явлениях.

Родители в течение многих лет привыкли заботиться о своих детях, опекать их, это касалось не только их прав, но и обязанностей. С точки зрения типологии отношений они находились в комплементарных отношениях со своими детьми. Данный тип отношений совсем не просто быстро перевести в разряд полностью симметричных отношений со взрослыми детьми, даже если родители стараются это сделать. С годами определенный тип отношений фиксируется, связи становятся более ригидными, их значительно труднее изменить. Другая ситуация возникает, когда родители еще больше стареют, перестают работать, круг их интересов и контактов резко сужается, они становятся эмоционально зависимыми от своих детей. Они стараются удержать связь со своими взрослыми детьми, напоминая им о том, сколько они за свою жизнь сделали хорошего для детей, и вызывая в них чувство вины или, наоборот, захваливая и задаривая их. Они пытаются угодить, конкурируя в заботе о своем ребенке с его партнером, чтобы больше привлечь на свою сторону, покрепче привязать его к себе. В этом случае супругам необходимо разобраться во всем и постараться понять поведение родителей. Своё отношение к родителям они должны строить по принципу симметричных связей, а свои решения реализовать на основе договоренности между собой и ни в коем случае — на основе индивидуальной договоренности с родителями кого-либо из них.

Стоит также упомянуть ситуацию, когда супруги живут в квартире, принадлежащей родителям, принимают от них материальную помощь и другие услуги; в данном случае они должны учитывать принцип обмена (что-то за что-то). Они не могут не считаться с родителями, безоглядно делать все, что захочется, они должны соблюдать правила общежития, уважать позицию и взгляды родителей, компенсируя в какой-то мере услуги и заботу удовлетворением некоторых их потребностей. Рассмотрим несколько обычных альтернатив, касающихся совместного или раздельного проживания супругов с родителями.

Совместное проживание супругов с родителями жены.

В этом случае муж часто чувствует, что не может устроить совместную жизнь по-своему, не может в семье ничего решать, поскольку жена, выступая против него, имеет поддержку в лице своих родителей. Постоянно кто-то как бы стоит над ним. В случае ссоры или конфликта жена всегда может укрыться у родителей. Если супруги живут с овдовевшей или разведенной матерью жены, то нередко возникает ситуация, когда теща, уже не имеющая опоры в собственной семье, стремится расположить зятя к себе как единственного мужчину в доме. Жену это, как правило, не беспокоит, и взаимные отношения всех троих развиваются в положительном направлении. Однако и такая сравнительно благоприятная комбинация может стать источником напряженности в отношениях, если и теща, и муж имеют тенденцию к доминированию.

Каплун и соавт. описали вариант нарушения отношений, который назвали «большая мать рода». Мать жены занимает в семье доминирующее положение, берет на себя функции управления семьей, связанные с организацией домашнего хозяйства, воспитания детей и решением наиболее важных вопросов. Чаще всего она занимала такое же положение в собственной семье. Супруга обычно несамостоятельна и во всем полагается на мать. Супруг в такой семье практически лишен своей мужской роли. Принятие решений в семье проходит по такому стереотипу: распоряжается мать, жена беспрекословно подчиняется, муж выражает несогласие. Затем следует наказание мужа женской половиной семьи. Если муж не претендует на мужскую роль или отказывается от нее, в семье устанавливается относительный покой до тех пор, пока эту роль выполняет мать. Когда мать уходит из семьи, жена чаще всего оказывается неспособной к доминантной роли и семья начинает ощущать отсутствие главы дома. Жена винит в этом мужа (в консультации обычно сообщает, что «он совсем не интересуется семьей»). В процессе психотерапии следует поддержать мужа, помочь ему вернуть себе мужскую роль и интерес к семье. Если доминирующая мать продолжает жить в семье, то можно попробовать в процессе индивидуальной или групповой терапии повлиять на жену, подтолкнув ее к большей самостоятельности и вступлению в коалицию с мужем.

Совместное проживание супругов с родителями мужа.

В этих условиях жена, как правило, весьма негативно отно-

сится к вмешательству свекрови в домашние дела и необходимости приспособляться к ее стилю жизни; кроме того, ей приходится конкурировать с родителями мужа за своего супруга. Положение значительно ухудшается, если свекровь одинока или имеет с сыном прочные эмоциональные связи. Плзак считает такую комбинацию наиболее опасной.

Мать мужа использует различные маневры для усиления разногласий в молодой семье. Конфликт обостряется, если сын вступает в коалицию с матерью, но проблем становится не меньше и в том случае, когда сын вступает в открытую коалицию с женой, не препятствуя, однако, матери вмешиваться в их отношения. Иногда приходится слышать наивное предположение, что жена могла бы поладить в такой ситуации, если бы у нее было достаточно «доброй воли». Попытки мужа примирить жену и мать обычно бывают безуспешными. Из лучших побуждений он защищает жену перед матерью и мать перед женой, чем лишь еще больше восстанавливает против себя обеих женщин. С целью сохранения брака и установления нормальных отношений необходимо решить вопрос о разделении домашнего хозяйства. Если это невозможно (мать присматривает за внуками или ей просто некуда уйти), Плзак рекомендует «разделиться» в рамках квартиры — каждый имеет свою территорию и не вступает на чужую без приглашения. Самая сложная проблема в данной ситуации — общая для всех кухня; здесь наилучшим решением является составление графика ее поочередного использования.

Иногда в рамках супружеской терапии возникает необходимость побеседовать со свекровью, выяснить ее заслуги, эмоциональные потребности и др.; психологу, конечно, следует проявить понимание ее проблем, но вместе с тем он должен твердо и директивно довести до нее принятое решение.

Каплун и соавт. описали патологический вариант, названный ими «обезьянья мать», который с терапевтической точки зрения почти безнадежен. Он отражает глубокие и фиксированные связи между матерью и сыном, сформировавшиеся в прошлом в патологической обстановке родительской семьи. Ее отношения с мужем были конфликтными, он либо часто изменял ей, либо был алкоголиком. Все свое внимание мать направляла на сына, она завоевывала его расположение различными услугами, нередко противоречащими его моральным устоям. К его партнерше относилась как добрая свекровь, пока

та оставалась привлекательной игрушкой для ее сына. Когда сын в своей семье стал повторять патологическую модель поведения своего отца, мать поддержала его. Мать любой ценой хочет жить вместе с сыном, быть ближе к нему. Распад его семьи ее не беспокоит, она охотно «просвещает» его относительно отрицательных качеств жены.

Проблемы посещения родителей, живущих отдельно. Здесь споры возникают в основном на той почве, что один из супругов не желает навещать родителей своего партнера, протестует против их посещений или возражает против индивидуальных посещений партнером своих родителей. Он ревниво относится к связи партнера с родителями, опасается, что родители настроят партнера против него, считает часы, которые партнер проводит у родителей («муж ходит помогать своим родителям, посидеть и поболтать со своей матерью, вместо того чтобы поболтать со мной»).

Естественно, большинство супружеских пар стремятся обзавестись собственной квартирой и не зависеть от родителей, насколько это возможно, что особенно важно в начале семейной жизни. Лучше, если молодожены устраивают свою жизнь сами, без вмешательства третьих лиц, постепенно привыкают друг к другу, вырабатывают собственный стиль совместной жизни. Если они сумеют создать такую самостоятельную ячейку, научатся собственными силами решать все проблемы и конфликты, то при последующей совместной жизни с родителями они уже выступают как самостоятельная семья, занимающая по отношению к родителям симметричную позицию, но не комплементарную.

Нокс подчеркивает, что семейные проблемы усложняются в тех случаях, когда один из супругов отдает предпочтение родителям перед партнером. Мы в своей работе с супругами стремимся подвести их к тому, чтобы они однозначно отдавали предпочтение своей семье, но вместе с тем не порывали связей с родителями. Если один из супругов не хочет поддерживать дружеские отношения с родителями своего партнера, то не следует на этом настаивать, доводя дело до конфликта.

В таких случаях можно договориться об определенной взаимоприемлемой частоте встреч. Нельзя требовать, чтобы партнер не разговаривал со своими родителями. Когда один из супругов навещает своих родителей, другой может заниматься каким-то любимым делом.

В тех случаях, когда родители не жалуют зятя (или сноху), постоянно критикуют его, сыну или дочери надо отказаться от подобных разговоров или навещать своих родителей только при условии, что те не будут отзываться о партнере плохо.

Следует упомянуть еще о готовности родителей давать советы и вмешиваться в жизнь своих детей, которым подобное вмешательство представляется весьма нежелательным. Правда, есть и такие мужья (или жены), поведение которых сильно зависит от мнения своих родителей и которые постоянно ходят к родителям за советом, к великому неудовольствию партнера. В подобных случаях вместо малорезультативных упреков партнеру следует поощрять самостоятельные решения, принятые без участия родителей.

При получении от родителей различных подарков, денег или другой помощи следует, оценив ситуацию, понять, действительно речь идет о подарке как таковом или об «обмене», предполагающем право вмешиваться в решения, принимаемые супругами. Если это именно такой «обмен», то супруги должны договориться между собой, согласны ли они с ним или лучше отказаться от помощи родителей.

Мы рассматривали отношения супругов с родителями главным образом прагматически, с точки зрения удовлетворенности и согласия в младшем супружеском союзе; однако попробуем взглянуть на эту проблему и с другой стороны. Работая в консультации с супругами и сталкиваясь с ситуацией, когда их разногласия связаны с отношениями к родителям, мы часто склонны винить именно родителей и советуем супругам принимать самостоятельные решения, которые могли бы сделать их максимально независимыми, а также, если возможно, отделиться от родителей. При этом недостаточно учитываются интересы старших, которые, будучи практически изолированными от общества, широких контактов или страдая различными заболеваниями, заслуживают того, чтобы их сыновья или дочери, а также их партнеры с пониманием и сочувствием отнеслись к их положению, обеспечили необходимую поддержку и помощь. В этой области необходимо подходить к проблеме дифференцированно. Здесь не должно быть схематического подхода, когда врач, используя свой авторитет, пытается рационализировать или санкционировать такое поведение молодой пары, которое по своей сущности есть не что иное, как проявление эгоизма и безответственности. Тут уж не имеет

смысла говорить о признательности и уважении к старшим, речь идет об элементарном проявлении внимания к ним.

Смолка правильно отмечает, что совместная жизнь с родителями при определенном уровне отношений имеет много положительных моментов. Это сокращение финансовых расходов и возможность помощи во время болезни родителей или помощь с их стороны в воспитании детей.

Дети, которые вырастают в благополучной, гармоничной семье, состоящей из представителей нескольких поколений, могут лучше других налаживать социальные контакты, эмоционально окрашенные отношения, легче усваивают требуемые нормы поведения, что в дальнейшем, когда они станут взрослыми, отразится на их отношении к своим родителям.

Друзья, знакомые и соседи в супружеских отношениях. Проблему первостепенной важности для конфликтных супружеских пар представляют отношения с друзьями, знакомыми и соседями. Мы чаще всего сталкиваемся с ситуацией, когда один из супругов не выносит приятелей другого и наоборот. При обсуждении этого вопроса необходимо выяснить, есть ли у партнера близкий друг или необходимое время для встреч с ним или он попусту тратит время, которое мог бы провести дома с пользой для семьи. Если речь идет о действительно негативном отношении к друзьям партнера, то, по рекомендациям авторов, ориентированных на бихевиористический подход, следует компенсировать развлечения партнера каким-нибудь приятным времяпрепровождением; например, когда супруг проводит время с приятелем, жена идет прогуляться и посмотреть на витрины магазинов. Другой вариант решения данной проблемы — постараться сделать так, чтобы мужу больше хотелось проводить время с женой, нежели с приятелями.

В некоторых случаях можно попытаться вовлечь партнера в круг своих друзей, допустим, пригласить их к себе домой в надежде, что и партнер примет участие в разговоре или развлечениях. Особенно полезно завязать дружеские отношения с супружеской парой того же возраста. Однако если подобное вовлечение партнера после неоднократных попыток не удастся, не стоит принуждать его; в таком случае лучше каждому оставаться со своими друзьями.

В некоторых случаях партнеру бывает действительно трудно включиться в новый круг друзей ввиду значительного разли-

чия интересов. Например, если супруг инженер встречается со своими приятелями той же профессии и обсуждает с ними проекты каких-то приборов, вряд ли это может заинтересовать его жену, медицинскую сестру.

Супругам следует объяснить, что каждый из них не должен осмеивать или относиться с пренебрежением к друзьям своего партнера, ибо партнер часто воспринимает выпады против своих друзей как личную обиду.

Жалобы нередко касаются совместного проведения свободного времени с друзьями, когда супруг (или супруга) третирует своего партнера в присутствии других людей, критикует его, ища поддержки у приятелей, затевает ссору или рассказывает присутствующим о каких-либо подробностях семейной жизни, которые партнер считает интимными. Это необходимо прекратить. Иногда жена жалуется, что в присутствии друзей муж бывает веселым и общительным, когда же они остаются одни, он замолкает. В данном случае можно порекомендовать принять эту ситуацию как естественную и даже попробовать воспользоваться ею: если жена хочет больше узнать о муже, она должна постараться обеспечить ему «публику».

Иногда бывает, что при встречах с разными приятелями супруг повторяется, снова рассказывает новым людям «ту старую историю», которую партнер уже неоднократно слышал. Здесь лучше проявить терпение и дать ему возможность рассказать историю еще раз, чем омрачить ему радость [80].

Трудовая деятельность и ее влияние на супружеские взаимоотношения. На взаимодействие супругов оказывают влияние разнообразные факторы, связанные с работой. К наиболее важным из них можно отнести следующие: сколько часов проводится на работе, насколько гибкий график работы, каковы денежные вознаграждения, положительные моменты и стрессы, связанные с работой.

Количество времени, проведенного на работе. Трудовая неделя семьи прошлого поколения в среднем составляла 40 ч. В настоящее время супруги затрачивают в общей сложности более 80 ч. Очевидно, что чем больше времени каждый из супругов проводит на работе, тем более явно прослеживаются конфликты в семье, и тем меньше времени супруги проводят вместе. Это затрагивает каждый аспект семейной жизни, от выполнения обязанностей по дому до совместного обсуждения.

Когда супруги работают в разное время, что более распространено в семьях с маленькими детьми, требующими постоянного ухода, брак испытывает еще большее напряжение. В действительности, когда супруги работают в разное время, вероятность развода возрастает.

Размер доходов. Размер доходов действительно влияет на удовлетворение супругов, но не так, как это можно было предполагать. По мере того как доходы мужа увеличиваются, возрастает и общее удовлетворение от брака обоих супругов. Оба чувствуют, что муж выполняет свою основную роль кормильца. Тем не менее, когда возрастают доходы жены, согласно результатам некоторых исследований, браки становятся нестабильными и более вероятен развод. Верно и то, что женщины, которые сами не могут содержать себя, меньше задумываются о том, чтобы положить конец плохому браку, и к тому же в 1980-е гг. мужчины и женщины, возможно, испытывали больше трудностей в связи с утратой мужского превосходства в отношении доходов.

Самоотдача и стресс на работе. Многие исследователи пришли к заключению, что общий уровень супружеской удовлетворенности с наибольшей вероятностью может быть рассчитан из сочетания удовлетворенности от работы и счастья в супружеской жизни. Именно это предполагается и подтверждается в известном представлении Фрейда о «любви и работе» — изречение, в котором, по мнению Фрейда, были резюмированы все важные аспекты в жизни, приносящие удовлетворение. Это позитивное взаимное влияние работы, приносящей вознаграждение, и карьеры на семейную жизнь обсуждает все больше и больше пар среднего возраста, которые переключаются с карьеры для того, чтобы иметь возможность получать большее удовлетворение и от работы, и от семейной жизни. Зачастую выбор делается в пользу работы менее оплачиваемой, менее престижной и менее стрессовой. Это тот самый случай, когда меньше на самом деле означает больше: больше свободы, больше контроля и больше времени для семьи.

Взаимосвязь работы и семьи. Деньги, давление, удовлетворение и другие переменные факторы взаимодействуют между собой и создают пять основных типов взаимосвязи профессиональной и личной жизни. Люди выбирают разные типы в зависимости от того, насколько эмоционально удовлетворительной или фрустрирующей является их работа, и насколько,

по их мнению, работа важна для семейной жизни. В данном случае за основу были взяты данные, полученные в результате исследования, которое проводилось только среди мужчин, поэтому относительно реакции женщин мы можем лишь строить гипотезы. Вначале будет дано краткое описание первых четырех типов, а затем мы перейдем к более подробному рассмотрению наиболее преобладающего проблемного типа (тип 5, взаимное влияние).

Тип 1: независимый. В данном случае человек считает, что его работа и семейная жизнь существуют рядом и являются автономными. Здесь основная идея заключается в следующем: «Вряд ли возможно быть успешным и испытывать удовлетворение и в работе, и в семейной жизни. Человек может быть удовлетворен или чем-то одним — работой или семейной жизнью, или вообще не находить удовлетворения ни в том, ни в другом».

От 15 до 20 % респондентов в настоящем исследовании считали, что их роли в достаточной степени независимы друг от друга.

Тип 2: конфликтный. Лица, для которых характерны эти отношения, считают, что у них существует конфликт между работой и семейной жизнью, и не так легко прийти к консенсусу. Успех и удовлетворение в карьере неизменно влекут за собой жертвы в семейной жизни; а семейная жизнь, приносящая удовлетворение, влечет за собой компромиссы в отношении карьеры.

Менее 10 % мужчин сообщили о наличии у них конфликта между работой и семьей. Опять же имеющиеся данные в отношении женщин, возможно, могут служить неким зеркальным отражением: многие женщины с маленькими детьми, работающие на полную ставку, испытывали конфликт между успешной карьерой и семейной жизнью, приносящей удовлетворение.

Тип 3: инструментальный. В данном случае работа является преимущественно средством, которое позволяет человеку сделать свою семейную жизнь более приятной. Это средство позволяет создать такой стиль жизни и проведения досуга, который соответствовал бы желаниям самого человека и членов его семьи. Менее 10 % мужчин в настоящем исследовании считали, что работа была просто средством для достижения этой цели. Женщины могли переживать это сильнее, чем

мужчины, когда на них лежала ответственность за воспитание детей.

Когда человек меняет место работы, чтобы избежать негативного взаимного влияния, чаще всего его следующая работа опять оказывается ориентированной на результат. Люди не хотят попадать в одну и ту же ловушку дважды. Они продолжают говорить себе, что работают за деньги и что после работы они могут удовлетворить все свои потребности, если не будут сводить себя с ума и приносить домой стресс, который они испытывают на работе. Часто люди старшего возраста, которые чувствуют, что уже достигли определенного «потолка» на работе, и она уже не будет для них стимулирующей или интересной, имеют инструментальные отношения на рабочем месте.

Тип 4: компенсирующий. Эта взаимосвязь между областью работы и семейной сферой характеризуется тем ощущением, что каждая область может компенсировать то, чего недостает в другой области. Чем меньшее удовлетворение человеку доставляет работа или карьера, тем более он склонен рассматривать семью как область реализации и развития. Или, если семейная жизнь приносит одни разочарования, тогда человек обращается к работе и карьерному росту.

Менее 10 % мужчин испытывали ощущение пустоты либо в работе, либо в семейной жизни, но они полагали, что это может быть исправлено или компенсировано в другой сфере. Подобного стиля часто придерживаются молодые люди, которые испытывают определенные трудности на работе, но все еще полны оптимизма в отношении своей карьеры. Они временно обращаются к семье, чтобы получить там все то удовлетворение, которое им так необходимо. Но, как это ни странно, если работа приносит огромное удовлетворение и доходы, молодой человек может быть так поглощен этим, что исключает семью.

Тип 5: взаимовлияющий. При данном типе связи между работой и семьей профессиональная жизнь и семейная жизнь всегда оказывают друг на друга взаимное влияние. Люди, которые относятся к этой категории, считают так: «Если я удовлетворен своей работой, это будет способствовать моей семейной жизни, а если я буду испытывать неудовлетворение в своей карьере, это негативно скажется на моей семье. Аналогично удов-

летворение семейной жизнью может оказать влияние на мои взгляды по поводу карьерного роста и работы».

Менеджеры, которые принимали участие в исследовании (больше половины), и их жены (одна треть) пришли к заключению, что взаимовлияющий тип является наиболее подходящим. Может быть, поэтому и неудивительно, что взаимное влияние происходило по одному сценарию: мужчины, которые испытывали на работе стресс, становились раздражительными и переносили это на других членов семьи. Но когда у этих мужчин на работе все складывалось удачно, по возвращении домой их настроение от этого не улучшалось. Бич и другие проанализировали типы социальной поддержки и межличностных стрессов на рабочем месте, которые оказывают влияние на ситуацию в семье. Несмотря на то что работник чаще всего считает, что наибольшую поддержку ему оказывает его супруг, самым большим источником стресса, скорее всего, является для него или коллега по работе, или опять же супруг. На основании чего можно предположить, что обстановка на работе может оказывать особенно негативное влияние на супружеские отношения.

Несмотря на то что коллеги по работе действительно предоставляли социальную поддержку, чаще всего именно они были источником стресса. На самом деле коллега, по видимому, в большей степени, чем супруг, действует на нервы, выходит из себя или демонстрирует неприязнь. В действительности факторы, вызывающие стресс у коллеги по работе, были настолько же важными в объяснении негативного влияния, как и межличностная поддержка на работе в защите от негативного влияния. Неудивительно, что рабочее место становится источником всех бед. В конечном счете именно супруг должен предоставить первую помощь человеку, чье самолюбие было уязвлено тем, что регулярно происходит у него на работе.

Люди, которые работают в обстановке высокого стресса, оказывают большее влияние друг на друга. В частности, когда пара уже переживает конфликт по поводу какого-то вопроса (уход за ребенком, финансовые вопросы или иные вопросы) легко сделать треугольник между ситуацией на работе и их отношениями и сделать акцент на том, как ситуация на работе мешает нормальной жизни дома. Когда один из супругов чрезмерно вовлечен в работу и испытывает там очень сильный стресс,

другой супруг начинает его ревновать. Как он может столько сил и энергии отдавать работе и ничего не оставлять ему? Это чувство обиды разводит супругов еще дальше, так как они рассматривают враждебность как угрозу их карьере или необходимой эмоциональной поддержке.

Таким образом люди, которые сообщают о том, что из своего личного опыта знают о взаимном влиянии, чаще всего испытывали негативные чувства, связанные с работой, которые, в свою очередь, оказывали влияние на ситуацию в семье. Когда они возвращаются домой, они приносят с собой такие чувства, как напряжение, гнев, чувство вины, беспокойство и разочарование. Многим американцам знакомо, что часы «суеты», когда дети наиболее активны (обычно 17:00—19:00), теперь распространяются на всех членов семьи, в особенности на взрослых, которые возвращаются с работы уставшими.

Лица, склонные к взаимовлияющему типу отношений (тип 5) или конфликтным отношениям (тип 2), иногда являются трудоголиками. Это означает, что та роль, которую они играют на работе, важна для них больше, чем любые другие роли, и ей всегда отдается самый большой приоритет. Трудоголики стремятся повысить свою самооценку, эффективность, целеустремленность и стимулы. Они могут руководствоваться компенсаторными влечениями или ощущением неспособности, которое уходит корнями в детство. Несмотря на то что человек обычно отводит большую роль дому и семье, эти области не всегда являются наиболее важными, удовлетворяющими или успешными для наших взрослых ролей. Некоторые эмпирические данные подтверждают то обстоятельство, что у мужчин больше вероятности испытывать нарушения в связи с какими-то событиями на работе и финансовыми трудностями, в то время как женщины испытывают больше стрессов в семейной жизни. На основании чего можно предположить, что мужчины больше переносят негативное влияние с работы на семью, а женщины — из дома на работу.

К трем наиболее распространенным источникам негативного влияния в профессиональной области относятся следующие: отсутствие ощущения безопасности на работе, структурные стрессовые факторы на работе и психологические стрессовые факторы [14].

Семья и социально-экономические проблемы. К этой группе можно отнести проблемы, связанные с уровнем жизни

семьи, ее бюджетом (в том числе потребительским бюджетом средней семьи), удельным весом в структуре общества малообеспеченных семей и семей, живущих ниже черты бедности, со специфическими нуждами и потребностями многодетных семей, государственной системой материальной помощи.

Наиболее труднорешаемыми в нынешней кризисной ситуации стали *экономические проблемы*, но именно они являются самыми насущными, каждодневными для большинства населения России. Общее ухудшение экономического положения привело к резкому росту численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Так, численность населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума (в среднем на душу населения) в 2001 г., составила 49,9 млн руб. (27,6 % от общей численности населения).

Удельный вес семей с несовершеннолетними детьми и среднедушевыми доходами ниже прожиточного минимума столь значителен, что они по-прежнему остаются основной группой бедного населения. Уровень благосостояния семей напрямую связан с численностью детей, воспитывающихся в них. Например, среди неполных семей с тремя и более детьми доля семей со среднедушевым денежным доходом ниже прожиточного уровня составила 93,4 % семей.

Особенно тревожным является тот факт, что среднедушевые денежные доходы ниже прожиточного минимума были зарегистрированы в 58,4 % семей, получающих пособие на период отпуска по уходу за ребенком до 1,5 лет, т. е. преимущественно в молодых семьях.

Низкий уровень *заработной платы*, не обеспечивающей потребности семьи по содержанию иждивенцев, отставание размеров социальных выплат от роста стоимости жизни являются факторами, обуславливающими широкое распространение бедности среди семей с несовершеннолетними.

Проблемы, характерные для нашей страны, тесно перекликаются с общемировыми процессами и своеобразно отражают их. Жизнь семьи тесно связана с жизнью всего общества и каждого человека в отдельности. Поэтому проблемы, осложняющие положение всех жителей, влияют, без сомнения, на ситуацию в семье, и те трудности, которые переживает семья, накладывают свой отпечаток на самочувствие индивидов и всего населения в целом.

Одной из наиболее сложных проблем семьи являются в настоящее время *финансово-экономические трудности*, малообеспеченность, невозможность достойно обеспечить жизнь семьи при помощи социально одобряемых способов деятельности. В обществе со здоровой экономикой наличие постоянной занятости является гарантией трудовой обеспеченности, и большинство населения в состоянии не только заработать себе на жизнь, но и помочь тем, кто по разным причинам — болезни, старости, многодетности и т. д. — не в состоянии содержать себя и свои семьи самостоятельно.

В наших условиях — это финансирование в качестве социальных минимумов величины оплаты труда, пенсий, пособий и т. д. Так, минимальный размер оплаты труда или прожиточный минимум являются чисто расчетными показателями и имеют лишь косвенное отношение к реальным потребностям индивидов и семей или реальным минимальным нормам выживания. Так, минимальный размер заработной платы покрывает не более четверти, в лучшем случае трети расходов, необходимых для выживания индивида, а вместе с компенсациями не дотягивает до величины душевого физиологического минимума.

Семейный бюджет в нашей стране строится на эквиваленте мужа и жены. Отсутствие заработка жены в период отпуска по уходу за ребенком (при резко возросших расходах) ставят молодую семью в весьма трудное положение. Разумеется, сложность проблемы резко возрастает при рождении ребенка в семье безработных, в неполной семье, у матери, не состоящей в браке, при рождении ребенка-инвалида или у родителей-инвалидов.

Возрастающая степень платности образования, здравоохранения, культурно-просветительской деятельности заставляет родителей тратить все больше средств на то, чтобы обеспечить детям удовлетворительный социальный старт во все более конкурентной среде. Дети становятся социальной роскошью, позволить себе которую все труднее. Впрочем, стратегия демографического поведения — отношение к брачности, к деторождению и т. д. — лишь отчасти зависит от материального положения, определяясь, прежде всего, внутренними морально-психологическими установками.

Еще одна весьма важная проблема связана с жилищными условиями семей. Прежде существовавшие способы ее разреше-

ния, такие как жилищно-строительная кооперация, жилищное строительство силами промышленных и сельскохозяйственных предприятий, почти исчезли. Фонд дешевого муниципального жилья, доступного семьям среднего и низкого достатка, практически не пополняется. Жилищный кредит чрезвычайно дорог и сопровождается условиями, делающими его недоступным для рядовой семьи.

Это особенно сильно влияет на положение вновь образующихся семей. В соответствии с господствующей тенденцией, они предпочли бы жить отдельно от родителей, но жилищные обстоятельства заставляют их жить вместе, в далеко не роскошных условиях родительских квартир.

Между тем есть прямая связь между ухудшением жилищных условий и напряженностью семейной атмосферы, хотя, правда, однозначной обратной зависимости не существует: улучшение жилищных условий вовсе не ведет автоматически к укреплению семьи. Но плохие жилищные условия для существования, скученность, отсутствие места для полноценного отдыха усугубляют все другие семейные трудности, влияют на здоровье и школьную успеваемость детей.

Комплексной является проблема с занятостью, влияющая на положение семьи и обстановку в семье. Апробированные мировой практикой рецепты разрешения кризисной ситуации — развитие малого и семейного бизнеса, сферы обслуживания, народных художественных промыслов — оказываются неэффективными из-за негибкой налоговой политики государства.

Большинство безработных — женщины, причем у многих из них есть дети в возрасте до 16 лет. Исследования показывают, что среди лиц, теряющих рабочее место, большую часть составляют молодые и многодетные матери, родители детей-инвалидов.

Безработица воздействует на все стороны жизни семьи, а не только на ее экономическое положение. Известно, что утрата работы и заработка ведет к глубоким психологическим изменениям личности, дефектам семейных связей, психосоматическим заболеваниям. Причем последствия проявляются не только у самого безработного, но и у членов его семьи, в том числе и у детей. С другой стороны, если раньше мы с полным правом говорили о двойной занятости женщин, которые совмещали труд вне дома с трудом по обслуживанию своей семьи,

то сегодня можно говорить о двойной занятости практически для всех.

Для выживания люди ищут себе дополнительную работу, обрабатывают земельный участок, позволяющий выращивать продукты. Естественно, что все это требует иногда чрезмерных затрат труда и сил. Если же учесть, что резкое сокращение потребления бытовых услуг (в силу их дороговизны и из-за ухудшения работы системы учреждений бытового обслуживания) лишило семьи даже той довольно скромной помощи, которую оказывали им прежде службы бытового сервиса, то на женщину падает уже нагрузка не двойной, а тройной занятости. Отсюда — *ухудшение здоровья населения, накопление усталости.*

Учитывая, что посещаемость медицинских учреждений снижается, к помощи здравоохранения обращаются реже из страха потери работы и из-за дороговизны медицинских услуг, то перспективы сохранения здоровья и работоспособности достаточно проблематичны. Разумеется, усталость и нездоровье проявляются в ухудшении психологического фона семейных взаимоотношений, в учащении скандалов и ссор.

Своеобразное место занимает такое явление, как *снижение рождаемости.* В Российской Федерации такая тенденция, осложненная экономическим и моральным кризисом, имеет ряд особенностей. *Во-первых*, падение рождаемости произошло чересчур резко. *Во-вторых*, «сброс» семейной нагрузки — это способ разрешения экономических трудностей, который действительно дает временное облегчение как индивидам, так и государству: требуется меньше расходов на содержание или поддержку нетрудоспособных или менее трудоспособных членов общества. Однако исторический опыт показывает, что в стратегическом плане наличие семьи и средства, вкладываемые в ее поддержку, оказываются залогом устойчивости общества и его дальнейшего развития, повышают выживаемость индивидов. К сожалению, в настоящее время мы не знаем способа, которым можно было бы подействовать на уровень рождаемости в сторону его увеличения. Деятельность современных структур по оказанию населению помощи в сфере планирования семьи, распространение современных знаний, медикаментозных средств и технических приспособлений приводит к достаточно достоверно регистрируемому снижению

искусственных аборт, хотя до цивилизованных показателей в этой сфере нам пока далеко.

Резкое имущественное расслоение российских семей, отбросившее подавляющее большинство населения даже не за черту бедности, а за грань ее, привели к крайне отрицательным морально-психологическим последствиям в длительной перспективе. Политика доходов и зарплат, непродуманно и неэффективно проводящаяся с 1992 г., привела к резкому ослаблению трудовой мотивации, дискредитации честного, добросовестного труда. Невозможность достичь лично значимых целей социально приемлемыми способами приводят к вытеснению значительной части наиболее энергичных и предприимчивых представителей населения в криминальную сферу [58].

И хотя сейчас ситуация несколько изменилась, однако до полного решения этих проблем еще очень далеко, к тому же многие сферы социально-экономической жизни общества продолжают сохранять прежние тенденции.

Политическая ситуация и семья. В процессе перехода от доиндустриального общества к индустриальному существенно меняется характер взаимоотношений между семьей и государством. Это выражается в том, что государство расширяет масштаб своего вмешательства в брачно-семейные процессы. Кризис традиционной семьи является следствием не только процесса модернизации общества, но и обусловлен политикой государства, которое поддерживает процесс социальной дифференциации и распространение идеологии индивидуализма, приводящих к ослаблению посреднической роли семьи между личностью и обществом. От деятельности государства во многом зависит, за какой исторический период происходит оформление кризисных тенденций. В свою очередь, на формирование основ политики государства оказывает влияние ряд факторов, например, уровень социально-экономического развития страны, особенности идеологии, политического режима, национально-территориальной организации и т. д.

Антисемейная политика государства в наибольшей степени проявилась в тоталитарных обществах. Это было характерно для политических режимов, сформировавшихся в первой половине XX в. в ряде стран Европы (Италии, Германии, СССР), основными чертами которых были строгая регламентация всех сфер жизнедеятельности общества, устранение самостоятель-

ных социально-экономических субъектов, в том числе семьи, подчинение их партийно-государственному контролю, а также использование репрессивных мер при регулировании социальных процессов.

Независимо от особенностей идеологических систем задачи построения нового общества практически во всех тоталитарных режимах предполагали радикальное реформирование основ жизни общества. Разрушение сложившейся социальной структуры рассматривалось как необходимая жертва ради построения нового общества. Традиционные институты и порождаемые ими ценности и нормы, в том числе семейные, не укладывались в систему новых общественных отношений и подлежали преобразованию.

И Италия, и Германия, и СССР находились в конце 20-х — начале 30-х гг. прошлого века на раннем этапе индустриализации, а выбор ускоренного варианта модернизации оказал негативное воздействие на брачно-семейные процессы и, что самое главное, приблизил наступление кризиса семьи. Также отрицательно сказалось на развитии институтов брака и семьи усиление роли государства в управлении обществом. Традиционная замкнутость семьи препятствовала распространению новых норм и ценностей, ее сплоченность была несовместима с системой тотального контроля, практикой доносов и т. д.

Интенсивное развитие государственного сектора в экономике в Советском Союзе было продиктовано необходимостью быстрого индустриального развития. Семейное производство расценивалось как негативный фактор процесса модернизации и как пережиток в структуре экономики будущего общества. Уничтожение семейной экономики отвечало потребностям тоталитарного государства. Утрата одной из важнейших функций дестабилизировало семью и ставило ее в зависимость от других институтов, подчиненных государству или созданных им в сферах производства, распределения и потребления, материальных благ.

Индустриализация и урбанизация, вовлечение всех взрослых членов семьи в общественное производство привели к развитию кризисных тенденций в семье. Высвобождение всех членов семьи из сферы семейного производства в сферу наемного труда содействовало ослаблению экономической и социальной мотивации многодетности и распространению норм

массовой малодетности. Стремление государства максимально распространить свой контроль на семью выразилось не только в попытке регламентировать экономическую область ее жизнедеятельности. Такие вопросы, как выбор моделей брачного и репродуктивного поведения, количество детей, методы и формы их воспитания и обучения и т. д., по которым традиционно принимали решение личность и семья, также подлежали строгому контролю со стороны государства и общественных организаций.

Советское государство активно стремилось сделать традиционные семейные ценности и нормы социально не значимыми, поскольку они противоречили ценностям и нормам, вновь провозглашаемым. Рассматривая семью в качестве главного конкурента в процессе формирования личности, государство активно поддерживало распространение системы ценностей внесемейного коллективизма, которые якобы пришли на смену системе ценностей семейных.

Необходимость распространения новых ценностей и норм требовала создания системы массовой пропаганды. Эффективность формирования нового мировоззрения обеспечивалась согласованной работой институтов, воздействующих на массовое сознание. Средства массовой информации, кино и литература максимально контролировались государством. В задачи массовой пропаганды входило также формирование нового типа личности, полностью разделяющей новые идеалы и ценности, следовательно, максимально управляемой государством. Основные усилия пропаганды были, естественно, направлены на подрастающее поколение. Практиковалось вовлечение (в том числе принудительное) молодежи в различные общественные организации, созданные государством. Хотя в СССР вступление в пионерские и комсомольские организации официально не было обязательным, без участия в их деятельности невозможно было добиться карьерного роста.

Таким образом антисемейный характер политики тоталитарного государства проявился не только в использовании репрессий как способа регулирования брачно-семейных процессов. Он присутствовал и в других направлениях государственной деятельности. Идеология поддерживала разрушение традиционной семьи, индустриализация ускоряла наступление ее кризиса, государство способствовало потере семьей своей независимости и поставило ее в подчиненное положение

по отношению к другим институтам. На первом месте оказались ценности любых других первичных коллективов, кроме семьи; семейные ценности были вытеснены из числа приоритетных.

В целом в нашей стране еще никогда в истории не проводилось грамотной государственной семейной и демографической политики и тем более для ее разработки не привлекались ведущие ученые и практики в этой области. Первоочередным в процессе формирования научных основ семейной политики является определение самого понятия «семейная политика». Этот термин в отечественной научной литературе используется относительно недавно, начиная с конца 80-х гг. прошлого века. Широкого распространения он не получил, его определение отсутствует в энциклопедиях и словарях.

Некоторому распространению термина, прежде всего в научной литературе и средствах массовой информации, способствовала разработка и одобрение в 1994 г. Национальным советом по подготовке и проведению Международного года семьи Концепции государственной семейной политики. Использование термина «семейная политика» в названии документа, направление его от имени правительства в регионы сыграли важную роль в его утверждении. Что касается федеральных государственных документов (законодательные акты, постановления правительства), то термин «семейная политика» в них почти не употребляется.

В отечественной научной литературе иногда даются определения понятию «семейная политика». Специалисты обычно рассматривают семейную политику как область одновременно и социальной, и демографической политики, акцентируя внимание в зависимости от профессиональной специализации на демографических, социальных, культурных, медицинских и других аспектах. Знания о семье, ее проблемах и закономерностях развития, полученные социологами, демографами и экономистами данные составляют информационную и методологическую основу для формирования целей и задач семейной политики, для разработки механизмов и программ ее реализации. В предлагаемых учеными определениях можно выделить несколько концептуальных подходов, обусловленных пониманием целей семейной политики.

Часть ученых отождествляют семейную политику с социальной защитой и сводят ее фактически к пособиям, компен-

сациям и льготам, рассматривают как систему мер помощи семьям с детьми. По мнению других авторов, семейная политика не может быть однозначно определена ни как социальная, ни как экономическая. Еще одна группа ученых, в основном демографы, включают семейную политику в состав демографической (или социально-демографической), что сужает значение политики в отношении семьи, сводит ее практически к репродуктивной функции, ограничивает возможности воздействия на другие направления социальной политики.

В современных условиях семейная политика должна рассматриваться как составная часть социальной политики, как целенаправленная деятельность государства и других институтов, ориентированная на обеспечение социальной безопасности семьи, ее благополучия, укрепление и развитие этого важнейшего социального института, создание необходимых условий для его функционирования и успешного выполнения социально значимых функций, главными из которых являются репродуктивная и социализирующая.

Задачами семейной политики являются:

— обеспечение социальной безопасности семьи на основе фамилистической экспертизы принимаемых государственных решений, прежде всего федеральных и региональных программ, с точки зрения возможных последствий их воздействия на жизнедеятельность семьи;

— создание необходимых условий для выполнения семьей ее основных функций, прежде всего репродуктивной и социализирующей;

— содействие адаптации семей различных типов к социально-экономической ситуации, создание необходимых условий для саморазвития семей, стимулирования их жизненного потенциала, экономической самостоятельности;

— формирование полноценной системы социальных услуг, направленной на оказание семьям широкого спектра помощи в процессе их функционирования;

— решение проблем укрепления и развития института российской семьи, связанных с возрождением ее традиционных норм и ценностей;

— предоставление гарантии защищенности тем семьям, которые по независящим от них причинам не могут самостоятельно достичь социально приемлемого уровня достатка и социального благополучия.

Основные направления семейной политики:

- развитие законодательной базы государственной семейной политики;
- демографическая политика в отношении семьи;
- экономическая политика государства в отношении семьи в условиях рыночных отношений;
- социокультурная политика в отношении семьи;
- развитие социального обслуживания семьи;
- государственная поддержка семей, находящихся в трудных жизненных обстоятельствах;
- региональная семейная политика;
- взаимодействие государства и неправительственных организаций — субъектов семейной политики.

В настоящее время семейная политика в России серьезно деформирована и носит характер социальной защиты. В переходный период приоритетной целью такой политики стало обеспечение выживания многих семей, т. е. социальная защита. Что касается других аспектов семейной политики, направленных на укрепление и развитие института семьи, то они в большинстве своем не развиты. В частности, почти не принимается во внимание необходимость формирования позитивных норм и ценностей, регулирующих брачно-семейное и репродуктивное поведение индивидов. Они должны выступать основным объектом целенаправленного воздействия долгосрочных мер государственной семейной и демографической политики, направленных на преодоление депопуляции.

В настоящее время в социальной практике реально идет становление главным образом двух направлений семейной политики:

1) связанных с мерами материальной поддержки (прежде всего семейные пособия);

2) социального обслуживания семей. Большое значение для обеспечения жизнедеятельности семьи имеет система заработной платы. В странах с развитой рыночной экономикой принята модель зарплаты, гарантирующая удовлетворительное существование не только самого работника, но и его семьи. В качестве дополнительных субсидий для отдельных категорий семей, например с целью материальной поддержки или стимулирования рождаемости, получили распространение государственные денежные пособия, а также различные льготы.

Действующая в России система семейных пособий по ряду причин является недостаточно эффективной. В среднем их доля невелика в совокупном доходе семей с детьми. Размеры пособий незначительны, в качестве их базы используется не прожиточный минимум, а минимальная заработная плата, которая индексируется с опозданием. Пособия не учитывают уровня дохода их получателей. Материальная помощь семьям с детьми на местном уровне развита слабо.

Но, что самое главное, попытки воздействовать на демографическую ситуацию, повышая жизненный уровень россиян, являются бесперспективными. Различного рода льготы и выплаты семьям с детьми бессмысленны с точки зрения решения проблемы преодоления депопуляции. Сегодня это очевидно для подавляющего большинства отечественных исследователей данной проблемы, которые самым настоятельным образом подчеркивают, что катастрофическое снижение рождаемости в лучшем случае несколько ускорено социально-экономическим кризисом в нашей стране, но этот кризис ни в коем случае не явился причиной такого снижения.

Все это подтверждается результатами предпринятых в 80-х гг. прошлого века в СССР попыток стимулирования рождаемости путем оказания существенной экономической поддержки семьям с несколькими детьми. Теоретической основой экономического подхода к решению проблемы снижения рождаемости послужила концепция экономической детерминации рождаемости, представленная, прежде всего, в работах Г. Беккера и Р. Истерлина (США). В СССР подобный подход к решению данной проблемы нашел свое отражение в работе А. Я. Кваши и Постановлении Совета Министров СССР 1981 г. «О мерах помощи семьям с детьми».

Результаты этих мер казались на первый взгляд обнадеживающими и действительно выражались в некотором увеличении числа рождений (как абсолютного, так и на 1000 населения) в середине и конце 1980-х гг., что дало повод для многочисленных заявлений об «успешности» демографической политики тех лет. Однако даже до начавшегося в 1991 г. кризиса идеальной моделью семьи в России была двухдетная, а подъем показателей рождаемости в 1980-х гг. носил временный характер и свидетельствовал об изменениях сроков рождения детей, но не изменениях величины потребности в детях.

Увеличение числа и доли рождения вторых и третьих детей в российских семьях в 1980—1987 гг. было прежде всего следствием благоприятной для роста рождаемости возрастной структуры населения, сложившейся в первой половине 1980-х гг., и сдвигом вторых и третьих рождений на более ранние сроки, но никак не увеличением потребности в детях, и не являлось показателем «успешности» демографической политики тех лет. Большинство рождений, вызванных ее мерами, все равно бы произошли, только в несколько более поздние сроки. Факторы, обусловившие рост рождаемости в середине 1980-х гг., исчерпали себя достаточно быстро, после чего начался новый этап снижения рождаемости.

По сути, собственно демографической политики в СССР не существовало, как нет ее и сейчас, в современной России. Демографическая политика подразумевает осуществление комплекса мер, которые, в зависимости от характера текущей демографической ситуации, должны прямо способствовать улучшению или поддержанию последней. Ничего подобного не проводилось в СССР и не проводится в настоящее время в Российской Федерации. Проводилась и проводится (правда, с разной степенью эффективности в СССР и современной России) только социальная политика в отношении семьи, реализация в рамках которой различных мер преимущественно экономического характера не в состоянии сколько-нибудь заметно повлиять на демографическую ситуацию.

Просемейная реформа общества должна носить комплексный характер с основным акцентом на семью как институт воспроизводства новых поколений в обществе. Обществу и государству необходимо поощрять полные семьи с 3—4 детьми с целью укрепления семьи как социального института. Необходимость такого поощрения ни у кого не вызывает сомнений, однако существуют серьезные разногласия, а зачатую необоснованные и ошибочные мнения по поводу способов его реализации, в том числе в научной литературе и нормативно-правовых документах, особенно относящиеся к «советскому» периоду. Самым распространенным из них является мнение о возможности регулирования рождаемости исключительно экономическими методами.

После Октябрьской революции в России никогда не предпринимались попытки формирования социальных норм детности (которое означает формирование индивидуальной потреб-

ности в детях), а после распада СССР то же самое можно сказать и в отношении всех остальных социальных норм и ценностей, регулирующих поведение индивидов в предбрачной, брачно-семейной, сексуальной и репродуктивной сферах. Напротив, в обществах большинства развитых стран Запада государство как основной институт социального контроля проводит активную политику по формированию социальных норм и, соответственно, индивидуальных потребностей в указанных сферах, но эта политика направлена если не на снижение рождаемости, то во всяком случае на повышение качественных характеристик воспроизводимых поколений в ущерб количественным. В целом в современном мире достаточно широк диапазон подходов к проведению семейной политики: от создания развитых национальных систем до отказа вообще от какой-либо активной политики по отношению к семье. СССР и Россия никогда не имели выраженной семейной политики, что, конечно же, влечет за собой негативные последствия [117].

Из всего вышеизложенного следует, что внешние факторы очень важны в семейно-брачных отношениях. Они провоцируют и способствуют появлению разногласий и противоречий (несовместимости) на всех уровнях супружеского общения, что в подавляющем числе случаев приводит к частным семейным кризисам. В случаях, когда не принимаются меры по нивелированию этих проблем, семьи, как правило, распадаются.

Подводя итог третьей главы, можно сделать вывод, что общие и частные семейные кризисы, подобно нормативным и ненормативным семейным кризисам, имеют большое значение. Они имеют свои отличительные черты и особенности, но в общем и целом являются такими же серьезными и значительными. Эти кризисы обладают схожими признаками с нормативными и ненормативными семейными кризисами, а также существенно влияют на развитие семейно-брачных отношений и требуют к себе пристального внимания и изучения.

С общими и частными семейными кризисами система семейных кризисов приобретает более полный вид и более завершенную структуру.

Заключение

На данном этапе развития общества семейно-брачные отношения находятся в состоянии глубочайшего кризиса. Уменьшается количество браков, увеличивается количество разводов, падает качество семейных отношений и удовлетворенность супругов браком. Наряду с этим увеличивается количество детей, воспитывающихся в неполных семьях, и детей, рожденных вне брака, — все это происходит с одновременным падением общей рождаемости, что, в свою очередь, порождает новые проблемы.

Кроме того, в несколько раз повысилось количество супругов, вступающих в брак неоднократно, а продолжительность брака в семьях, расторгающих отношения, значительно упала, также во многих регионах возникло совершенно новое явление, которого не было еще несколько лет назад, — превышение количества разводов над количеством заключенных браков.

Сегодня как никогда остро стоят такие проблемы, с какими несколько десятков лет назад нашим гражданам практически не приходилось сталкиваться, к наиболее значительным из них можно отнести экономический кризис, политическую нестабильность, падение морали и нравственности, обесценивание недавних идеалов и многое другое. Проблемы, связанные с безработицей, качеством медицины и образования, доступностью жилья и т. п., выдвинули на первое место материальный фактор как одно из главных условий для успешного функционирования семьи. Ввиду этого актуализируются вопросы развития духовных и нравственных ценностей, повышения культурного уровня во взаимоотношениях между супругами. Важное место занимает реализация продуманной и грамотной семейной политики, без которой представляется невозможным совершенствование современного общества и государства в целом.

Также сегодня современному обществу навязывается такое понятие, как толерантность. Толерантность (от лат. *tolerantia* —

терпение) — терпимость к абсолютно чуждому мнению, поведению и образу жизни, принятие их даже тогда, когда они полностью противоречат собственным взглядам и принципам. Параллельно с толерантностью в некоторых странах были приняты законы, позволяющие гомосексуалистам и лесбиянкам официально вступать в брак и усыновлять детей, что, конечно же, отразится на традиционной семье далеко не лучшим образом.

О семье и браке написано немало трудов и проведено множество исследований, но количество проблем, связанных с семьей, не уменьшается. Это связано с тем, что, помимо прочего, семья является еще и динамической системой, находящейся в постоянном развитии. Кроме того, большое влияние на семью оказывают внешние факторы, под воздействием которых семье приходится трансформироваться. Не всегда эти процессы происходят легко и гладко, в связи с чем возникает множество проблем, осложнений и кризисов.

Ввиду этого проблема кризисов в супружеских отношениях относится к числу наиболее важных и актуальных. В современном обществе избежать кризисов во взаимоотношениях не может ни одна семья. Они являются тем рубежом, после которого семейные отношения либо переходят на другой уровень, либо при неспособности справиться с ними ведут брак к распаду. Семейный кризис — это своего рода тонкий мостик в супружеских отношениях между прошлым и будущим. В тех случаях, когда супруги не готовы к трудностям и проблемам, связанным с семейной жизнью, часто самые незначительные конфликты и затруднения могут привести к тяжелейшим семейным кризисам. Особенно сильно это проявляется в тех случаях, когда в мировоззрении, ценностях, приоритетах и других компонентах у супругов имеются значительные противоречия и разногласия. Также обострению семейной конфликтности способствуют те случаи, когда конфликты на почве противоречий и отсутствия взаимопонимания часто возникали в родительских семьях. Среди прочих причин, приводящих к дестабилизации современных семейных отношений, надо отметить отсутствие грамотной и квалифицированной подготовки молодежи к семейной жизни, недостаточную психологическую помощь семьям, оказавшимся в затруднительных ситуациях в супружеских отношениях, в том числе в состоянии семейных кризисов.

В сегодняшнем мире развитие современной семьи определяется двумя ведущими направлениями. В первом случае это глобализм, который все больше и больше наступает на институт современной семьи, во втором антиглобализм, который стремится к сохранению семьи и всех традиционных ценностей. Однако нельзя не отметить, что на данном этапе развития общества антиглобализм неуклонно сдает свои позиции.

Все это вкупе с искусственным разрушением института семьи современной модой, пропагандой и средствами массовой информации приводит к многочисленным семейным конфликтам и кризисам. Для решения этой проблемы нужно усилить цензуру семейных ценностей в средствах массовой информации. Обучать молодежь, готовящуюся к вступлению в брак, основам грамотности в семейных отношениях как в общеобразовательных учебных заведениях, так и в специализированных психологических центрах. Пропагандировать семейные ценности и важность института семьи. Создавать благоприятные условия для заключения брака и развития здоровых семейных отношений.

Список литературы

1. Абульханова-Славская, К. А. Учение основоположников марксизма-ленинизма о кооперации и проблемы совместной деятельности // Совместная деятельность: методология, теория, практика. — М., 1988. — С. 7—18.

2. Агейко, О. В. Социальная перцепция семейных отношений у детей из неполных семей : дис. ... канд. психол. наук. — Мн., 2004.

3. Айдарбеков, К. А. Развитие диалогической структуры самосознания у подростков в системе внутрисемейных взаимодействий : автореф. ... канд. психол. наук. — Алматы, 2004. — 30 с.

4. Алешина, Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. — М. : Социальное здоровье России, 1994. — 151 с.

5. Алешина, Ю. Е. Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем совместной жизни : автореф. ... канд. психол. наук. — М., 1985. — 13 с.

6. Амбрумова, А. Г. Семейная диагностика и вопросы профилактики суицидального поведения / А. Г. Амбрумова, Л. И. Постовалова // Проблемы профилактики и реабилитации в суицидологии : сб науч. тр. — М., 1984. — С. 62—77.

7. Андреева, Т. В. Психология современной семьи : монография. — СПб. : Речь, 2005. — 436 с.

8. Андреева, Т. В. Социальная психология семьи : монография. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. — 211 с.

9. Анохин, П. К. Проблема принятия решения в психологии и физиологии // Вопросы психологии. — 1974. — № 4. — С. 21—29.

10. Антонов, А. И. Опыт анализа взаимоотношений супругов / А. И. Антонов, А. Н. Криворучко // Проблемы социологического изучения семьи. — М., 1976. — С. 139—150.

11. Антонов, А. И. Социология семьи / А. И. Антонов, В. М. Медков. — М., 1996.
12. Анцупов, А. Я. Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. — 2009.
13. Бейкер, К. Теория семейных систем М. Боуена // Вопросы психологии. — 1991. — № 6. — С 15—23.
14. Берг-Кросс, Л. Терапия супружеских пар / пер. с англ. Н. Рассказовой, А. Багрянцевой. — М. : Изд-во Института психотерапии, 2004. — 528 с.
15. Бехтерев, В. М. Коллективная рефлексология. — СПб., 1921. — С. 41, 111.
16. Бойко, В. В. Малодетная семья: социально-психологический аспект. — М. : Мысль, 1988. — 237 с.
17. Бойко, В. В. Рождаемость: социально-психологические аспекты. — М. : Мысль, 1985. — 238 с.
18. Бударина, М. Совместимость в супружеских парах. Уровни совместимости и основные проблемы, возникающие на каждом из уровней : реферат. Ярославль, 2002.
19. Васильева, Э. К. К методологии исследования советской семьи // Проблемы социологического исследования семьи. — М., 1976. — С. 38—45.
20. Витакер, К. Танцы с семьей / К. Витакер, В. Бамберри. — М., 1997.
21. Витек, К. Проблемы супружеского благополучия. — М. : Прогресс, 1988.
22. Вишневский, А. Г. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. — 2008. — № 7. — С. 4—11.
23. Вишневский, А. Г. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. — 2008. — № 8. — С. 8—13.
24. Вишневский, А. Г. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. — 2008. — № 9. — С. 4—9.
25. Волкова, А. Н. Социально-психологические факторы супружеской совместимости : дис. ... канд. психол. наук. — Л. : ЛГУ, 1979. — 168 с.
26. Гаврилов, В. А. Малые социальные группы. — М., 1991. — 245 с.
27. Гозман, Л. Я. Процессы межличностного восприятия в семье // Межличностное восприятие в группе. — М. : МГУ, 1981. — С. 210—232.
28. Гозман, Л. Я. Общение и развитие взаимоотношений в супружеской паре / Л. Я. Гозман, Ю. Е. Алешина // Общение

и оптимизация совместной деятельности. — М. : МГУ, 1987. — С. 140—152.

29. Гребенников, И. В. Основы семейной жизни. — М. : Просвещение, 1991. — 158 с.

30. Дементьева, И. Ф. Первые годы брака: проблемы становления молодой семьи. — М. : Мысль, 1991. — 112 с.

31. Ворден, Дж. В. Консультирование и терапия горя — М., 2001.

32. Джонсон, С. М. Психотерапия характера. — М., 2001.

33. Донцов, А. И. Проблемы групповой сплоченности. — М., 1979. — 128 с.

34. Журавлев, А. Л. Развитие концепции совместной деятельности в современной отечественной психологии // Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / отв. ред. А. Л. Журавлев. — М. : Изд-во Института психологии РАН, 1997. — С. 7—15.

35. Журавлев, А. Л. Совместная деятельность как объект социально-психологического исследования // Совместная деятельность: методология, теория, практика / отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. — М. : Наука, 1988. — С. 19—24.

36. Зверева, О. Л. Семейная педагогика и домашнее воспитание : учеб. пособие / О. Л. Зверева, А. И. Ганичева. — М. : Академия, 2005. — 160 с.

37. Зритнева, Е. И. Социология семьи : учеб. пособие. — М. : Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 2006. — 150 с.

38. Изард, К. Психология эмоций. — СПб., 1999.

39. Кабакова, М. П. Психология брачно-семейных отношений : дис. ... д-ра психол. наук. — Алматы, 2010. — 324 с.

40. Каприо, Ф. Многообразии сексуального поведения. — М., 1995.

41. Козлов, В. В. Психология кризиса : монография. — М. : Ин-т консультирования и системных решений, 2014. — 528 с.

42. Козлов, В. В. Содержание подросткового кризиса // Социальная психология в периоды кризиса общества : сб. по материалам научной конференции. — Набережные Челны, 2000. — 4 с.

43. Козлов, В. В. Социальная и психологическая работа с кризисной личностью : метод. пособие. — М., 2001.

44. Козлов, В. В. Психология смерти / В. В. Козлов, М. В. Кукина. — М. : Институт консультирования и системных решений, 2016. — 376 с.

45. *Кочюнас, Р.* Основы психологического консультирования. — М. : Академический проект, 1999.
46. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. — М. : Политиздат, 1989. — 413 с.
47. *Кратохвил, С.* Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний : пер. с чешск. — М. : Медицина, 1991. — С. 226—230.
48. *Кулжабаева, Л. С.* Культура семейно-брачных отношений и социально-психологические исследования современной семьи в казахстанском обществе : дис. ... д-ра психол. наук. — Ярославль, 2014. — 308 с.
49. *Кюблер-Росс, Э.* О смерти и умирании. — Киев, 2001.
50. *Левкович, В. П.* Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов / В. П. Левкович, О. Э. Зуськова // Психологический журнал. — 1985. — Т. 6. — № 3. — С. 126—137.
51. *Ломов, Б. Ф.* К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. — 1981. — Т. 2. — № 5. — С. 3—22.
52. *Майрамян, Р. Ф.* Семья и умственно отсталый ребенок : дисс. ... канд. мед. наук. — М., 1976.
53. *Малкина-Пых, И. Г.* Семейная терапия : справочник практического психолога. — М. : ЭКСМО, 2006. — 992 с.
54. *Маслоу, А.* Новые рубежи человеческой природы. — М. : Смысл, 2011. — 496 с.
55. *Мацковский, М. С.* Подготовка подростков и молодежи к будущей семейной жизни // Семья в системе нравственного воспитания. Актуальные проблемы воспитания подростков. — М., 1979. — С. 25—37.
56. *Мацковский, М. С.* Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. — М., 1989. — 150 с.
57. *Медведская, Е. И.* Мы глазами детей. Экспресс-диагностика личностных особенностей младших школьников : пособ. для практ. психологов, педагогов, социальных работников. — Мн., 1997.
58. *Мясищев, В. Н.* Личность и неврозы. — Л., 1960.
59. *Дивицына, Н. Ф.* Семейведение : краткий курс лекций для вузов. — М. : ВЛАДОС, 2006. — 327 с.
60. *Навайтис, Г. А.* Опыт психологического консультирования супружеских конфликтов // Психологический журнал. — 1983. — Т. 4. — № 3.

61. *Навайтис, Г.* Семья в психологической консультации. — М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1999. — 224 с.
62. *Навайтис, Г.* Семья и психология. — Калининград: Полиграфическое объединение, 1996.
63. *Нечаева, А. М.* Семейное право. — М. : Юрайт, 2007. — 280 с.
64. *Николаева, Е. И.* Психология семьи : учебник для вузов. — 2-е изд. — СПб. : Питер, 2017.
65. *Обозов, Н. Н.* Три подхода к исследованию психологической совместимости / Н. Н. Обозов, А. И. Обозова // Вопросы психологии. — 1981. — № 6.
66. *Обозов, Н. Н.* Психология межличностного взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — Л., 1979. — 35 с.
67. *Обозов, Н. Н.* Супружеская совместимость. Ее уровни и факторы / Н. Н. Обозов, А. Н. Волкова // Психологический журнал. — 1982. — Т. 3. — № 2. — С. 147—151.
68. *Обозов, Н. Н.* Диагностика супружеских затруднений / Н. Н. Обозов, А. И. Обозова // Психологический журнал. — 1982. — Т. 3. — № 2.
69. *Овчарова, Р. В.* Психологическое сопровождение родительства. — М., 2003.
70. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. — 2002.
71. *Олейник, Ю. Н. ст.* Исследование уровней совместимости в молодой семье. — Психологический журнал. — 1986. — Т. 7. — № 2.
72. *Олифи́рович, Н. И.* Психология семейных кризисов / Н. И. Олифи́рович, Т. А. Зинкевич-Куземкина, Т. Ф. Велента. — 2006.
73. Основы психологии семьи и семейного консультирования : учеб. пособие / под общ. ред. Н. Н. Посысоева. — М. : ВЛАДОС, 2004. — 328 с.
74. *Парыгин, Б. Д.* Основы социально-психологической теории. — М. : Мысль, 1971. — 351 с.
75. *Пергаменцик, Л. А.* Кризисная психология. — М. : ВШЭ, 2004. — 240 с.
76. *Петренко, Е. Н.* Исследование уровня совместимости в супружеских парах с различным стажем брака / Е. Н. Петренко, В. В. Козлов. Ярославль : МАПН, 2008. — Т. 2. — С. 122—134.

77. Петровский, А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. — М., 1982. — 255 с.
78. Платонов, Ю. П. Психология коллективной деятельности. — Л. : ЛГУ, 1990. — 184 с.
79. Практикум по экспериментальной и прикладной психологии. — Л., 1990.
80. Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М. : Политиздат, 1990. — 494 с.
81. Райгородский, Д. Я. Психология семьи : учеб. пособие. — Самара : БАХРАХ-М. — 2002. — 752 с.
82. Зидер, Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII—XX в.) : пер. с нем. — М. : ВЛАДОС, 1997. — 302 с.
83. Рюриков, Ю. Любовь и семья на сломе времен. — Аврора. — 1987.— № 10—12.
84. Самоукина, Н. В. Симбиотические аспекты отношений между матерью и ребенком // Вопросы психологии. — 2000. — № 3.
85. Сатир, В. Психотерапия семьи. — СПб., 1999. — 213 с.
86. Семейный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. от 05 мая 2014 г.).
87. Смелзер, Н. Социология : пер. с англ. — М. : Феникс, 1998. — 688 с.
88. Соловей, П. С. Ты, я и все, все, все... — М. : Политиздат, 1990.
89. Старович, З. Судебная сексология. — М., 1991.
90. Старшинбаум, Г. В. Любовь против одиночества. — М. : Знание, 1991.
91. Столяренко, Л. Д. Педагогический тезаурус / Л. Д. Столяренко, С. И. Самыгина. — Ростов н/Д : МарТ, 2001. — С. 210.
92. Сысенко, В. А. Супружеские конфликты. — М. : Мысль, 1989. — 173 с.
93. Сысенко, В. А. Устойчивость брака. Проблемы, факторы, условия. — М. : Финансы и статистика, 1981. — 186 с.
94. Трапезникова, Т. М. Этика и психология семейных отношений. — Л. : ЛГУ, 1988. — 80 с.
95. Харчев, А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки. Перепеч. с изд. 1979 г. / А. Г. Харчев. — М. : ЦСП, 2003. — 342 с.
96. Черников, А. В. Системная семейная терапия. Интегративная модель диагностики. — М. : Класс, 2001. — 208 с.

97. Чернов, А. П. Мысленный эксперимент. — М. : Наука. — 1979.

98. Шиян, О. А. Семья в пространстве преобразования // Семейная психология и семейная терапия. — М., 1998. — № 3.

99. Шмелев, А. Г. Острые углы семейного круга // Педагогический факультет. — 1986. — № 6. — С. 46—55.

100. Шнейдер, Л. Б. Психология семейных отношений. — М. : Апрель-Пресс, ЭКСМО, 2000. — 512 с.

101. Шпалинский, В. В. Экспериментально-психологическое исследование групповой сплоченности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1973. — 20 с.

102. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис. — СПб. : Питер, 1999. — 656 с.

103. Гидденс, Э. Социология. — М. : УРСС, 1999.

104. Энциклопедический социологический словарь / под общ. ред. Г. В. Осипова. — М., 1995.

105. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. В 4 т. — М. : АСТ, Астрель, 2004. — 2844 с.

106. Юркевич, Н. Г. Советская семья : функции и условия стабильности. — Минск: Изд-во БГУ, 1970.

107. Ackernan, N. The strength of family therapy. Selected papers of Natan Ackerman. — N. Y. : Brunner, Mazel, 1959.

108. Bowen, M. Family therapy in clinical practice. — N. Y. : Jason Aronson, 1978.

109. Hill, R. Family development in the generations. — Cambridge, MA : Schenkman. 1970. — 73 p.

110. Kendall-Tac, K. Child and adolescent therapy: Cognitive-behavioral procedures / K. Kendall-Tac [et al.]. — N. Y. : Guilford Press, 1993.

111. Russell, D. The gender gap among perpetrators of child sexual abuse / D. Russell (Ed.), D. Finkelhor // Sexual exploitation: Rape, child sexual abuse and workplace harassment. — Beverly Hills, CA : Sage, 1984.

112. Stroeve, M. Broken hearts and broken bonds: Love and death in historical perspective. American Psychologist / M. Stroeve [et al.]. — October 1992. — No. 47 (10). — P. 1205—1212.

113. Terkelsen, K. G. Schizophrenia and the family: II. Adverse effects of family therapy. — Family Process, 1987.

Интернет-издания

1. О супружеской совместимости. URL: <http://www.b17.ru/article/132/>.
2. Политика государства в отношении семьи. URL: <https://www.kazedu.kz/referat/152008>.
3. Статистика разводов. URL: <http://vawilon.ru/statistika-razvodov/>.
4. Супружеская совместимость. URL: http://studbooks.net/1650186/psihologiya/supruzheskaya_sovmestimost.

Новые издания по дисциплине

1. *Векилова, С. А.* Психология семьи : учебник и практикум для академического бакалавриата / С. А. Векилова. — М. : Издательство Юрайт, 2018.

2. *Галасюк, И. Н.* Семейная психология: методика «оценка детско-родительского взаимодействия». Evaluation of child-parent interaction (есpi-2.0) : практ. пособие / И. Н. Галасюк, Т. В. Шинина. — 2-е изд. — М. : Издательство Юрайт, 2018.

3. *Колесникова, Г. И.* Социология и психология семьи : учебник для академического бакалавриата / Г. И. Колесникова. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2018.

4. Основы психологии семьи и семейного консультирования : учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. Н. Н. Посысова. — 2-е изд., пер. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2018.

5. *Прохорова, О. Г.* Психология семьи. Психологическое здоровье : учеб. пособие для вузов / О. Г. Прохорова, В. С. Торохтий. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2018.

6. *Соловьева, Е. А.* Психология семьи и семейное воспитание : учеб. пособие для вузов / Е. А. Соловьева. — М. : Издательство Юрайт, 2018.

7. *Суслова, Т. Ф.* Психология семьи с основами семейного консультирования : учебник и практикум для академического бакалавриата / Т. Ф. Суслова, И. В. Шаповаленко. — М. : Издательство Юрайт, 2018.

8. *Токарская, Л. В.* Психология семьи. Психологическое сопровождение процесса усыновления : учеб. пособие для вузов / Л. В. Токарская. — М. : Издательство Юрайт, 2018.

9. *Филиппова, Г. Г.* Психология материнства : учеб. пособие для академического бакалавриата / Г. Г. Филиппова. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2018.

10. *Шнейдер, Л. Б.* Семейная психология. Эмпирические исследования : практ. пособие для академического бакалавриата

та / Л. Б. Шнейдер. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2018.

11. Якимова, Т. В. Психология семьи : учебник и практикум для академического бакалавриата / Т. В. Якимова. — М. : Издательство Юрайт, 2018.

Наши книги можно приобрести:

Учебным заведениям и библиотекам:

в отделе по работе с вузами
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: vuz@urait.ru

Частным лицам:

список магазинов смотрите на сайте urait.ru
в разделе «Частным лицам»

Магазинам и корпоративным клиентам:

в отделе продаж
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru

Отзывы об издании присылайте в редакцию

e-mail: gred@urait.ru

**Новые издания и дополнительные материалы доступны
на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Учебное издание

Горбуля Евгений Валерьевич

ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ: СЕМЕЙНЫЕ КРИЗИСЫ

Учебное пособие для вузов

Формат 60×90 1/16.

Гарнитура «Charter». Печать цифровая.

Усл. печ. л. 17,50

ООО «Издательство Юрайт»

111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.

Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru

Юрайт.Библиотека

Установите мобильное приложение и читайте книги даже без доступа к интернету

Медиаучебники

Интерактивные курсы с использованием видео и аудиоматериалов позволяют успешно освоить дисциплину

Умное тестирование

Проверьте, усвоен ли материал учебника с помощью онлайн-тестирования. Система сама предложит материалы для повторения

Шаблоны рабочих программ

Генерируйте и скачивайте рабочие программы к самым популярным и востребованным учебникам

Получите доступ к подписке вашего учебного заведения

1 Зарегистрируйтесь на urait.ru

2 Подтвердите свою принадлежность к организации

3 Читайте книги из коллекции организации с компьютера и мобильного телефона!

Подробнее на <https://urait.ru/info/how-to-read>

Нет подписки? Отправьте заявку!

Авторизуйтесь на urait.ru и перейдите в каталог

Выберите нужную книгу и нажмите «В заявку»

В разделе «Заявка» укажите количество книг или электронных доступов

Выберите ваше учебное заведение и отправьте заявку в библиотеку

Психология семьи: семейные кризисы

ГОРБУЛЯ Евгений Валерьевич

кандидат психологических наук, член-корреспондент
Международной Академии психологических наук.

Книга представляет собой обзор семейных отношений в ведущих странах мира, дана социальная и психологическая характеристика семьи. Рассмотрены семейные кризисы, их виды, различия, особенности. На основе собственных эмпирических и теоретических исследований дается обоснование наличия еще нескольких видов семейных кризисов, которые не менее важны, но не отражены в достаточной мере в психологической литературе и до настоящего времени не были раскрыты полностью. Дается их характеристика, отличительные признаки, особенности развития, структурирование и классификация.

Тезисно представлен диагностический инструментарий.

Для специалистов в области психологии, социологии, педагогики и студентов, обучающихся по этим специальностям, а также всем желающим самостоятельно разобраться в своих семейных проблемах и найти способы их решения.

КУПИТЬ
ЭЛЕКТРОННУЮ
КНИГУ В **ЮРАЙТ**
электронная
библиотека
biblio-online.ru

ISBN 978-5-534-10036-5

9 785534 100365